

X0613
С64
Социалистическое самоуправление народа и укрепление законности в
общенародном государстве: Межвуз. сб. / Краснояр. ун-т. Красноярск,
1989. 187 с.

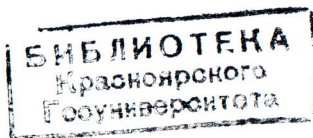
В сборнике рассмотрены проблемы развития и совершенствования социалистической демократии, самоуправления народа и укрепления законности и правопорядка в социалистическом обществе, показана роль Коммунистической партии в развертывании этих процессов в нашей стране.

Сборник адресован научным и практическим работникам, пропагандистам, студентам юридических вузов и всем, кто интересуется вопросами государственно-правового строительства в нашей стране в современный период.

Редакционная коллегия: Ким А. И. — д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РСФСР (отв. редактор); Иванов Ю. В. — канд. юрид. наук, доц. (зам. отв. редактора); Адрашкин В. Д. — канд. юрид. наук, доц.; Шафиров В. М. — канд. юрид. наук, доц.; Дробышевский С. А. — канд. юрид. наук, доц.

Рецензенты: кафедра теории и истории государства и права Томского государственного университета; Ю. С. Завьялов — канд. юрид. наук, доц. ВЮЗИ.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Красноярского университета.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы демократии, самоуправления, законности и правопорядка в социалистическом обществе в наши дни приобретают всевозрастающее значение. В докладе на XIX Всесоюзной конференции КПСС М. С. Горбачев говорил: «...процесс последовательной демократизации советского общества должен завершить создание социалистического правового государства. Если говорить кратко, то главное для характеристики правового государства состоит в том, чтобы на деле обеспечить верховенство закона».

В предлагаемом читателю сборнике научных работ, написанном сотрудниками различных вузов страны, в свете документов XXVII съезда КПСС, решений XIX Всесоюзной партийной конференции и последующих решений партии авторы стремились показать черты социалистической демократии, сущность, основные звенья и формы реального осуществления социалистического самоуправления народа в нашем обществе. В сборнике сделана попытка дать анализ практической реализации ряда конституционных прав и свобод граждан. Наряду с традиционным подходом к рассмотрению этих вопросов, в сборнике раскрываются малоисследованные в юридической науке аспекты (например, проблемы усиления гарантий прав личности, психологическая экспертиза в советском правосудии и др.).

Значительное место в сборнике уделено исследованию сущности социалистической законности как основного принципа организации и деятельности социалистического государства и различных форм ее реализации в жизни общества. Рассматривая проблемы совершенствования социалистической законности и укрепления правопорядка в жизни советского общества, авторы исходят из того, что оказывает решение их влияние на реальное осуществление социалистического самоуправления народа, развитие и углубление социалистической демократии, регулирование национальных отношений, отвечающее

интересам личности, нации (народности) и всего социалистического общества.

Стратегический курс, который призван ускорить социально-экономическое и политическое развитие Советского государства, намеченный апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС, XXVII съездом КПСС и получивший конкретизацию на последующих пленумах ЦК КПСС и XIX Всесоюзной партийной конференции, направлен на достижение нового качественного состояния советского общества.

Для советских людей ускорение и перестройка в экономической, политической, социальной и духовной сферах общественной жизни — первоочередные задачи.

Именно благодаря ускорению, развертывающейся перестройке возможен перевод всего народного хозяйства страны на рельсы интенсивного развития, дальнейшее повышение народного благосостояния, широкая демократизация жизни советского общества. Решающую роль в осуществлении задач, стоящих перед советским обществом в современных условиях, играет, наряду с другими факторами, государственно-правовая надстройка. «Перестройка для нас,— говорил М. С. Горбачев, — ...это опора на живое творчество масс, это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самостоятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики во всех сферах жизни общества; это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности».

Сборник научных статей рассчитан на широкий круг читателей: ученых, практических работников, пропагандистов, студентов гуманитарных (прежде всего — юридических) вузов и факультетов и на тех, кто интересуется вопросами государства и права.

Ю. В. ИВАНОВ.

В. Д. Ардашкин

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

К понятию государственной власти самоуправленческого типа

Восстановление и последовательное утверждение в нашем обществоведении и социально-политической практике идеи социалистического самоуправления народа имеет определяющее значение для пересмотра ряда ключевых положений в государственоведении. В первую очередь это относится к понятию государственной власти, к институтам власти социалистического общества.

Прежде всего преодолена надуманная концепция, базировавшаяся на отделении государства от самоуправления, на положении о том, что это разноплановые понятия: государство олицетворяет политическую власть, в то время как самоуправление — общественный авторитет. Государственная власть «изымалась» из системы самоуправления. Однако в период диктатуры пролетариата и первой фазы коммунистической формации народное самоуправление исторически необходимо — главным образом для решения государственных дел, для организации и функционирования государственной власти. Это должно быть понятно, ведь речь идет о решении самых масштабных и глубоких задач общественного преобразования. Известно, что Маркс раскрыл суть государства рабочего класса — Парижской коммуны — как политической формы самоуправления производителей: управление народа посредством самого народа (1). Советскую власть В. И. Ленин определил как новый тип государственной власти — «самоуправление государством» (2). Такая характеристика социалистической государственной власти как власти самоуправления отражена в новой редакции Программы КПСС, в материалах XIX Всесоюзной конференции КПСС (3). Это есть качественно новая, современная ступень исследования государственно-правовой организации советского общества. Соответственно ныне главный ориентир в реформе политической системы, в перестройке институтов государственной власти — открыть максимальный простор самоуправлению общества (4).

И решающее направление здесь — «обеспечение полномо-

ствия Советов народных депутатов как основы социалистической государственности и самоуправления в нашей стране» (5).

Самоуправленческая природа социалистической государственной власти теоретически предусматривается с позиций последовательного формационного подхода. Закономерные, сущностные признаки организации социальной власти определяются, как известно, типом производственных отношений данной общественно-экономической формации. Эти признаки, несмотря на постоянную внутриформационную, поэтапную трансформацию, сохраняют в принципе устойчивость, единство в границах формации. По ним судят о типе социальной (в том числе государственной) власти. Формационный подход дает возможность типовой, целостной характеристики и власти коммунистической формации, обеих ее фаз — низшей и высшей. Коммунистическому типу власти присущи такие общеформационные, коренные начала: гуманистические цели и созидательные функции, народное самоуправление, первенство и преобладание методов убеждения над принуждением. Следовательно, как отмечает Б. Н. Топорнин, самоуправление народа в принципе свойственно обществу на всем протяжении первой фазы коммунизма, т. е. на всем протяжении социализма, оно выступает как обязательный, объективно обусловленный этап общественного прогресса, предшествующий коммунистическому общественному самоуправлению (6). Государственная власть социализма воплощает указанные формационные признаки с определенной степенью полноты и зрелости в зависимости от достигнутого экономического, социального, политического и культурного уровня. Конечно, социализм как относительно самостоятельная фаза формации обладает и собственной органической целостностью, но иного, подчиненного порядка по отношению к целостности формационной, по отношению к общеформационным параметрам коммунизма. Трудно говорить об этом более определенно, поскольку и в теории, и на практике мы еще достаточно далеки от новой концепции социализма, от его нового облика (7).

Народовластие первой фазы коммунизма выступает прежде всего как государственное самоуправление (8), что означает: социалистическая государственная власть имеет целостные общекommunistические начала и в то же время определенные черты сходства с государственностью в собственном смысле (9). Социалистическое государственное самоуправле-

ние всего народа органически присуще всей первой фазе коммунизма и является конкретно-историческим видом власти коммунистического типа. Однако самоуправленческая, общенародная суть государственной власти наполняется реальным жизненным содержанием на разных этапах развития в зависимости от многих объективных и субъективных обстоятельств. Правильно построенные отношения социалистической собственности и базирующаяся на них система хозяйства, все адекватные формы производственных отношений — основа реализации самоуправленияческого потенциала социализма. Но и надстроечные учреждения, институты власти, вся политическая система могут открыть простор для расширения и углубления самоуправления, если только учитывать реальную структуру общества, многообразие интересов всех классов и социальных групп, всех наций и национальностей. На повестке дня — создание новой системы государственного самоуправления (в том числе национально-государственного самоуправления), которая бы воплощала и гарантировала плюрализм социалистического строя. При этом единство, концентрация социальных интересов обеспечиваются господством общественной собственности, социальной однородностью трудящихся, коммунистическим мировоззрением, руководящей ролью Коммунистической партии. Важное значение в консолидации и гармонизации, упорядочении и преобразовании жизнедеятельности социалистического организма принадлежит праву. Как объективная необходимость при социализме право является надстроечной категорией, существующей реально, закономерностью (в философском смысле) государственной и общественной жизни. В этом истоки концепции правового социалистического государства. Но его реальное построение предполагает полное разворачивание права как мощного субъективного фактора общественного развития.

В современных условиях в ходе обновления системы государственной власти будут интегрироваться присущие социализму самоуправленческие и правовые начала, начнется формирование правового самоуправленческого государства (10).

Принцип самоуправления (власть не только для народа, но и посредством самого народа) должен пронизывать всю нашу государственную структуру по вертикали, горизонтали и диагонали. Местные, территориальные, национально-территориальные общности, трудовые коллективы государственных предприятий, учреждений, организаций, все органы государ-

АДМ. А. ШИШИН, НУ И ТУПЫЙНЕ ТЫ!
СМ. ДУРАК.

ства (выборные и производные) следует перестроить как систему управления не только в интересах трудящихся, но и так, чтобы управление «закономерно, все в большей степени становилось непосредственным делом самих трудящихся...» (11). Однотипные процессы свойственны и преобразованию общественных структур, их взаимодействию с государственной организацией. Также должно быть создано и обновлено правовое обеспечение указанных революционных процессов. Первые шаги в этом направлении — начавшаяся реформа советской политической системы и правовая реформа. Задача состоит в том, чтобы советская государственная власть в полном объеме соответствовала понятию общенародной и самоуправляющейся (12).

Однако нельзя не заметить, что в нашей литературе появились трактовки, отрицающие общенародный характер советского права как возведенный в закон государственной воли всего советского народа. Логика рассуждений такова. Процесс сближения классов и социальных групп не привел и не может привести на современном этапе к полной социальной однородности общества, к формированию у всего народа единых интересов и единой воли. Более того, происходит образование новых социальных групп и слоев. Все многочисленные группы и слои имеют различные интересы и, следовательно, разную волю. Очень часто правовые нормы отражают волю и интересы тех групп людей, которые их разрабатывали, т. е. волю государственного аппарата. А аппарат управления часто не выступает носителем общенародной воли. Вот такая картина «средневекового» партикуляризма права, раздробленности аппарата власти предстает одному из авторов (13) (удивительно только, как все указанные структуры и институты еще не рассыпались). Верно то, что наше современное классовое общество многослойно и полиструктурно и что еще будут формироваться новые социальные группы и образования. Но почему при этом игнорируются общие и закономерные классовые и межклассовые, национальные и интернациональные, общесоциальные и всенародные интересы?! Почему интересы различных слоев и социальных групп не могут быть различиями внутри единства?! Конечно, имеются ныне и не исключены, видимо, в обозримом будущем проявления эгоистических, бюрократических, замкнутых в себе групповых, корпоративных, аппаратно-технократических и иных деформированных интересов. Такого рода запущенные социальные

отклонения и деформации действительно способны исказить, изуродовать до неузнаваемости социалистический характер государственно-правовых институтов. И все-таки природу социалистической государственной власти в целом определяют и во все большей степени будут определять концентрированные общенародные интересы, представляющие единство и социальное многообразие советского общества. Применительно к праву хочется подчеркнуть, что его общенародное содержание обусловлено не только едиными глубинными социальными интересами, но и гармоничным воплощением в нем интересов отдельных классов, наций и народностей, социальных слоев и групп.

Кроме того, в литературе (особенно публицистической) встречаются и другие упрощения действительности и, соответственно, актуальных задач нашего развития. Например, положение о восстановлении полновластия Советов понимается в значительной мере как возвращение к прошлому, к опыту 20-х годов, ибо «с первых шагов становления Советов были насквозь пронизаны началами самоуправления, являлись высшей законодательной властью на своей территории» (14). Это явное преувеличение. Из-за низкого уровня общей и политической культуры в первые годы Советской власти, в 20-х годах (такова основная, но не единственная причина) Советы не могли еще стать и не были органами реального полновластия и самоуправления трудящихся. В. И. Ленин отметил в 1919 году: «Этот низкий культурный уровень делает то, что Советы, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся через передовую слой пролетариата, но не через трудящиеся массы» (15). Не сложилось тогда и четкое разделение функций между партией и советскими органами (16). Задача установления полновластия Советов, перестройка институтов государственно-правового самоуправления должна быть достигнута на базе современной концепции социализма, в рамках обновленной политической системы с учетом, разумеется, исторического опыта.

О содержании и сферах самоуправления. Как отправной материал для размышлений и анализа приведем несколько типичных теоретических формул самоуправления. Социалистическое самоуправление народа «представляет собой систему управления государственными и общественными делами, которая действует не только для трудящихся, но и через са-

мих трудящихся, т. е. при их непосредственном участии» (17). «Самоорганизация, самодеятельность, саморегулирование, ответственность и выражает то, что мы называем самоуправлением при социализме» (18). «Под самоуправлением понимается непрофессиональное управление общественными делами, добровольно выполняемое всеми трудящимися наряду с основной производственной деятельностью и преимущественно во вне рабочее время» (19).

Многие авторы подчеркивают, что сферы самоуправления в современных условиях ограничены. А преобладают формы и способы государственного управления, ибо не все политические институты (армия и др.) действуют на основе самоуправления (20). В других источниках разъясняется, что осуществление типично государственных функций, сопряженных с государственным принуждением, невозможно только в порядке самоуправления (21). И еще: «В значительной мере за рамками самоуправления протекает управленческая деятельность профессиональных работников государственного аппарата» (22).

Ф. Н. Фаткуллин рассматривает параллельно самоуправление и управление как два относительно самостоятельных способа сознательной регуляции, которые в процессе взаимодействия, обогащения и совершенствования на общей платформе социализма трансформируются в перспективе в коммунистическое общественное самоуправление и управление (23).

Анализ показывает, что в наше государствоведение (и в обществоведение в целом) не вошло еще и не утвердилось в теории и практике понятие социалистического самоуправления в полном объеме как универсальная политическая организация общества в первой фазе коммунистической формации. И наоборот: «...можно сказать, что политическая система — это политически и государственно организованный советский народ, это и социалистическое самоуправление народа» (24). Именно такая организационная надстройка (общесоциальная система власти с ее сердцевиной — государственным самоуправлением) призвана превратиться в будущем в общественное самоуправление высшей фазы формации. Часто за самоуправление выдаются его отдельные аспекты и направления: формы, способы регулирования и т. д. И уж вовсе пародийным выглядит толкование социалистического самоуправления как непрофессионального управления, осуществляемого

«преимущественно во вне рабочее время»; это, проще говоря, общественная активность типа художественной самодеятельности... Но кому нужно решение государственных дел на уровне общественной самодеятельности? Неужели такое «самоуправление» будет перерастать в коммунистическое?

Самоуправленческая природа социализма закономерно обуславливает и ориентирует решение всех государственных вопросов (обороны и правоохраны в том числе) на принципах самоуправления. В государственной политике нет «запретных зон» для самоуправления народа. Конечно, самоуправленческие начала фактически далеки еще от всестороннего и последовательного воплощения в жизнь. Вместо них преобладают нередко централизованно-управленческие начала и даже формы и способы, присущие административно-командной системе. Но, конечно, уже в современных условиях есть возможности решать все важнейшие государственные дела в таких главных звеньях народного самоуправления, как Съезд народных депутатов и Верховный Совет. Например, до недавнего времени решению внешнеполитических вопросов были свойственны элитарность и кабинетность, монополизм и невосприимчивость к коллегиальному и демократическому обсуждению проблем, чрезмерная секретность. На научно-практической конференции Министерства иностранных дел СССР (июль 1988 г.) признана насущная необходимость общенародного участия в выработке внешней политики. Внешняя политика и дипломатия перестраиваются прежде всего в плане формирования конституционно-полномочного механизма обсуждения и принятия важнейших внешнеполитических решений, контроля за ними со стороны высших всенародных выборных органов. Это относится и ко всем ведомствам, занимающимся военной и военно-промышленной деятельностью, а также касается вопросов использования военной силы за национальными рубежами страны, планов оборонного строительства, открытости военных бюджетов (25).

Измененная недавно ст. 108 Конституции СССР установила, что к исключительному ведению Съезда народных депутатов СССР относится определение основных направлений внутренней и внешней политики СССР.

Достаточно распространенными являются представления о том, что самоуправленческие дела требуют коллективного обсуждения. В то же время узкоспециальные (чаще всего технические) вопросы входят в ведение единоначальных и колле-

гиальных органов (26). Думается, что это тоже отголосок толкования самоуправления как общественной самостоятельности. Самоуправление в областях государственной деятельности организуется и реализуется через непосредственные представления формы народовластия, через все формы «разделения властей» (законодательные, распорядительные и контрольные функции), через все органы — коллективные, коллегиальные и единоначальные. Сама жизнь диктует: по своему вкладу в совокупный общественный продукт необходимы все органы, осуществляющие как выработку программ, проектов, планов, так и их практическую реализацию.

Так, применительно к государственному предприятию (объединению) «самоуправление реализуется в условиях широкой гласности путем участия всего коллектива и его общественных организаций в выработке важнейших решений и контроле за их исполнением, выборности руководителей и единоначалия в управлении предприятием» (ст. 6, ч. 1 Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)». Далее в Законе определяются органы самоуправления трудового коллектива. В частности, устанавливается, что «единоначалие в системе самоуправления на предприятии осуществляется руководителем предприятия, руководителями структурных единиц объединения и подразделений» (ст. 6, ч. 4).

Сказанное вовсе не отрицает объективной необходимости управления, но в известных пределах, с подчинением единоначалия основам самоуправления, а иногда и вынужденного в определенных (прежде всего экстремальных) случаях.

Для того, чтобы все звенья государства (особенно исполнительно-распорядительные) органически встраивались в систему самоуправления, их формирования, структура и деятельность должны быть перестроены на принципах народовластия (выборность, сменяемость, подотчетность, ответственность перед народом и т. д.). То же можно сказать и об общественных подразделениях системы самоуправления.

Приоритетное значение начал самоуправления в ходе перестройки политической системы должно привести к преобразованию, обновлению содержания демократического централизма и других принципов социальной организации.

Содержание социалистического самоуправления следует дополнить такой общеформационной чертой, как социальная свобода (27). Она, как известно, означает господство человека над объективными законами общественного развития,

преобладание субъективного (сознательного, планового) над объективным, контроль коллективного, социального разума над общественными и природными силами и процессами (28). Следовательно, социалистическому самоуправлению имманентны, с одной стороны, научность, компетентность, профессионализм. С другой стороны, в самоуправлении заложены сознательность, организованность и социальная активность. Реальное же наполнение, уровень свободы зависят от ступени исторического развития, от иных объективных и субъективных обстоятельств.

Вместо заключения как синтез замечаний о государственности и самоуправлении можно предложить такое определение (советской государственной власти): это демократически централизованная организация социалистического самоуправления и управления, воплощенных в Советах народных депутатов, в подотчетном и подконтрольном им аппарате и других политико-правовых институтах, действующих преимущественно на основе сознательности, социальной активности народа и с помощью метода принуждения.

1. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 343, 344, 350.

2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 288.

3. См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 158—162; Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Политиздат, 1988. С. 118—119.

4. См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. С. 118.

5. Там же. С. 119.

6. См.: Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития / Ин-т государства и права АН СССР. М., 1986. С. 16. Данное положение обосновывалось ранее в работах А. К. Белых. См.: Белых А. К. Коммунизм и управление общественными процессами. М.; Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 7—13.

7. См.: Современная концепция социализма: Междунар. науч. конф. // Правда. 1988. 6 окт.

8. Выражение «государственное самоуправление» и ранее употреблялось в литературе (см., например: Белых А. К. Управление и самоуправление. Л.: Наука, 1972. С. 92—100; Лейнарт И. Экономика и демократия. // Пробл. мира и социализма. 1978. № 7. С. 6.

9. Опираясь на эти исходные, общие черты и сознательно отвлекаясь от социально-классовой природы государств, со-

существующих в современном мире, возможно и актуально необходимо универсальное понятие государства. Вот один из вариантов: это организация концентрированной власти, которая официально представляет все общество (классы, народ, его социальные слои, нации и народности) и выражается в единой системе органов в пределах определенной территории. Применительно к международному общению данная формула может быть модифицирована так: государство — это суверенная политическая организация единой власти, представляющая все общество (население, нации в пределах определенной территории).

10. В документах Болгарской Коммунистической партии, посвященных концепции дальнейшего строительства социализма в Народной Республике Болгарии подчеркивается неразрывная связь самоуправления, государственной власти и права: «Все самоуправляющиеся органы и организации, все органы государственной власти **будут действовать только в рамках закона. Самоуправленческое правовое государство должно опираться прежде всего на закон...**» (Информационный бюллетень ЦК Болгарской Коммунистической партии, София. 1988. № 1. С. 40).

11. Материалы XXVII съезда КПСС. С. 158.

12. См.: Там же. С. 118.

13. См.: Сов. государство и право. 1987. № 10. С. 54; Закон в правовом государстве // Известия. 1988. 6 окт.

14. Северьянов М. Д. Советам — полноту власти // Красн. рабочий, 1988. 31 мая.

15. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 170.

16. См.: Там же. Т. 45. С. 113.

17. Ильинский И. П. Социалистическое самоуправление народа. М.: Мысль, 1987. С. 35.

18. Самоуправление: от теории к практике. М.: Юрид. лит., 1988. С. 41—42.

19. Черныш А. М. Развитие социалистического самоуправления — основа демократизации общества. // Науч. коммунизм. 1988. № 1. С. 13.

20. См.: Самоуправление: от теории к практике. С. 47, 59.

21. См.: 70 лет Советского государства и права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 45; Цвик М. В. Теория социалистической демократии (Государственно-правовые аспекты). Киев: Вища школа, 1986. С. 51.

22. Проблемы теории государства и права. М.: Юрид. лит., 1987. С. 127—128.

23. См.: Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1987. С. 87—887.

24. Бурлацкий Ф. М., Мишунский В. О. Народ и власть. М.: Политиздат, 1986. С. 13.

25. См.: Внешняя политика и дипломатия // Правда. 1988. 27 июля.

26. См.: Ключев А. К. Управленческие процессы в трудовом коллективе: роль и место самоуправления // Политико-правовые проблемы формирования и активизации человеческого фактора. Омск: Изд-во Ом. ун-та, 1988. С. 105.

27. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 295.

28. См.: Паркин В. Ф. Диалектика свободы и необходимости при социализме. М.: Высш. шк. С. 57—100.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ЗАКОННОСТЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОРЕАЛИЗАЦИИ

В настоящее время в советской юридической литературе преобладает мнение, что учение об ответственности, взятой в ее ретроспективной определенности, есть учение о связи государства и лица, совершившего правонарушение. С позиций теории законности интерпретация этой связи состоит в анализе правовых норм, предписывающих государству наказать правонарушителя, а также реализации указанных предписаний в охранительных правоотношениях карательного профиля. С философской точки зрения учение об ответственности коренится в идее целого, т. е. в такой сопряженности субъективного права лица и объективного права общества, когда нарушение интересов первого рассматривается одновременно и как посягательство на интересы второго. Эмпирически подобное положение представляется фикцией, поскольку каждое правонарушение столь же конкретно, как и лицо его совершившее. Это, однако, противоречит взгляду на ответственность, существовавшему в догосударственных и переходных к государственным социальных образованиях, когда господствовало понятие, что правонарушения посягают лишь на интересы отдельной личности, и за ней признавалось право защищать их самостоятельно, исходя из имеющихся возможностей. Подобное положение иногда наблюдается и в случаях значительного ослабления государственной власти, например, в период феодальной раздробленности. Понятие публичной ответственности утвердилось как противовес данному взгляду. Его появление совпадает с образованием социальных классов и сильных централизованных государств, сложивших в античности кулачный партикуляризм патриархальных, а в новое время — феодальных общественных отношений. Благодаря этому в юриспруденции возникает реальная возможность рассматривать юридическую ответственность как особое правовое отношение, складывающееся между государством и правонарушителем по поводу осуждения и наказания последнего, но она не всегда реализуется. Так, например, было бы тщетно искать указанное определение юридической ответственности в серьезных работах Н. М. Коркунова, Г. Ф. Шершеневича или Л. П. Петражицкого, как, впрочем, и самостоятельные разде-

лы, посвященные ответственности, в написанных ими учебниках по общей теории права. Проблемы ответственности анализируются тут косвенно, применительно к общим мыслям о наказании, санкциях, нормах права, принципах правосудия и т. д. (1).

Указанная традиция преобладала также и в советской юридической литературе вплоть до начала шестидесятых годов. Она сильна и в настоящее время, особенно если учесть распространенное мнение, что областью ответственности является реализация санкции нормы права. Но даже те, кто придерживается подобного взгляда на ответственность, расходятся по вопросу о соотношении последней с охранительным правоотношением. Так, С. С. Алексеев, Л. С. Явич, И. С. Самощенко, М. Х. Фарухшин и ряд других ученых считают, что ответственность — это реализующее охранительное правоотношение, т. е. правоотношение в таком состоянии, когда в его рамках реально применяются санкции на основе предварительно вынесенных правоприменительных актов (2). Иной точки зрения придерживается С. Н. Братусь. Он полагает, что ответственность не правоотношение, а атрибут, свойство обязанности на той стадии ее реализации, когда и она не исполняется добровольно... По его мнению, превращение ответственности в правоотношение не вызывает необходимости, «ибо нового правоотношения при наступлении ответственности не возникает, а реализуется правоотношение, содержанием которого является либо ранее существовавшая обязанность, либо обязанность, вновь возникшая в связи с правонарушением» (3).

Нетрудно заметить: аргументация С. Н. Братуся опирается на такую гиперболизацию государственно-властных свойств правовой формы и авторитета силы в современном обществе, когда юридическая ответственность и государственное принуждение начинают рассматриваться в недопустимо близком, подчас тождественном смысле. О том, что это неоправданно как по соображениям теории, так и практики, было справедливо отмечено в нашей литературе (4).

Считаем необходимым добавить, что действительным атрибутивным признаком юридической обязанности является вовсе не ответственность за невыполнение последней, а принудительный характер гарантированного обеспечения исполнения юридической обязанности субъектом права со стороны государственных органов и должностных лиц, призванных

своевременно реагировать на притязания управомочных. К такому выводу мы всегда будем приходиться с неизбежностью, если акцентировать внимание не на принуждении к исполнению юридической обязанности, а на причинах противоправного поведения обязанного лица, которые отнюдь не всегда исчерпываются виной последнего.

«Нормативность права — государственное принуждение — юридическая ответственность» — таков ход размышления С. Н. Братуся, потому что он не учитывает очевидного факта: опосредование мерами государственного принуждения разнокачественных социальных явлений (виновных, казуальных, ошибочных, объективно-противоправных и даже таких деяний, которые в нормальных условиях могли бы и не привести к общественно-опасным результатам) есть та основа, познание которой необходимо для конструирования и совершенствования разнообразных средств правового принуждения (профилактико-предупредительных, восстановительных, карательных). Как в целом справедливо пишет Р. О. Халфина, именно «в процессе принудительного исполнения обязательства могут быть выявлены основания для применения мер ответственности. Восстанавливая на работе незаконно уволенного, суд вправе вынести решение о возложении оплаты за вынужденный прогул на лицо, виновное в незаконном увольнении. Выселяя гражданина, самовольно занявшего жилое помещение, можно установить в его действиях состав преступления и привлечь к уголовной ответственности. Но во всех подобных случаях ответственность возникает как самостоятельное отношение и далеко не всегда сопутствует принудительному осуществлению прав управомочного. Это новое правоотношение, как правило, с новыми участниками и новым содержанием» (5).

Разделяя мнение Р. О. Халфиной о юридической ответственности как новом правоотношении, нельзя согласиться с ней в том, что возложение оплаты (оно содержится в решении суда о восстановлении на работе) за вынужденный прогул на лицо, виновное в незаконном увольнении работника — есть мера ответственности. Здесь суд не понуждает обязанное лицо, как это может показаться при формальном подходе к вопросу, а лишь констатирует общую обязанность деликвента возместить материальный ущерб (при условии, что на возмещение ущерба настаивает управомочный). Суд не может (не должен) принуждать лицо к возмещению ущерба в данной ситуации, не предоставив ему предварительно

возможности возместить ущерб добровольно. Иначе суд отказывает деликвенту в понимании идеи права и посягает на правовую образ мышления и действия деликвента еще до того, как он предстанет перед судом. Здесь необходимо, на наш взгляд, наказывать, во-первых, за незаконное увольнение работника; во-вторых, за виновное уклонение от добровольного возмещения вреда по требованию управомочного. Если же вред был добровольно возмещен, лицо подлежит наказанию лишь за незаконное увольнение. Это вытекает из целостного подхода к ответственности как штрафному институту права, который необходимо отличать от иных, смежных с ним форм государственно-правового принуждения, в частности от мер защиты, и является выражением более общей проблемы соотношения права и закона в жизни социалистического общества.

Реализацию юридической ответственности в охранительных правоотношениях (родовой признак) карательного профиля (видовой признак), т. е. в уголовно-правовых, административно-деликтных, дисциплинарных и штрафных правоотношениях, предусмотренных нормами гражданского права, удобнее проследить на примере уголовно-правовых отношений как наиболее изученного вида охранительных правоотношений в юридической литературе. Однако это не означает, что все вопросы уголовно-правовых отношений исследованы в науке с абсолютной полнотой. Напротив, нынешний уровень познания недостаточен и напоминает фрагменты мозаики, которые еще предстоит сложить в единую картину. Мнения ученых здесь резко расходятся, но совпадают в одном: уголовная ответственность неразрывно связана с уголовным правоотношением, в рамках которого она существует и реализуется. В этих условиях первостепенное значение приобретает установление начального момента возникновения уголовно-правового отношения, поскольку он будет определять и момент возникновения уголовной ответственности. По данному вопросу намечились такие точки зрения: одни исследователи полагают, что уголовно-правовое отношение и тем самым уголовная ответственность как обязанность конкретного лица отвечать за совершенное преступление перед государством возникают с момента совершения преступления (6). Другие — что уголовно-правовое отношение возникает либо с момента привлечения виновного в качестве обвиняемого (7), либо с момента вынесения обвинительного приговора судом, а до этого существуют только уголовно-процессуальные отношения (8).

Сторонники первой точки зрения полагают, что преступление есть юридический факт, которым совершивший его ставит себя в особое отношение к государству в лице соответствующих органов власти, и данное отношение регулируется нормами уголовного права, определяющими основание и объем уголовной ответственности. При этом они вынуждены исходить из того, что отношение юридической ответственности проходит ряд этапов в своем развитии, причем движение материального охранительного правоотношения рассматривается ими как результат активной роли процессуальной формы, его опосредующей (9).

Едва ли можно согласиться с этими доводами. Что представляет собой отношение юридической ответственности, если лицо, совершившее преступление, скрывается от органов следствия и суда в течение срока давности, установленного для уголовного преступления, или если преступление остается латентным и не находит отражения в актах официальной статистики? Мы не разделяем мнение Б. Л. Назарова о том, что правонарушение как юридический факт объективно порождает определенное отношение юридической ответственности независимо от того, обнаружено правонарушение (правонарушитель) или не обнаружено, стало предметом разбирательства компетентными органами или нет (10). Где же тут определенность правоотношения, если преступление не обнаружено и не стало предметом разбирательства? В чем оно выражается? Об этом Л. Б. Назаров, к сожалению, умалчивает.

Трактовка уголовной ответственности как правоотношения, возникающего в момент совершения преступления, не дает ясного ответа на вопрос об определении юридической природы обязанности лица понести наказание. Что представляет собой эта обязанность, если она возникает в момент совершения преступления: носит ли она юридический характер; может ли преступник реализовать эту обязанность собственными действиями; противоречит ли указанная обязанность праву обвиняемого на защиту? Названные вопросы были справедливо поставлены О. Э. Лейстом, и он дал на них отрицательные ответы, оставаясь на принципах догматического анализа (11). Можно согласиться с мнением О. Э. Лейста, что несущий элемент конструкции уголовно-правового отношения (обязанность лица понести наказание, если ее рассматривать как обязанность, возникающую в момент совершения преступления) остается

неясным по своей юридической природе, но нельзя согласиться с ним в том, что идея уголовно-правового отношения оказалась пустой фикцией, мешающей теоретическому познанию ответственности (12). Ведь существование юридической обязанности понести наказание, назначенное судом, сомнений не вызывает. Признает ее и сам О. Э. Лейст. Тем более странным кажется вывод, который, согласно логике собственных рассуждений О. Э. Лейста, должен звучать следующим образом: уголовно-правовое отношение реально и возникает в момент вынесения приговора.

Часто приходится встречать утверждение: если считать уголовную ответственность лица возникающей в момент вынесения приговора, то тогда она превращается в чисто субъективную категорию, порождаемую приговором суда, а это отрывает ответственность от ее материально-правового основания и т. п. (13). Едва ли можно признать такие доводы убедительными. Ведь обвинительный приговор суда основан на акте объективно существующего негативного отношения лица к социальным нормам и ценностям, принятым в данном обществе. И разве процессуальный закон не нацеливает суд на полное, всестороннее и объективное исследование обстоятельств дела? Разумеется, нацеливает. Пусть вина лица неотделима от акта преступного нарушения общественного порядка, однако суд и только суд может возложить на лицо уголовную ответственность. Иное положение противоречило бы закону, отвергало презумпцию невиновности и не учитывало бы такой момент, как формальная определенность охранительных норм права. С этих позиций нельзя согласиться с мнением ученых, которые относят начало уголовной ответственности либо к моменту совершения преступления, либо к моменту предъявления обвинения органами предварительного расследования. Помимо приведенных аргументов, тут могут быть выдвинуты и следующие. Учение о том, что уголовная ответственность лица возникает в момент совершения преступления либо в момент предъявления обвинения, приводит к парадоксальной ситуации, когда ответственность существует, но не реализуется, выступая в виде возможности, в то время как реальная ответственность предполагает применение санкции уголовно-правовой нормы. Опасная тенденция этого учения заключается, на наш взгляд, в том, что оно придает предварительному расследованию обвинительный уклон, а ведь его задача состоит в установлении истины. Нельзя не учитывать и

то обстоятельство, что доводы следствия еще не определяют позиции суда. Ведь, провозглашая в общей форме свое право наказать преступника, государство сомневается в этом праве, как только дело касается конкретного лица. Оно предписывает юрисдикционным органам доказать применимость указанного права в каждом случае правонарушения. Это сомнение свидетельствует о нравственном характере государства, внешним выражением которого служит процессуальная форма. По существу здесь государство вновь утверждает себя как политически организованное целое, способное относиться к правонарушителю сообразно со своей природой. Данная характеристика государства представляется особенно важной в свете выдвинутых предложений о разработке концепции социалистического правового государства (14). Признанная выступить краеугольным камнем в деле перестройки правовой системы социализма, эта теория должна иметь, на наш взгляд, четко выработанную правоохранительную направленность. Вот почему нужно согласиться с мнением ученых, которые считают, что совершение деяния, внешне подпадающего под состав преступления, ведет к образованию лишь уголовно-процессуальных отношений, и естественным следствием развития их является либо освобождение, либо осуждение и наказание лица, его совершившего. В последнем случае возникает уголовно-правовое отношение как способ существования уголовной ответственности.

Стремление трактовать уголовную ответственность как правонарушение, в рамках которого государство осуждает и наказывает преступника, предполагает рассмотрение вопроса о соотношении уголовной ответственности и наказания. Вопрос этот не имеет общего значения, поскольку за пределами уголовного права решается в пользу их отождествления. Иное положение сложилось в науке уголовного права. Можно встретить утверждение: уголовная ответственность есть осуждение или порицание виновного, а наказание — лишь одна из возможных форм ее реализации. При этом добавляют, что наказание — типичная форма реализации уголовной ответственности. К числу иных форм обычно относят возложение ответственности с освобождением виновного от наказания, если: ко времени рассмотрения дела в суде лицо не может быть признано общественно опасным (ч. 2, ст. 50 УК РСФСР); истекли сроки давности уголовного преследования или наказание не может быть применено в силу акта амнистии (ст. 5 УПК

РСФСР); к несовершеннолетним применяются принудительные меры воспитательного характера (ч. 3, ст. 10, ст. 63 УК РСФСР); назначено условное осуждение (ст. 44 УК РСФСР); исполнение приговора отсрочено (ст. 46, ст. 46¹ УК РСФСР). Общим для всех этих случаев является то, что суд выносит обвинительный приговор, но наказание не назначается, либо назначается, но реально не отбывается. Однако поскольку факт государственно-правового осуждения налицо, то этого, по мнению некоторых авторов, достаточно, чтобы признать наличие уголовной ответственности (15).

Логика этой схемы оказывается несостоятельной, стоит лишь применить ее к типичной форме реализации уголовной ответственности. Что представляет собой наказание, если лицо, отбывает его по приговору суда? — Следствие ответственности? Нечто параллельное ответственности? Либо явление, существующее в рамках самой ответственности?

Положительный ответ на первые два вопроса означает: наказание и ответственность представляют собой самостоятельные явления. Положительный ответ на последний — что наказание суть ответственность, взятая в ее функциональном аспекте. Но тогда теряет логику первый тезис, либо придется исходить из того, что существуют два вида ответственности (ответственность-осуждение и ответственность-наказание), вопрос о соотношении которых остается открытым.

Как можно избавиться от названных противоречий, если законодатель был менее всего озабочен их появлением, когда ликвидировал в ряде социально оправданных случаев непосредственную связь между преступлением и наказанием? Впрочем, законодатель не мог отменить старую истину, согласно которой исключение лишь подтверждает правило. Поэтому необходимо, на наш взгляд, придерживаться такого правила: нормально развивающееся отношение уголовной ответственности должно завершиться наказанием преступника. Оно послужит ключом к пониманию ответственности, законом бытия ее как особой формы государственно-правового принуждения, рассчитанной на реализацию штрафной функции социалистического права (16).

Тезис о том, что уголовная ответственность возникает в момент вынесения судом приговора, в котором четко определены субъекты уголовно-правовых отношений, их права и обязанности, нуждается в уточнении, поскольку вопрос о моменте возникновения уголовной ответственности решается лишь

в самом общем виде. Проблема же углубленного понимания ответственности будет зависеть от решения вопроса о содержании и динамике уголовно-правовых отношений.

Как известно, в юридической литературе существуют две основные концепции по поводу содержания правовых отношений. Первая (ее можно определить как нормативную) исходит из того, что под содержанием правовых отношений понимают корреспондирующие друг другу права и обязанности их субъектов. Если придерживаться указанной точки зрения применительно к уголовно-правовым отношениям, то можно сделать вывод: они возникают в момент вынесения приговора, поскольку в нем четко определены субъекты уголовно-правовых отношений, их права и обязанности. Понятно, что детализация права на наказание и обязанности понести наказание, а это несущий элемент конструкции уголовно-правовых отношений, касается вида, размера и режима отбывания наказания осужденным. Но тогда придется различать моменты возникновения (вынесения приговора) и момент реализации (исполнение вступившего в законную силу приговора) уголовной ответственности, рассматривая их как однопорядковые правовые явления в рамках одного феномена (ведь речь идет лишь об этапах той же юридической ответственности). Подобное положение чревато непоследовательностью с точки зрения теории права, поскольку исполнение наказания есть деятельность, а не просто совокупность нереализованных, хотя и определенных в приговоре суда прав и обязанностей субъектов уголовно-правовых отношений. Поэтому необходимо, на наш взгляд, придерживаться концепции (ее можно определить как нормативно-социологическую), согласно которой под содержанием правовых отношений понимают деятельность их субъектов по реализации взаимных прав и обязанностей. А. Д. Горбуза справедливо считает, что возможное уголовное правоотношение превратится в действительное только в процессе практического осуществления субъектами предоставленных им прав и возложенных на них обязанностей. «Это случится лишь при исполнении наказания. Если осужденный уклонится от отбывания наказания, то уголовная ответственность (уголовное правоотношение) так и останется нереализованной» (17).

Изложенное позволяет прийти к выводу, что на уровне действительности уголовное правоотношение представляет собой процесс реализации вступившего в законную силу приговора суда и выражается в совершении осужденным и органом, ис-

полняющим наказание, определенных действий. Процесс исполнения наказания есть, таким образом, способ существования реального уголовного правоотношения, взятого в единстве его социального содержания и правовой формы, т. е. в единстве поведения субъектов уголовно-правового отношения, с одной стороны, их прав и обязанностей — с другой.

Рассмотрение уголовно-правового среза юридической ответственности дает возможность воспроизвести на уровне общетеоретического анализа ее важнейшую особенность. Эта особенность связана с генетической характеристикой данного правового института и заключается в интерпретации ответственности как специфически правового отношения, возникающего на основе акта применения санкции нормы права (18). Указанный подход, в свою очередь, позволяет уяснить важность процедур, обеспечивающих установление фактического основания (правонарушения) и меры ответственности виновного лица.

Высказанные в настоящей статье положения о некоторых спорных вопросах реализации юридической ответственности исходят из настоятельной необходимости усиления режима законности в деятельности органов советского государства, осуществляющих правоохранительную политику, нацеливают на обеспечение ими законных прав и интересов граждан, которые они затрагивают. С этих позиций углубление научных знаний в области теории юридической ответственности является надежным средством совершенствования юрисдикционной практики, законодательства и воспитания граждан в духе неуклонного соблюдения требований социалистического права и нравственности.

1. См.: Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1907; Петражицкий Л. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 1, 2; Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. Вып. 1.

2. См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1. С. 284; Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 233; Самощенко И. С., Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971. С. 67—69.

3. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976. С. 102—103.

4. См.: Явич Л. С. Указ. соч. С. 232.

5. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 318.

6. См., напр.: Пионтковский А. А. О понятии уголовной ответственности // Сов. государство и право. 1967. С. 41—42; Курляндский В. А. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. М., 1965. С. 32—34; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1969. С. 31; Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 3. С. 9; Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. Минск, 1976. С. 73—74 и др. Из представителей общей теории государства и права указанной точки зрения придерживаются Б. Т. Базылев, Л. В. Голевкин и Б. Л. Назаров. См.: Базылев Б. Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). Красноярск, 1985. С. 90; Головкин Л. В. Юридическая ответственность в связи с теорией правоотношений // Труды ВЮЗИ. М., 1970. Т. 39. С. 66—71; Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. С. 290—295.

7. См.: Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 21—22.

8. См.: Недбайло П. Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959. С. 99; Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М., 1961. С. 62—63; Смирнов В. Г. Функции советского уголовного права. Л., 1965. С. 157—159; Черданцев А. В., Кожевников С. Н. Понятие и содержание юридической ответственности // Правоведение. 1976. № 6. С. 46.

9. Например, Б. Т. Базылев выделял в юридической ответственности с момента ее возникновения и до полного прекращения три стадии: становление, конкретизацию, реализацию (см.: Базылев Б. Т. Указ. соч. С. 95); Б. Л. Назаров различает четыре стадии развития юридической ответственности: возникновение, выявление ответственности государственными органами, официальную оценку правонарушения, реализацию юридической ответственности (см.: Назаров Б. Л. Указ. соч. С. 296).

10. См.: Теория государства и права. М., 1983. С. 367—368.

11. См.: Лейст О. Э. Санкции и ответственность по советскому праву. М., 1981. С. 182—184, 190 и др.

12. См.: Там же. С. 198.

13. См., например: Назаров Б. Л. Социалистическое право в системе социальных связей. М., 1976. С. 293—295; Кучинский В. А. Личность, свобода, право. М., 1978. С. 192—194.

14. См.: Горбачев М. С. О ходе реализации решений

XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки: Доклад на XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Политиздат, 1988. С. 64—67; Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. 1987. № 14. С. 45; см. также: Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985. С. 164.

15. Санталов А. И. Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении // Вестн. ЛГУ. 1972. № 23. С. 125—129; Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 51; Огурцов Н. А. Правотношения и ответственность в советском уголовном праве. Рязань, 1976. С. 176; Курс советского уголовного права. Л., 1981. Т. 5. С. 500—505.

16. По мнению некоторых ученых вопрос о соотношении ответственности и наказания должен быть решен в пользу их полного отождествления. Это однопорядковые правовые понятия. Они стоят рядом, и одно без другого существовать не может (см.: Галаган А. И. Административная ответственность в СССР. Воронеж, 1970. С. 26—36; Черданцев А. Ф., Кожевников С. Н. Указ. соч. С. 42—45; Коваль Л. В. Административно-деликтное отношение. Киев, 1979. С. 9, 10). Интересна позиция А. Д. Горбузы. Он пришел к выводу, что диалектическая связь между понятиями уголовного наказания, уголовной ответственности и уголовного правоотношения состоит в их тождестве. Это означает, что они действительно гибки, универсальны, способны взаимодействовать и переходить друг в друга. Это обусловлено тем, что указанные понятия представляют собой различные по степени обобщенности логические формы отражения (познания) одного и того же социального явления — общественного отношения, возникающего между государством и личностью по поводу совершенного лицом преступления. А. Д. Горбуза полагает, что при исследовании указанных понятий необходимо «обращать внимание не только и даже не столько на их различие, сколько на тождество, ибо тождество этих понятий проявляется в их существенных признаках, а различие — в признаках «второстепенных» (Горбуза А. Д. О диалектике понятий «уголовное наказание», «уголовная ответственность и уголовное правоотношение» // Становление и развитие уголовного законодательства. Волгоград, 1973. С. 53). Позиция А. Д. Горбузы представляется правильной, поскольку она дает возможность подчеркнуть единство указанных явлений (в главном, основном, существенном) как фактор, имеющий принципиальное значение для теории права.

17. Горбуза А. Д. Философские категории «возможность» и «действительность» в учении об уголовной ответственности: Юридическая ответственность в советском обществе // Труды Высш. следств. школы. Волгоград, 1974. Вып. 9. С. 61—62.

18. Взгляд на ответственность как следствие акта применения санкции нормы права получил в последнее время в теории государства и права достаточно широкое распространение. См., например: Теория государства и права. М., 1985; Теория государства и права. Л., 1987.

Ю. В. Иванов

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В настоящее время главным, определяющим направлением радикального обновления всей системы национально-государственных отношений в нашей стране является их демократизация (1).

В области национально-государственной на первый план на современном этапе реформы политической системы выдвигаются проблемы правового регулирования соотношения суверенитета Союза ССР и союзных республик, демократизации правового статуса других субъектов социалистической федерации. «Весь ход развития страны приводит к выводу о необходимости радикальных преобразований в советской федерации» (2).

Необходимость научного планирования, прогнозирования главных направлений и тенденций развития, потребностей социального управления (в том числе и государственно-правового регулирования) национальных отношений отмечалась в исследованиях советских специалистов (3). Советскими государstведами в этом плане было выдвинуто положение о том, что социалистическим государством осуществляется государственно-правовое регулирование национальных отношений, объектами которого выступают нации и народности (В. Ф. Коток, И. Е. Фабер, В. А. Ржевский, Ю. Г. Судницын, Л. Н. Морозова и др.). Разделяя и поддерживая этот вывод, Е. И. Шавловский пишет: «Характерная особенность правового воздействия на разные стороны национальных отношений заключается в том, что социалистическое государство использует здесь главным образом конституционно-правовые институты и нормы государственного (конституционного) права... В этой связи представляется возможным вести речь о конституционном регулировании национальных отношений» (4).

Безусловно, конституционное регулирование национальных отношений занимает важное место в общей системе регулирования этой части общественных отношений. В то же время нельзя осуществлять их регулирование только с помощью институтов и норм одной отрасли, пусть и такой, как государственное право. Социалистическое государство, регулируя на-

циональные отношения, использует различные государственные институты и нормы права.

Речь идет прежде всего о дальнейшем расширении прав союзных республик и автономных образований путем более четкого разграничения компетенции Союза ССР и союзных республик, о широкой децентрализации и передаче на места ряда управленческих функций, об усилении самостоятельности и ответственности во всех сферах экономической, политической, культурной жизни и социального развития республик и регионов.

Переход к практическому решению поставленных задач требует в первую очередь разработки и принятия комплекса юридических актов, закрепляющих правовое положение и взаимоотношения союзных республик и автономных образований друг с другом и с Союзом ССР. Создаваемый правовой механизм регулирования этих отношений должен предусматривать взаимную ответственность субъектов межнациональных отношений и, прежде всего, ответственность союзных и республиканских органов за комплексное развитие каждого района. «Является целесообразным создание в Верховном Совете СССР, Верховных Советах союзных и автономных республик, в местных Советах, где это необходимо, постоянных комиссий по вопросам межнациональных отношений. Следовало бы также рассмотреть вопрос об образовании специального государственного органа по делам национальностей и национальных отношений» (5).

Регулирование межнациональных отношений оформляется, таким образом, в одно из основных направлений деятельности социалистического государства.

В литературе уже выдвигались предположения о необходимости выделять в качестве одной из основных внутренних функций социалистического многонационального государства функцию регулирования национальных (межнациональных) отношений. Так, в начале 60-х годов профессор А. К. Стальгевич писал, что одной из важнейших внутренних функций Советского государства в области политической является «обеспечение равенства и суверенности народов, дальнейшее сближение наций и укрепление их дружбы, усиление социальной однородности наций, развитие их общих коммунистических черт, культуры, морали и быта» (6). Аналогичные взгляды были высказаны и другими учеными (7). К сожалению, эти предложения не получили поддержки и дальнейшего развития.

Против выделения функций регулирования межнациональных отношений как одной из основных функций социалистического многонационального государства были высказаны различные возражения. Так, Н. В. Черноголовкин писал, что социалистическое многонациональное государство нельзя «наделять особыми, основными, внутренними функциями, исходя из особенностей форм его государственного устройства» (8). Иначе, по его мнению, функции государства перестанут выражать его сущность и социальное назначение. По мысли Л. И. Загайнова, межнациональные отношения регулируются в процессе осуществления всех основных функций государства. Он пишет, что отдельные негативные явления в области национальных отношений «не носят характера общегосударственной проблемы, требующей специальной основной функции для государственного регулирования межнациональных отношений в нашей стране» (9).

Разрешение национального вопроса, обеспечение равенства и суверенности народов, укрепление дружбы между ними, по суждениям других ученых, — один из основных принципов организации и деятельности социалистического государства, а не его функция (10).

Представляется, что приведенные возражения не бесспорны. При характеристике функций государства принято отмечать, что через них выражается его классовая сущность и социальное назначение. М. И. Пискотин писал, что функции — это направления необходимой деятельности государства, которые обусловлены потребностями общественной жизни с точки зрения ее внутренних и внешних задач (11). Функции государства неразрывно связаны с классовыми интересами, зависят от последних. Через них классовые интересы находят свою реализацию. Этими качествами обладает и функция регулирования национальных отношений. Нет и не может быть нации, которая была бы лишена классовой структуры. В социалистическом обществе формирование национальных интересов и потребностей происходит под влиянием классовых и социальных групп, составляющих данную нацию (народность, этническую группу). Ведущая роль в выработке классовых и общенациональных интересов принадлежит рабочему классу данной нации. Таким образом, интересы и потребности каждой нации и народности в социалистическом обществе в своей основе совпадают. Следовательно, национальные отношения, формы и методы их регулирования, вся деятельность государ-

ства и общественных организаций в этой области носят классовый характер, ибо «классовые дела сохраняют свое значение применительно к регулированию межнациональных и особенно межгосударственных отношений...» (12). При этом нужно иметь в виду, что сами национальные отношения не входят непосредственно в базис или надстройку классового общества. Это, конечно, не означает, что их регулирование лишено классового содержания, а они сами не оказывают существенного влияния на базисные и надстроечные отношения (13).

«В советской федерации заложен огромный потенциал, и важно использовать его в полную меру» (14). Вместе с тем необходимость в регулировании национальных отношений сохраняется. Главное содержание деятельности, осуществляемой государством под руководством КПСС, — это преодоление национальных пережитков, сближение наций и народностей нашей страны, дальнейшее развитие их экономики, культуры, т. е. деятельности, направленной на создание условий, способствующих переходу к коммунистическим общественным отношениям. Именно на достижение целей, а не на урегулирование отдельных негативных явлений в отношениях между нациями и народностями, выступающих лишь одной из частей рассматриваемой функции, направлена деятельность по регулированию национальных отношений (функция государства).

Регулирование национальных отношений происходит посредством выполнения специфического вида государственной деятельности, объектом которой выступают отношения между нациями, народностями и этническими группами в социалистическом многонациональном государстве. Главное, по поводу чего возникают и существуют данные отношения, — это единство наций и народностей, их национальный суверенитет, полновластие в решении экономических, политических, идеологических, территориальных и других вопросов, а также самостоятельное решение нацией (народностью, этнической группой) своих внутренних вопросов и взаимоотношений с другими нациями и народностями. В современных условиях развития социалистического общества возрастает значение деятельности государства, направленной на формирование и укрепление единства социалистических наций, деятельности, диктуемой единством решаемых задач, общностью экономики, идеологии, политики, культуры и, прежде всего, общностью конечных целей — построения коммунизма. Регулирование на-

циональных отношений охватывает не только национальные общности людей, но и межличностные отношения, выражающиеся в государственно-правовом закреплении и гарантиях равноправия граждан. Таким образом, если говорить о регулировании национальных отношений только как о принципе организации и деятельности социалистического государства, который реализуется через все его внутренние функции, «лежит в основе каждой из них» (15), то, значит, не замечать специфики этого направления государственной деятельности.

В современных условиях, как отмечается в Программе КПСС, в развитии национальных отношений действуют две взаимозависимые прогрессивные тенденции: дальнейшее развитие и расцвет наций и народностей и их неуклонное сближение, развертывающееся на основе добровольности, равенства, братского сотрудничества. «Это развитие несет с собой в отдаленной исторической перспективе полное единство наций» (16).

Сложность национальных отношений, их динамизм и высокие темпы развития, постоянно возрастающее влияние на базисные и надстроечные отношения требуют совершенствования форм и методов государственно-правового регулирования. Все это говорит о необходимости выделения в качестве одной из основных внутренних функций социалистического государства функции регулирования национальных (межнациональных) отношений.

Функция регулирования национальных отношений обладает признаками, которые характерны для любой другой функции социалистического государства: она выражает и предметно конкретизирует классовую сущность государства; в ней раскрывается служебная роль государства как важнейшей части надстройки; она, как и другие функции, возникает и развивается соответственно историческим целям и задачам государства и служит их претворению в жизнь.

«Любые национальные проблемы требуют взвешенного всестороннего подхода на основе глубокого анализа и объективных оценок каждой конкретной ситуации. Они должны решаться спокойно, чрезвычайно ответственно, в рамках социалистической демократии и законности...» (17).

Признание реального существования функции регулирования национальных отношений, научное исследование всех вопросов, связанных с ее содержанием, формами и методами осуществления, будет являться вкладом в глубокую научно-

теоретическую разработку проблем национальной политики, определенную в решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС (18).

1. См.: Горбачев М. С. О национальной политике партии в современных условиях: Докл. на Пленуме ЦК КПСС 19 сентября 1989 г. // Правда. 1989. 20 сент.

2. Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС): Принята Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 г. // Правда. 1989. 24 сент.

3. См.: Холмогоров А. И. Национальные отношения в социалистическом обществе: проблемы научного управления. Киев, 1982; Научное руководство национальными отношениями в развитом социалистическом обществе. Л., 1981; Бромлей Ю. Совершенствование национальных отношений в СССР // Коммунист. 1986. № 8 и др.

4. Шавловский Е. И. Национальные отношения в структуре объекта конституционного регулирования // Вопросы теории советского государственного (конституционного) права. Свердловск, 1986. С. 23.

5. О межнациональных отношениях... // Коммунист. 1988. № 10. С. 80.

6. Стальгевич А. К. К вопросам развития социалистической государственности в общенародное коммунистическое самоуправление // Государство и коммунизм. Некоторые вопросы теории государства и права в современный период. М., 1962. С. 17.

7. См., например: Гулиев В. Е. К методологии изучения государства: Тез. докл. и сообщ. на межвуз. науч. конф. по теорет. и методол. пробл. правовой науки. Кишинев, 1965. С. 57—58. Теория государства и права / Отв. ред. А. И. Денисов. М., 1967. С. 68; Денисов А. И. Советское государство. М., 1967. С. 144—145 и др. работы.

8. Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. С. 11; об этом же Черноголовкин Н. В. пишет во 2-й главе коллективной монографии «Социалистическое государство: сущность, функции и формы» (М., 1976. С. 22 и др.).

9. Загайнов Л. И. Экономические функции Советского государства. М., 1968. С. 23.

10. См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права // Социалистическое государство... С. 134.

11. См.: Пискотин М. И. К вопросу о функциях государства

в современный период // Сов. государство и право. 1958. № 1. С. 90—91.

12. Тихомиров Ю. А. Функционирование государства: диалектика классовых и общественных дел // Маркс и современная политическая теория. М., 1986. С. 42.

13. См.: Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1973. С. 35.

14. Национальная политика партии в современных условиях... // Правда. 1989. 24 сент.

15. Марксистско-ленинская общая теория государства и права // Социалистическое государство. С. 134.

16. Материалы XXVII съезда КПСС. С. 156.

17. О межнациональных отношениях... // Коммунист. 1988. № 10. С. 81.

18. Там же.

А. И. Ким

НАРОДОВЛАСТИЕ В СССР КАК САМОУПРАВЛЕНИЕ НАРОДА

XXVII съезд КПСС, определяя стратегию ускорения социально-экономического и духовного развития общества, обратил особое внимание на дальнейшую демократизацию страны, углубление социалистического самоуправления народа. КПСС видит в этом важнейшее средство активизации человеческого фактора как решающего условия успешного осуществления задач на оставшийся период нашего столетия. «Только через последовательное развитие демократических форм, присущих социализму, расширение самоуправления возможно наше движение вперед...», — указывает М. С. Горбачев (1). Это и обуславливает необходимость всестороннего изучения проблем социалистического самоуправления народа в СССР.

✓ Главное содержание самоуправления народа — в обеспечении реального, практического участия всей массы трудящихся в управлении — в разработке, обсуждении, принятии и осуществлении социально-экономических решений (2). Народовластие и прежде находилось в центре внимания наших государствоведов. Однако, к сожалению, в их исследованиях не всегда акцентировалось внимание на **самоуправленческих началах** народовластия в СССР.

Между тем главная задача Советского общенародного го-

сударства, как об этом говорится в Преамбуле Конституции СССР, состоит в построении бесклассового общества, в котором получит развитие общественное коммунистическое самоуправление. Зримые черты такого будущего постоянно возникают и развиваются уже в современных условиях, предвывая тем самоуправление будущего. **Народовластие в СССР по природе своей является самоуправлением народа.**

Следовательно, необходимо прежде всего и дальше рассмотреть вопрос о сущности самой логической категории **самоуправления народа**. Исходные положения для этого мы находим у классиков марксизма-ленинизма.

Так, К. Маркс подчеркивал, что для общества будущего станет характерен порядок, при котором «то положение, когда народом управляют, должно быть заменено **самоуправлением народа**» (3). Соответственно этому изменится и суть представительного правления: на смену представительству народа должно прийти его саморепрезентативство. Он указывал, что «...только материальное, бездушное, несамостоятельное, беззащитное нуждается в представительстве» (4). Подводя итоги историческому опыту Парижской коммуны, К. Маркс разъяснил, что самоуправление народа по своей сути есть «управление народа посредством самого народа» (5).

Аналогично рассматривал идею самоуправления народа В. И. Ленин. Еще до победы Великого Октября он показал, что большевики, опираясь на силу революционного творчества народа, не только завоюют государственную власть, но и удержат ее и доведут революцию до конца. При этом В. И. Ленин указывал, что не беда, если не все сразу смогут управлять государством. «...Разве, — писал он, — может быть иной путь к обучению народа управлять самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики? Как немедленный приступ к настоящему народному самоуправлению?» (6).

Идея «настоящего народного самоуправления» была воплощена в первом же акте Советского государства. Уже в обращении «Рабочим, солдатам и крестьянам!», написанном Лениным, было сказано, что «вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок» (7). А через неделю после обращения «К населению» показал, как должен поступать народ, осуществляя это «настоящее народное самоуправление». «Товарищи трудящиеся! — писал он. — Помните, что **вы сами** теперь управляете

государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете **все дела государства в свои руки**. Ваши Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы» (8).

В. И. Ленин неоднократно возвращался к вопросу о таком народовластии, которое составляет суть самоуправления народа. «Дальнейшее развитие советской организации государства, — указывал он, — должно состоять в том, чтобы... все население поголовно привлекалось постепенно как к участию в советской организации..., так и к несению службы государственного управления» (9). И далее: «Переход **через** Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего, а затем и **поголовно** всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством» (10).

Такова сущность самоуправления народа, возможного только в условиях, когда безраздельным субъектом государственной власти становится народ. Оно и составляет суть «действенного самоуправления народа» (Ленин).

Итак, под самоуправлением народа мы понимаем общественно-политический строй, при котором вся полнота власти принадлежит народу, где свободно обеспечиваются подготовка и принятие им решений по всем вопросам, имеющим общественное значение, как и проведение решений в жизнь.

Первая глава подобного самоуправления народа была вписана в первобытно-родовое общество, когда впервые оно возникло как образ жизни людей той общественно-экономической формации. Это было общество без классов, а потому и без государства с его огромным и дорогостоящим аппаратом принуждения, непременно включающим ныне право и правовые учреждения, тюрьмы, суды, карательные органы. Тем не менее в обществе царил идеальный порядок, добрые отношения между людьми. «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! — писал восхищенно Ф. Энгельс. — Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком» (11).

Такой бесценный исторический опыт может быть использован в процессе неуклонного восхождения человечества к вершинам цивилизации. «...Переход от капитализма к социализму, — писал Ленин, — **невозможен** без известного возвра-

та к «примитивному» демократизму...». «Примитивный демократизм на базе капитализма и капиталистической культуры — не то, что примитивный демократизм в первобытные или докапиталистические времена» (12).

Представляется, что на пути к торжеству общественного коммунистического самоуправления не может не иметь своего значения и опыт самоуправления в наших общественных организациях. Согласно ст. 51 Конституции СССР, трудящиеся объединяются в общественные организации в соответствии с целями коммунистического строительства и имеют своей задачей развитие политической активности и самостоятельности, удовлетворение их многообразных запросов. Именно потому государство гарантирует данным организациям условия для успешного выполнения своих уставных задач. Такие черты общественного самоуправления, как выборность во всех общественных формированиях, подотчетность выборных лиц (мандатариев), отзыв тех из них, кто не оправдывает доверия народа, и т. д., очевидно, найдут подтверждение в более широких и более усовершенствованных началах в самоуправлении народа в будущем.

Особенно представляются перспективными самоуправленческие начала, на которых строятся марксистско-ленинские партии и, прежде всего, КПСС, наиболее последовательно воплощающие ленинские организационные принципы. Вот как охарактеризована КПСС в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду: «Ведущей силой и главным гарантом развития социалистического самоуправления выступает партия. Выполняя руководящую роль в обществе, она и сама является высшей формой общественно-политической самоуправляющейся организации. Развертывая внутрипартийную демократию, повышая активность коммунистов, работающих во всех звеньях политической системы, КПСС дает правильное направление процессу углубления социалистического самоуправления народа, расширения участия масс, каждого человека в делах страны» (13). Новая редакция Программы КПСС и новый Устав КПСС обеспечивают повышение авангардной роли коммунистов, боеспособность первичных партийных организаций, развитие внутрипартийной демократии, обеспечение постоянного контроля за деятельностью каждой парторганизации, каждого работника. Таким образом, самоуправленческие начала КПСС получают дальнейшее развитие (14).

XXVII съезд указал: время требует, чтобы в дело управле-

ния страной все активнее вовлекались общественные организации. Чтобы возматала роль миллионных масс трудящихся в совершенствовании самоуправления народа. С высоты такого рода требований КПСС считает нынешнюю инициативу общественных организаций недостаточной, ибо в ряде случаев они пытаются действовать прежде всего силами штатного аппарата, бюрократически, слабо опираясь на массы. «Иными словами, — отмечает М. С. Горбачев, — народная творческая, самостоятельная природа общественных организаций реализуется далеко не полностью» (15).

В ленинском понимании самоуправление народа не может быть отделено во времени от завоеваний государственной власти, ибо последняя, став народовластием, превращается вместе с тем по необходимости в самоуправление народа. «Ленин, — говорит М. С. Горбачев, — никогда не противопоставлял советскую государственную власть и самоуправление народа» (16).

Классики марксизма-ленинизма рассматривали переход к самоуправлению трудящихся как практическую задачу пролетариата с момента его прихода к власти. В том и дело, что Советы, будучи открытой Лениным государственной формой диктатуры пролетариата, воплощают в себе как черты, свойственные государственной власти, так и черты общественных организаций, т. е. обеспечивают причудливое совмещение государственной власти и общественного самоуправления. Точнее: Советы, возникнув как творение народа, как профессиональные организации, после прихода рабочего класса к власти, сохраняя свою природу общественных формирований трудящихся, стали выполнять и функции представительных органов государственной власти. «Первый раз в мире, — указывал В. И. Ленин, — власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передается вся государственная власть» (17). Такая природа Советов обеспечила революционный переход государственной власти в руки пролетариата, установление подлинного народовластия. В. И. Ленин отвечал, что вопрос о создании республики Советов был решен в высшей степени легко, ибо оставалось сменить лишь вывеску: вместо «Совет существует как организация профессиональная» написать «Совет есть единственная форма государственной власти» (18).

Об этом уже говорилось во второй Программе партий, принятой в 1919 г.: «Пролетарская или советская демократия превратила массовые организации именно угнетенных капиталистических классов, пролетариев и беднейших крестьян-полупролетариев, т. е. громадного большинства населения, в постоянную и единственную основу всего государственного аппарата, местного и центрального, снизу и доверху» (19).

В. И. Ленин постоянно обращал внимание на то, что к государственному управлению нужно привлекать все большее число трудящихся, что оно должно стать делом самих трудящихся, впервые принятых революцией к самостоятельному историческому творчеству, но при этом трудящимся нужно овладеть необходимыми знаниями и опытом, а со временем и компетентностью. «Мы требуем, — указывал он, — чтобы **обучение** делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» (20).

Итак, в советских условиях государственная власть и самоуправление народа не только не противопоставляются, но они тесно взаимодействуют и дополняют друг друга, обеспечивая все более полное участие трудящихся, всего народа в управлении государством, в руководстве общественными делами. Говоря о самоуправлении народа, М. С. Горбачев отмечает: «...Оно составляет суть Советской власти. Самоуправленческие начала развиваются не вне, а внутри нашей государственности, все глубже проникая во все поры государственной и общественной жизни, обогащая содержание демократического централизма, укрепляя его социалистическую природу» (21). Самоуправленческие начала Советской власти были декретированы уже вторым Всероссийским съездом Советов: Совет Народных Комиссаров «...должен обеспечить проведение в жизнь провозглашенной съездом программы, в тесном единении с массовыми организациями рабочих, рабочих, матросов, солдат, крестьян и служащих» (22).

Идея народного самоуправления в современный период получила невиданно широкое и реальное воплощение в политической жизни советского общества. Все больше развиваются те организационные формы, которые эффективно уже сейчас обеспечивают постоянное и решающее участие народных масс в государственных делах. Когда-то В. И. Ленин писал: «Развитие демократии **до конца**, изыскание **форм** такого развития,

испытание их **практикой** и т. д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию» (23). Ныне это во многих случаях не только вырисовывается в далекой перспективе, но и представляется либо как реальная действительность, либо как вероятная, предreshенная перспектива. Созданы новые управленческие массовые формирования, например: организация ветеранов войны и труда, советы предприятий, всесоюзное общество борьбы за трезвость, советы женщин на местах, фонд культуры. С другой стороны, предполагаются меры по совершенствованию таких традиционных форм привлечения народа к участию в государственных делах, как дальнейшая демократизация порядка выборов, при котором избиратели получают возможность выразить свое отношение к большему числу кандидатов в депутаты, расширен круг субъектов права на выдвижение кандидатов в депутаты и т. д. В ходе всенародного обсуждения перед XXVII съездом КПСС партийных документов широкую всенародную поддержку получили установки программных документов по развитию самоуправления народа. «Высказывается, — говорил на съезде М. С. Горбачев, — единодушная поддержка линии на всестороннюю демократизацию социалистического общества, на максимальное и эффективное вовлечение всех трудящихся в управление экономическими, социальными и политическими процессами» (24). Эти установки съезда уже стали воплощаться в практике государственного строительства через совершенствование избирательного законодательства: вынесены необходимые изменения и дополнения в Законы о выборах в местные Советы народных депутатов (25), в Законы о выборах районных (городских) народных судов (26), установлены организационные формы проведения (в порядке эксперимента) выборов в местные Советы по многомандатным округам (27). На основе данных такого эксперимента, успешно проведенного при всенародной поддержке в июне 1987 г., выработано новое избирательное законодательство. В июне 1987 г. Верховный Совет СССР принял три закона (О государственном предприятии (объединении) (28), о всенародном обсуждении важных законов государственной жизни (29), о порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан (30).

Углубление социалистического самоуправления народа, пути становления и совершенствования которого были разрабо-

таны еще классиками марксизма-ленинизма и развиты КПСС, — насущная задача политического развития советского общества в современный период обновления общества с широким развитием самоуправленческих начал в общественной и государственной жизни народа.

1. Материалы Пленума ЦК КПСС. 27—28 января 1987 г. М., 1987. С. 25.
2. См.: Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 82.
3. Вопросы истории КПСС. 1968. № 2. С. 80.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 236.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 350.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 316.
7. Там же. Т. 35. С. 11—12.
8. Там же. С. 66.
9. Там же. Т. 36. С. 72—73.
10. Там же. С. 73.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 97.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 43—44.
13. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 236.
14. См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 38.
15. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3. С. 238.
16. Там же. С. 82.
17. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 238.
18. Там же. Т. 36. С. 7.
19. КПСС в резолюциях... М., 1954. Ч. 1. С. 413.
20. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 315.
21. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. С. 235.
22. СУ. 1917. № 1 // Ст. 1.
23. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 80.
24. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. С. 278.
25. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 10 // Ст. 307.
26. См.: Там же // Ст. 308.
27. См.: Там же // Ст. 319.
28. См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1987. № 26 // Ст. 386.
29. См.: Там же.
30. См.: Там же // Ст. 388.

К. Н. Княгинин

ВНЕШНЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ОХРАНИТЕЛЬНЫХ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ

Охранительная правоприменительная (юрисдикционная) деятельность играет важнейшую роль в деле укрепления социалистической законности и правопорядка. В конечном счете именно состоявшийся законный и обоснованный охранительный правоприменительный акт означает, что нормативные юридические предписания и стоящие за ними интересы общества, организаций и отдельных лиц должны получить надлежащую государственную защиту от нарушителей: в жизнь будут проведены меры правового принуждения в отношении лиц, совершивших (в случае осуществления мер превенции — могущих совершить) общественно опасные противоправные деяния.

Разрешая любое дело о правонарушении правоприменитель должен сопоставить гипотезу нормы фактическими обстоятельствами, а затем на основе санкции данной нормы (если установлено, что она распространяет свое действие на соответствующее общественное отношение) выработать индивидуальное правовое веление. Субъекту применения права приходится прилагать определенные мыслительные усилия для анализа содержания норм права, изучения юридических фактов и т. д. Отмеченные интеллектуально-волевые по своей природе операции, точнее — сопровождающие мыслительную деятельность правоприменителя, объединяемые в разнообразные умозаключения, суждения составляют содержание, или субстрат, выносимого в ходе поднормативного регулирования охранительного правоприменительного решения (акта).

Решение, являясь продуктом мышления лица, осуществляющего применение права, само обращено к интеллекту и воле своих адресатов. Ведь оно призвано выполнять возложенную на него функцию индивидуального регулятора общественных отношений, устанавливать рамки поведения субъектов. Чтобы не остаться не более чем несвязанным, так сказать, внутренним монологом правоприменителя, выносимый акт должен быть выражен вовне, что позволит окружающим воспринимать его субстрат. Таким образом, внешнее выражение охранительного решения есть та его «оболочка», с помощью которой применяющий право объективирует, фиксирует и доносит

до определенного круга лиц содержание своих установлений, а эти лица, в свою очередь, понимают, усваивают данное содержание.

Для передачи ввне охранительных решений используются средства двух типов: знаки-символы и знаки языковые (устные или письменные).

К первым относятся различные звуковые и световые сигналы, выражающие информацию о правовом предписании в образно-наглядном виде. Они имеют весьма ограниченную сферу применения. Первым условием их использования правоприменителем выступает необходимость оперативно принять решение и передать его смысл адресату. Причем донесение этого смысла с помощью словесной команды затруднено или даже исключено конкретными условиями правоприменения (удаленностью осуществляющего правоприменения лица от правонарушителя, шумовыми помехами и т. д.). Вторым условием применения знаков-символов является очевидность характера предписания для воспринявшего сигнал лица.

Эту, например, использование сигнала регулировщиком для пресечения нарушения правил дорожного движения, светового сигнала для предупреждения нарушения морской и воздушной границ государства. Так, неразумно в ситуации, чреватой дорожным происшествием, возлагать на сотрудника автоинспекции обязанность формулирования охранительного решения в письменном виде. Устное же указание в обстановке интенсивного транспортного движения не всегда может быть услышано. С другой стороны, отображаемое с помощью звукового сигнала (свиста) содержание правоприменительного веления доступно для понимания как адресатами решения, так и иными лицами. Общеизвестность нарушаемых правил дорожного движения, очевидность самого нарушения, отчетливо выраженная компетентность правоприменителя, на которую указывают его форменная одежда, жезл, все эти факты создают звуковому сигналу своеобразный контекст, позволяющий окружающим усвоить существо правоприменительного предписания.

Знаки-символы лишаются возможности выступать носителями доступных адресатам решений в случаях, когда содержание применяемых норм, а также обстоятельства противоправных деяний достаточно сложны, неочевидны. Это влечет за собой и неочевидность содержания решения, выраженного односложным звуковым либо световым сигналом. Для того

чтобы в такой ситуации отобразить свои веления точно и общедоступно, субъект применения должен прибегнуть к помощи языковых средств*. Отсюда подавляющее большинство правоохранительных решений формируется правоприменителем письменно или устно. Способ языкового выражения имеет немаловажное самостоятельное значение. Законодатель, закрепляя в правовых нормах обязанность лица, применяющего право излагать охранительное решение письменно или, оставляя за данным лицом возможность устной формулировки своего решения, исходит как раз из представлений о достоинствах и недостатках каждого из этих способов языкового отображения ввне правоприменительных предписаний.

Исследуя проблему внешнего отображения административных актов, Т. И. Никитушев выдвинул положение о том, что в письменном виде такие акты издаются тогда, в таких ситуациях, когда этого требует закон, когда акт исходит от коллегиального органа, имеет общий характер, исполняется длительное время и требует действий нескольких человек. Кроме того, акт может формулироваться письменно из-за требований отчетности, для точной фиксации намеченных им мероприятий, при необходимости доказывания правомочий субъектов (л. С. 91—99). Представляется, что данное утверждение не вполне точно описывает условия использования письменной речи для передачи ввне индивидуальных правовых, в том числе и охранительных, решений. Прежде всего, нельзя ставить в один ряд такие причины издания письменного акта, как, с одной стороны, предписание закона о письменном формулировании определенной категории правовых велений и, с другой стороны, длительность исполнения этих велений и т. п. Ведь требование законодателя издавать акт письменно является следствием причин второй группы. Далее, нет объективных препятствий для вынесения коллегиальным органом и устных решений. Если все коллегиальные органы и выражают свои правоприменительные предписания письменно, то это происходит не в силу какой-либо специфики состава данных органов, а в силу специфики подведомственных им дел и, соответственно, специфики самих принимаемых решений. Наконец, сама по себе точность фиксации (объективирова-

* Речь здесь идет о средствах естественного, а не искусственного (формализованного) языка. Закодированная с помощью искусственного языка информация доступна только специалистам, знакомым с этим языком.

ния) распоряжений правоприменителя связана не с тем, устно ли, письменно ли он их излагает (точность устной и письменной речи одинакова и равна точности языковых средств как таковых), а с тем, насколько скрупулезно субъект применения будет отображать в нем содержание принятого решения. Думается, что хотя такие причины, как необходимость отчетности, подтверждения полномочий, принимаются во внимание при выдвигании требований о письменном формулировании правового индивидуального акта, но сами они выступают лишь составной частью более общих условий письменного изложения правоприменительных охранительных решений.

Первым таким общим условием следует назвать длительность срока реализации охранительного предписания либо некоторый разрыв во времени между вынесением решения и его исполнением, даже если это исполнение сведется к однократному действию, например, внесению в банковское учреждение штрафа, наложенного за совершение административного правонарушения. В подобных случаях реализацию акта правоприменителя обычно обеспечивают многие граждане и должностные лица, отсутствующие при его объявлении. Для подтверждения существования решения и, как следствие, вытекающих из него правомочий субъектов часто появляется необходимость в копировании и пересылке акта. Сохранение оригинала письменного акта в архивах юрисдикционного органа позволяет это делать многократно. Кроме того, данное обстоятельство важно не только для реализации, но и для учета всевозможных правовых последствий решения. Так, например, охранительное предписание, помимо всего, может содержать преюдициальные факты.

Вторым условием, заставляющим прибегать к письменному изложению охранительного решения, следует считать необходимость всеобъемлющего контроля за правоприменительной деятельностью. Органам, проверяющим законность, обоснованность и целесообразность отображаемого письменного акта, проще получить более полное и объективное представление о его содержании, нежели о содержании устного акта. «Восстановление» сути не зафиксированного в документе устного решения возможно только через опросы выносивших его и присутствовавших при этом лиц. Здесь нет возможности обратиться непосредственно к объективированным установлениям правоприменителя. Причем письменные акты облегчают не только изучение каждого из них в отдельности, но и изуче-

ние правоприменительной практики одного органа либо группы органов. Такие решения проще регистрировать, систематизировать, по ним удобнее составлять обзоры, наконец, готовить отчеты и проверять их. Но надежный контроль за качеством охранительных правоприменительных решений ценен не только тем, что выступает средством выявления и исправления единичных решений и даже неудачных тенденций правоприменительной практики в целом. Следствием гарантированной подконтрольности правоохранительной деятельности будет и более добросовестное, более обстоятельное отношение осуществляющего правоприменение лица к своим обязанностям по доказыванию фактов, толкованию правовой нормы, выбору оптимального предписания. Если установлено, что незаконный охранительный акт принят по вине правоприменителя, то виновник сам может быть подвергнут мерам правового принуждения.

Нужно упомянуть еще об одном моменте, который нельзя полностью сбрасывать со счетов при обосновании потребности в письменном изложении охранительного веления. Записывая содержание акта, субъект правоприменения волей-неволей дополнительно продумывает, взвешивает все принятые решения, поскольку письменное формулирование мысли все-таки более отделено от самого мышления, чем устное. По крайней мере, между письменной речью и мышлением существует больший временной разрыв, чем между мышлением и устной речью. Последняя более оперативно, спонтанно передает мысль. Налагая на правоприменителя обязанность составления письменного решения, можно косвенным путем добиться от него усиления самоконтроля над всеми операциями по разрешению юридического дела. Тщательный самоконтроль особенно актуален в тех случаях, когда издание охранительного акта влечет за собой весьма серьезные правоограничения для правонарушителя, когда фактические основания, содержание применяемых юридических норм сложны и, следовательно, разрешение дела требует от применяющего право лица пространных рассуждений. Таким образом, заставив субъекта применения права сконцентрировать внимание на перепроверке своих выводов, можно в какой-то мере уменьшить опасность принятия скоропалительных решений.

При отсутствии обстоятельств, безусловно требующих формулирования правоприменительного охранительного решения

в письменном виде, достоинства письменного акта как бы отступают на дальний план, и в то же время проявляются некоторые негативные моменты письменной передачи правоприменительных предписаний: во-первых, ее недостаточная оперативность; во-вторых, ее известная неэкономичность.

В ситуации, когда необходимо мгновенно довести до адресата содержание охранительного решения, исполнение которого к тому же не терпит отлагательств, применяющему право лицу не остается ничего иного, как пользоваться либо односложными сигналами-символами, либо — устными командами. Иногда недостаточная мобильность письменной речи не просто может затруднить вынесение письменных актов о реализации некоторых мер административного пресечения, но вообще может лишить это вынесение всякого смысла, ведь тогда письменное предписание о прекращении нарушения формулировалось бы после его фактического прекращения или завершения.

Но порой и тогда, когда нет острой нужды в оперативном вмешательстве правоприменителя, более рациональным следует признать вынесение охранительных решений в устном, а не в письменном виде. Все-таки письменное изложение содержания акта влечет за собой большую загруженность субъектов применения. Возрастание числа письменных актов потребует и дополнительных трудовых затрат обслуживающего персонала государственного аппарата и материальных затрат, связанных с обработкой и хранением документов. В случае издания всех формируемых ныне устно охранительных решений в письменном виде рост подобного рода издержек в масштабах страны был бы достаточно ощутим. Причем эти издержки были бы во многом неоправданными. Ведь если ход интеллектуально-волевой деятельности по разрешению дела очевиден, вынесенное предписание требует от адресата совершения какого-либо немедленного однократного действия (например, при наложении на месте штрафа *), при досмотре

* В квитанции, вручаемой оштрафованному на месте правонарушения, фиксируют не правоприменительное решение, а его исполнение (уплату штрафа).

вещей и личном досмотре * или вообще не требует совершения каких-либо действий (например, при замечании, предупреждении и т. п.), то нет необходимости отображать соответствующие решения письменно. Здесь и устный акт способен гарантировать надлежащую эффективность охранительного правоприменения.

При использовании письменных формулировок для отображения содержания правоприменительного решения необходимо сохранение его формулировки (документа, в котором она зафиксирована). Если реализация устного акта как бы лишает его формальной юридической значимости (акт имеет значение исключительно для дела, в связи с которым он вынесен), то не возникает проблемы сохранения сведений о его содержании. В тех же случаях, когда устное охранительное правоприменительное решение (даже будучи немедленно исполненным), все-таки остается потенциально юридически значимым, перед субъектом применения встает задача сохранения данных о существенных моментах этого решения. Известные трудности, связанные с закреплением сведений об устных установлениях, должны вести к отказу от вынесения таковых. Целесообразность вынесения при определенных обстоятельствах устных распоряжений отмечал В. И. Ленин. Он предлагал кратко стенографировать важнейшие из них или фиксировать с помощью звукозаписывающей аппаратуры (З. С. 158).

Представляется, что в практике юрисдикционной деятельности для сохранения данных об устных установлениях можно применять журнальную, карточную, бланковую системы **,

* Обычным способом отображения правоприменительного решения о производстве досмотра багажа пассажира воздушного судна будет устное распоряжение (правда, часто нет необходимости специально формулировать и это распоряжение). Но при отсутствии пассажира досмотр его багажа, согласно п. 6 Правил производства досмотра ручной клади, багажа и личного досмотра пассажиров гражданских воздушных судов, возможен только по мотивированному решению (изложенному в письменном виде) (2.1978. № 14. Ст. 93).

** С помощью журналов, карточек и бланков могут регистрироваться и документально выраженные решения. Но при сохранении самого документа подобная регистрация преследует не столько цели закрепления содержания акта, сколько цели облегчения статистической обработки актов, поиска текста отдельного решения и т. д.

используемые в сфере исполнительно-распорядительного (позитивного) правоприменения (4. С. 185). В то же время, факт вынесения устного охранительного решения порой фиксируется специфическим способом. Так, до недавних пор устно вынесенное предупреждение водителю автотранспорта фиксировалось компостерной просечкой в талоне к водительскому удостоверению*, а у бойца студенческого отряда отрывали корешки в личном талоне по технике безопасности.

Такой способ закрепления сведений об охранительных решениях весьма удобен своей простотой, оперативностью. В условиях, когда накопление нарушителем какого-то числа предупреждений влечет за собой более жесткие принудительные меры, в частности, лишение права заниматься соответствующей деятельностью, наличие прокомпостированных или оторванных талонов в именном удостоверении определенного лица дает правоприменителю возможность сразу же установить: есть ли основания для применения этих жестких мер. Очевидный недостаток данного способа фиксации охранительных актов заключается в том, что информация, закрепляемая с его помощью, если так можно сказать, маловариантна. Число компостируемых в талоне граф, число оторванных корешков, в которые можно «заложить» сведения о правонарушениях, не может быть безграничным. Отсюда и возможности использования талонов предупреждения достаточно узкие. Прибегают к ним, фиксируя охранительные акты, вынесенные в связи с однородными и весьма специфичными правонарушениями, совершенными обычно в процессе какой-либо профессиональной деятельности.

Самостоятельный теоретический интерес представляет исследование вопросов об оптимальном объеме сведений о содержании охранительного режима, который должен быть отражен вовне. Ведь этот объем может значительно различать-

*С. Т. Гончарук называет компостерную просечку «способом предупреждения» (см.: 5. С. 84). Но если быть точным, «способом предупреждения» следует называть устное распоряжение работника Госавтоинспекции. Компостирование талона — есть закрепление сведений о состоявшемся предупреждении. Об этом свидетельствует и то, что согласно п. 33 действовавшей Инструкции о порядке производства по делам административных нарушений правил дорожного движения в талоне предупреждений должны фиксироваться и сведения о вынесении письменного охранительного акта (постановления).

ся. Когда правоприменительный акт передается знаком-символом либо устной командой, то фактически адресаты акта и иные лица могут «осознать» только предписывающую часть решения. В то же время разрешение судом уголовного или гражданского дела воспроизводится в соответствующем документе достаточно подробно: в нем указываются не только итоговые предписания, но и их основания.

На первый взгляд может показаться, что нет особой потребности во внешнем выражении каких-либо моментов содержания охранительного решения, кроме заключительных выводов правоприменителя — собственно велений. Именно веления сосредоточивают в себе «заряд энергии», позволяющий индивидуальным актом выполнять функцию поднормативного регулирования общественных отношений, индивидуализировать права и обязанности субъектов охранительного правоотношения. Но мы не должны забывать и об иных функциях охранительного решения и, прежде всего, о воспитательной. Воспитывать может и односложный приказ, но, безусловно, эффективное воспитательное воздействие по плечу лишь мотивированному акту — акту, все основные внутренние компоненты которого становятся непосредственно доступными для окружающих. Будучи осведомлены о доказанности обстоятельства противоправного деяния, о законной силе применяемого нормативного акта, о факторах, повлиявших на выбор именно этой, а не иной меры принудительного воздействия, окружающие убеждаются в обоснованности действий правоприменителя, стоящего на страже социальных ценностей нашего общества, в справедливости принуждения, которому подвергается правонарушитель. Важную роль играет развернутое изложение содержания акта и в деле повышения ответственности субъектов применения права за качество своей деятельности. Доскональное устное и тем более письменное формулирование акта представляет большие возможности для контроля за правоприменением как специальными надзорными органами, так и самим адресатам акта.

Выдвижение требований об обстоятельном изложении во вне рассуждений правоприменителя, конечно же, не означает, что последний обязан передавать в устном распоряжении или письменном документе свои умозаключения во всех без исключения деталях. Хотя такая передача теоретически и возможна, но практически осуществить ее было бы непросто, а главное — в ней нет необходимости.

Утверждение о том, что в словесном языке обычно не высказывается все то, что подразумевается (6. С. 15), точно раскрывает зависимость между внешним выражением охранительного правоприменительного решения и его внутренним содержанием. Некоторые общезвестные утверждения и утверждения, суть которых легко «домысливается» воспринимающим акт лицом на основе сообщенных вовне суждений, можно не приводить при формулировании акта*. Правоприменителю достаточно изложить самые значимые посылки и выводы своих заключений, составляющие «каркас» содержания охранительного решения и позволяющие вполне определенно судить о том, какими соображениями руководствовался субъект применения права, разрешая данное дело. Не отображив некоторые важные для понимания всякого правоохранительного акта моменты, применяющее право лицо может посеять известные сомнения в законности, обоснованности и целесообразности своего решения.

Как представляется, можно говорить об определенном минимуме сведений (о ходе интеллектуально-волевых операций правоприменителя), который необходимо выражать в словесной формулировке. Вынося охранительный акт, субъект применения должен указать на применяющий право орган и персонально представляющее его лицо (если орган коллегиальный, то указывается его состав), на участвующих в разбирательстве дела лиц (когда это участие обязательно). Правоприменителю надо описать деяние, являющееся предметом рассмотрения, доказательства совершения данного деяния конкретным человеком (последнее — за исключением случаев очевидности факта противоправного поступка и допущения в качестве доказательства непосредственного восприятия такого поступка применяющим право лицом). Необходимо в тексте соответствующего документа или при формулировании устного акта привести и употребляемое законодательное положение. Если субъект применения избирает оптимальный вариант итогового предписания в допускаемых нормой пределах, то он должен излагать вовне суждения о тех обстоятельствах, которые, по его мнению, влияют на меру ответственности

* В качестве примера практически никогда не отображаемых внешне, однако входящих в содержание решения умозаключений можно назвать умозаключения, сопровождающие интеллектуально-волевою операцию по критике источника права (установление его подлинности).

сти нарушителя. Подробным образом требуется отображать и сами властные веления применяющего право. Наконец, важно сообщить, излагая решение, порядок его вступления в законную силу, процедуру обжалования акта (при ее наличии), порядок исполнения предписаний. Не включать в себя эти сведения могут только устные формулировки решений, выносимых в обстановке, требующей немедленного изложения сути веления и безотлагательного его исполнения.

Устанавливая перечень требований к документам, в которых фиксируются такие важнейшие охранительные правоприменительные акты, как судебный приговор, судебное решение, решение государственного арбитража, правотворческие органы указывают, что эти документы должны включать в свой текст сведения, раскрывающие логическую цепочку рассуждений правоприменителя. Например, из данных документов, если они отвечают требованиям соответственно ст. 313—317 УПК РСФСР, ст. 197—202 ГПК РСФСР, ст. 80 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственным арбитражем, должна быть отчетливо видна компетентность правоприменителя, доказанность фактической стороны дела, правильность юридической квалификации фактов, оптимальность индивидуализированного предписания.

В то же время некоторые из действующих нормативных положений, думается, можно было бы дополнить. Например, в ч. 2 ст. 261 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях целесообразно указать на то, что в постановлении о наложении административного взыскания не только описываются обстоятельства правонарушения, но и приводятся доказательства, их подтверждающие. Желательно было бы включить в данное установление и предписание, обязывающее юрисдикционный орган формулировать свои соображения о необходимости именно этой, а не иной принудительной меры. В ч. 2 ст. 37 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних (7. 1967. № 23, ст. 236) идет речь о том, что, фиксируя письменное содержание своего решения по делу о правонарушении несовершеннолетнего, комиссия указывает и на доказательства, и на мотивы избрания определенного воздействия. Но это же нормативное положение не требует от комиссии ссылок в своем постановлении на источник права, которым оно руководствовалось, вынося решение.

Как представляется, в наибольшей степени в усовершенствовании нуждаются те нормативные акты, которые, регла-

ментируя юрисдикционную процедуру, не обязывают правоприменителя сколько-нибудь развернуто излагать ввне сведения о содержании охранительного решения. К примеру, согласно ч. 7 ст. 261 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, в предусмотренных законом случаях, письменная формулировка охранительного акта может свестись к простой записи о мере взыскания в протоколе об административном правонарушении. Положение о поощрениях и дисциплинарной ответственности прокуроров и следователей органов прокуратуры СССР также не возлагает на субъекта применения предусмотренной в иных аналогичных Положениях и Уставах обязанности выносить мотивированный приказ о дисциплинарных взысканиях (8. 1984. № 8, ст. 121). Наконец, ощущается потребность в нормативных положениях, регулирующих порядок вынесения устных правоприменительных охранительных актов. Требования к внешнему выражению таких актов несложно унифицировать. Необходимо обязать правоприменителей, налагающих штраф на месте правонарушения, производящих досмотр и т. д., называть, по крайней мере, сведения, входящие в предложенный выше минимальный перечень данных об узловых пунктах интеллектуально-волевой деятельности по разрешению дела. Это способствует сокращению числа незаконных и необоснованных устных охранительных решений, которые пока не такое уж редкое явление (9, 10, 11).

Но субъект применения не вправе рассчитывать на то, что механическое следование процессуальным нормам, пусть даже и устанавливающим правила о самом детальном формулировании содержания акта, само по себе приведет к действительно мотивированному его изложению. Применяющий право должен как бы взглянуть на внешнее выражение отдельного решения со стороны, представить, насколько продуманными, не оставляющими и тени сомнений в своей аргументированности будут выглядеть его выводы для людей, услышавших или прочитавших словесную формулировку охранительного акта. Иногда для окружающих надо особенно тщательно обосновывать юридическую квалификацию деяния, иногда — избранную меру наказания, а порой нужно уделить особое внимание приведению доказательств обстоятельств дела. Поэтому объем содержащихся в языковом выражении охранительного решения сведений в принципе должен быть различным не только, например, для постановления о наложении ад-

министративного взыскания и приговора, но и для двух отдельных приговоров, в том числе и выносимых по совпадающим в некоторых чертах уголовным делам.

Деятельность субъекта применения по внешнему отображению охранительного акта можно исследовать еще под одним углом зрения. Ведь теоретического осмысления требуют как вопросы избрания способа и степени полноты словесного выражения правоприменительного решения, так и вопросы языка, используемого для этого выражения. В рамках изучения последней группы вопросов затрагиваются лексика, стилистика, а также, как представляется, логика формулирования правоприменителем своих установлений.

Некогда В. Г. Белинский писал, что один оратор властвует над аудиторией своим бурным вдохновением; другой — вкрадчивой грацией, третий — иронией, насмешкой, остроумием; четвертый — последовательностью и ясностью изложения (12. С. 508). Нетрудно заметить, что, уподобив оратору субъекта применения, формирующего акт, мы сумеем дать ему возможность полагаться в полной мере исключительно на силу ясного и последовательного изложения мыслей. Правоприменителю не пристало ни блистать иронией, ни зачаровывать особой изощренностью слога, ни прямо апеллировать к эмоциям. Привлечет внимание и найдет благоприятный отклик прежде всего то решение, которое будет для окружающих понятным и логичным.

Устное правоприменительное распоряжение либо текст, исходящий от субъекта применения документа, должны быть в идеале понятны самым широким слоям населения, не имеющим никакой специальной юридической подготовки, да и не обладающим минимальными навыками обращения с официально-деловой речью. Но непреложным является и требование о точном и экономичном формулировании акта. Пожелания максимально ясного и максимально четкого, определенного внешнего выражения охранительных решений порой не так-то просто реализовать одновременно. Понятность акта зависит в конечном счете от понятности отдельных слов, предложений, систем предложений, в которых отображаются рассуждения применяющего право лица. Использование терминов — понятий с точно фиксированным значением — выступает непреложным условием точной речи, облегчая специалистам, но затрудняя всем остальным усвоение смысла этой речи.

Внешняя форма охранительного правоприменительного ак-

та или организация, структура отображаемых в нем моментов его содержания показывает нам, в какой последовательности правоприменитель выражает ход своих мыслей. Внутреннее содержание представляет собой структуру самого правоприменительного акта и предопределяется логикой разрешения юридического казуса. Это содержание в данном случае предстает организованными в группу умозаключениями, соответствующими определенным интеллектуально-волевым операциям применяющего право лица — толкованию права, доказыванию фактов и т. п. Внешняя же форма охранительного решения зависит не от закономерностей мыслительного процесса субъекта применения, а от закономерностей передачи этого процесса вовне.

Конечно, организация внешнего выражения содержания охранительного акта не должна быть произвольной. В ходе правоприменительной практики сложилось, а затем и закрепились в нормах права представление об оптимальной последовательности изложения индивидуального правового решения. Эта последовательность обеспечивается трехэлементной структурой внешнего выражения охранительного акта: оно объединяется во вводную, описательную и резолютивную части*. Придерживаясь такой схемы отображения содержания охранительного акта применения, правоприменитель указывает сначала в общем виде на характер рассматриваемого дела и на разрешающий это дело орган, затем — на фактические и юридические основания решения; наконец, формулирует выводы о виновности правонарушителя и о назначенных ему принудительных мерах.

Если оценивать возможности словесного изложения содержания охранительного акта как транслятора какого-то объема информации, то необходимо признать, что данные возможности практически не зависят от порядка следования означенных частей. В принципе субъекту правоприменения позволительно будет, например, после вводной части сформулировать резолютивную и только потом описательную. В ряде зарубежных социалистических стран принят этот порядок изложения таких охранительных актов применения, как судеб-

* Несколько сложнее внешняя форма решений судов по гражданским делам и решений государственных арбитражей. Соответствующие документы состоят из четырех частей: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной.

ный приговор (14. С. 170), судебное решение (15. С. 94), административно-правовое решение (16. С. 461). И все-таки более предпочтительным представляется, так сказать, прямой порядок следования частей акта. Подобным образом составленное внешнее выражение решения заставляет знакомящихся с его содержанием узнать сначала оспаривания итоговых предписаний и только потом — сами данные предписания. Это усиливает убежденность окружающих в правильности выводов, к которым пришел субъект применения. Кроме того, оглашение такого акта вынуждает всех присутствующих с повышенным вниманием прослушать весь его текст. Кульминация воздействия оглашения охранительного решения наступает в момент формулирования собственно велений. Если итоговые предписания будут обнародованы ранее, чем их оспаривание, порожденные этими предписаниями чувства удовлетворения или неудовлетворения, одобрения или протеста и т. д. едва ли будут способствовать сосредоточенному восприятию выводов правоприменителя в пользу законности и обоснованности решения.

В заключение хотелось бы подчеркнуть известную самостоятельность проблем интеллектуально-волевого процесса разрешения юридического дела и выражения этого процесса вовне. Всякий субъект применения обязан не только тщательно обдумать решение, но и уделить самое пристальное внимание изложению своих рассуждений. Внешнее выражение охранительного акта должно исключать ошибочные представления о действительных установлениях правоприменителя. От того, насколько это удастся осуществить, во многом зависит выполнение юрисдикционной деятельностью ее стратегической задачи — задачи укрепления социалистической законности.

1. Никитушев Г. И. Форма и структура административных актов // Проблемы государственного и международного права. Свердловск, 1972. С. 91—99.

2. СП СССР.

3. Ленин В. И. Постановление о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО) // Полн. собр. соч. Т. 45. С. 152—159.

4. Журавлева И. В., Катрич С. В. Регламентация устных процедур выработки и принятия управленческих решений // Проблемы государства и права. Вып. 10. М., 1975. С. 177—188.

5. Гончарук С. Т. О совершенствовании административно-

юрисдикционной деятельности органов внутренних дел // Актуальные проблемы совершенствования административной деятельности органов внутренних дел в условиях развитого социализма. Киев, 1983. С. 78—89.

6. Черч А. Введение в математическую логику. М.: Иностранная литература, 1960. С. 405.

7. Ведомости Верховного Совета РСФСР.

8. Ведомости Верховного Совета СССР.

9. Кильдишев Л. Вас остановил инспектор // Сов. Россия. 1985. 6 марта.

10. Лусникова И. На перекрестке // Краснояр. рабочий. 1987. 9 дек.

11. Перекресток. Что думают читатели и работники ГАИ о безопасности дорожного движения // Известия. 1987. 24 дек.

12. Белинский В. Г. Рецензия на книгу Н. Кошанского «Общая риторика» // Полн. собр. соч. Т. 8. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 503—516.

13. Сборник постановлений Верховного Суда РСФСР (1961—1983 гг.). М.: Юрид. лит., 1984. С. 430.

14. Надь Л. Приговор в уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1982. С. 224.

15. Келнер Х., Геринг И., Кьетц Г. Гражданский процесс Германской Демократической Республики // Гражданский процесс в социалистических странах — членах СЭВ / Под ред. А. Добровольского, Л. Неваи. М.: Юрид. лит., 1978. Т. 3. С. 5—148.

16. Попович С. Административное право. Общая часть. М.: Прогресс, 1968. С. 500.

В. Н. Княгинин

РАЗВИТИЕ В СОВЕТСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ КАК О СПЕЦИФИЧЕСКОМ СОЦИАЛЬНОМ ЯВЛЕНИИ

В советской марксистско-ленинской теории государства и права государство всегда рассматривалось как особое историческое явление, относящееся к политической сфере жизни классового общества, служащее обеспечению его нормального функционирования на основе определенного способа производства. Вместе с тем в понимании государства разными учеными существовало и имеются сейчас известные отличия, которые выступают следствием, во-первых, динамики, посто-

янного развития научных представлений о государстве, а, во-вторых, сложности познания последнего во всех многообразных проявлениях его бытия. Поэтому анализ имеющихся в советской теории государства и права различных точек зрения на соотношение общества и государства не только позволяет проследить формирование его научного понимания, но и помогает более полному и всестороннему рассмотрению данного феномена.

Развитие в нашей науке представлений о государстве как специфическом социальном образовании прошло несколько этапов и начиналось оно сразу после победы Великой Октябрьской революции, когда практические задачи социалистического строительства и идеологической борьбы с буржуазными и ревизионистскими воззрениями потребовали от советской теории государства и права скорейшего утверждения в науке материалистического понимания государства. Тогда огромную роль сыграли труды классиков марксизма-ленинизма, а особо — работа В. И. Ленина «Государство и революция», открывшая, по признанию П. И. Стучки, многим людям глаза на революцию и государство (1). Именно эти работы стали основой советской юридической науки. И, тем не менее, некоторое время еще издавались работы представителей дореволюционной школы юриспруденции, как правило, абсолютировавших отдельные аспекты исследования государства и рассматривавших его в отрыве от социально-классовой структуры общества (2). Как отмечалось в литературе тех лет, такая абсолютизация отдельных сторон бытия государства привела к тому, что сам термин «государство» приобрел разнообразный, подчас противоречивый смысл: во-первых, физический факт — земля и проживающие на ней люди; во-вторых, все общество какой-либо страны — люди, объединенные политически; в-третьих, правительство — правящая часть общества; в-четвертых, определенный порядок общественных отношений; в-пятых, абстрактная идея (3). Но материалистический подход к государству предполагал понимание государства как целостного явления и именно за этот подход выступали ученые-юристы, занимавшие в науке материалистические позиции. В. В. Адоратский писал тогда, что выработать правильное понимание государства возможно, лишь выделив в нем главное (4). По мнению этого автора, эксплуататорское государство существует ради того, чтобы оказывать содействие и поддержку эксплуатации «в том виде, в каком она устанавливается

господствующим в обществе способом производства и соответствующим классовым строем общества», а выполняя эту роль, данное государство выступает в качестве «политической организации», «власти, вооруженной силой» (5). Следовательно, В. В. Адоратский под государством понимал организацию власти господствующего класса, его организованную силу (особый аппарат), необходимую в эксплуататорском обществе «для поддержки отношений эксплуатации и заведования общими делами господствующих классов, а также всего общества» (6).

Такое понимание государства строилось на четком определении его классовой природы и сущности, служило обоснованию практического решения многих вопросов государственного строительства того времени (лишение или ограничение в избирательных правах части общества, национализация предприятий частного сектора, классовый принцип формирования состава государственного аппарата, некоторые особенности его деятельности как орудия диктатуры и т. д.) и поэтому было характерно для многих ученых.

И все же ограничить изучение государства только анализом технической организации его машины было невозможно, так как именно во взаимодействии последней с обществом, гражданами и проявляется классовая сущность государства. Поэтому В. В. Адоратский подчеркивал, что «жизнь» государства — есть его деятельность в отношениях власти, особых отношениях господства (7), П. И. Стучка и Е. Б. Пашуканис рассматривали государство (государственный аппарат) во взаимосвязи с охраняемыми, защищаемыми им определенными общественными отношениями (8), А. К. Стальевич же считал, что государственный аппарат — это форма государства, а его содержание — есть классовое господство (9).

В свою очередь, рассмотрение государственного аппарата во взаимодействии с образующими социальную структуру общества классами, социальными группами и индивидами приводило ученых к выводу о том, что названные взаимоотношения в совокупности образуют государственную организацию общества. В связи с этим в литературе указывалось, что классики марксизма-ленинизма, понимая под государством правительственную машину (поскольку оно через разделение труда образует обособленный от общества свой собственный организм, обеспечивающий классовый интерес), называли государство в то же время «официальным выражением», «офици-

альным резюме» общества, его политической формой (10). «Каким образом создается эта организация «во вне и внутри», — писал И. П. Разумовский, — становится ясным, когда мы вспоминаем хотя бы характеристику Марксом французской правительственной машины, «этого ужасного организма-паразита, обвивающего точно сеть все тело французского общества», создающего «гражданское единство нации»; или указание Энгельса об организации граждан по территориальному признаку» (11). Государство тем самым рассматривалось, с одной стороны, как особый аппарат, а с другой, — как форма политической организации всего классового общества.

Преимущество этого «многоаспектного» понимания государства заключалось в том, что, удерживая моменты сущностной характеристики государства как организации классового господства, оно на первый план выдвигало реальную практическую жизнь государства как продукта взаимодействия социальных субъектов и создавало хорошие предпосылки для конкретного научного анализа ее проявлений. В то же время при таком подходе к государству возникали трудности с представлением его одновременно в качестве обособленного в обществе аппарата и политической организации всего данного общества в целом. Имевшиеся тогда отдельные попытки теоретически обосновать названное представление нельзя признать удачными (12).

Интересный взгляд на государство высказал в 20-е годы Н. В. Крыленко. Он пришел к выводу о том, что нельзя сводить государство к «мертвому», отделенному от общественных отношений механизму. Если право является осуществляемым в писаной или неписаной форме отражением в сознании различных общественных отношений, «то государство — есть не что иное, как те же определенным порядком организованные и принудительным порядком поддерживаемые общественные отношения» (13). К сожалению, своеобразие этих отношений, их сущностные черты автором специально не исследовались.

Кроме того, необходимо отметить, что в советской теории государства и права М. А. Рейснером была высказана значительно отличающаяся от приведенных выше точка зрения на соотношение общества и государства. М. А. Рейснер считал, что государство не представляет собой определяющей, самостоятельной силы общественного развития, а есть лишь одна

из многочисленных идеологических форм и надстроек, созданных войной и миром классовых групп при помощи основной идеи — высшей или верховной власти (14). Во взглядах М. А. Рейснера нашло свое отражение то обстоятельство, что деятельность людей в государственной сфере жизни общества является волевой и сознательной. Однако он, абстрагируясь от предметного воплощения последней, упустил из виду то, что взаимное согласование внутренней саморегуляции поведения людей в названной сфере жизни классового общества достигается лишь тогда, когда оно выступает одной из сторон обмена данных субъектов реально-практическими действиями между собой.

Существование в советской теории государства и права в 20—30-е годы различий в понимании государства свидетельствовало о стремлении юристов к всестороннему осмыслению данного сложного явления и в целом способствовало углублению представлений о нем, стимулировало разработку проблем государственности. Тем более, что приведенные точки зрения не только противопоставлялись, но и взаимно дополняли друг друга. Например, определение П. И. Стучкой государства как аппарата господства классов дополнялось также пониманием государства как классовой организации всего общества, охватывающей определенную территорию и относящееся к этой территории население в его совокупности, которое формально объединено под суверенной государственной властью (15).

Но во второй половине 30-х годов в силу различных причин (и зачастую далеко не научного плана) в нашем государствоведении было объявлено единственно правильным понимание государства как «машины для подавления одного класса другим», особого механизма, аппарата, а само учение о государстве в марксизме-ленинизме тем самым якобы окончательно завершенным и с исключительно предельной глубиной решившим все важнейшие вопросы теории государства (16).

Преобладало такое понимание государства в науке вплоть до начала 60-х годов (17), хотя и развивая в своих границах, накапливало определенный позитивный материал. Например, А. И. Денисов рассматривал государство как организацию в «узком» (организационно оформленная ячейка человеческого коллектива) и в «широком» смысле (сумма этих ячеек, сплоченных в одну целое, разновидность общественной организации) (18), А. И. Королев и А. Е. Мушкин исследовали государственный аппарат в динамическом соотношении с

обществом, включенным в процесс управления (19), М. А. Аржанов выделял в качестве одной из «сторон» государства (аппарата) его деятельность (20).

Дальнейшее развитие советского общества в 50—60-е годы вновь потребовало от теории государства и права более четкого, детально разработанного и научно обоснованного ответа на вопросы о сущности государства, его роли в социалистическом обществе, соотношении с другими частями социальной системы, особенно с экономикой. Получить ответ в рамках «институционального» подхода было невозможно, потому что центр тяжести в этих вопросах перемещался за пределы самой организации государственного аппарата в его взаимодействие, взаимоотношения с обществом. Отсюда с начала 60-х годов наше государствоведение возвращается к пониманию государства не только как организации власти господствующего класса или всего народа, но и как особой политической организации всего общества (21). В настоящее время данный подход к исследованию государства, получивший в литературе название «широкого», прочно утвердился в науке и является, пожалуй, самым распространенным.

Одна из характерных черт подхода та, что государство рассматривается в различных аспектах и на различных уровнях. В социально-философском плане это понимается как «форма бытия классового общества», выступает как «известный вид опосредования эмпирически протекающей жизнедеятельности людей» (22). Таким образом, рассматриваемое на субстанциональном уровне государство предстает в виде организованного в публично-правовую общность населения, занимающего некий пространственно-временной континуум, а на атрибутивном — существует как система или порядок политических связей, объединяющих индивидов классово-расчлененного общества в одну публично-правовую ассоциацию (23). Действительность же государственного строя, политических отношений является прямым результатом политической деятельности социальных субъектов, следовательно, государство в этом аспекте может рассматриваться как взаимообмен деятельностью людей (24).

Кроме того, в литературе выделяется также институциональный уровень анализа государства. Принято считать, что здесь государство выступает в виде «правительственной машины», аппарата управления, органа публичной власти (25). Но при этом перед теорией государства и права вновь, как и

в 20—30-х годах, возникают известные трудности в понимании государства одновременно в качестве специфического аппарата (части общества), в качестве особой организации всего общества. Представляется обобщенным мнение Л. И. Каска, который полагает, что термин «государство» в подобном случае используется для обозначения различных явлений (26). В связи с этим в данном («широком») подходе к изучению государства заключено противоречие, и он не может быть принят в науке как наиболее последовательный и правильный анализ государства, его соотношения с обществом. Вследствие чего в советском государствоведении и в настоящий период продолжают развиваться представления о государстве, отождествляемом со специальным аппаратом управления, обладающим суверенной властью (27), либо с особой политической организацией классового общества, системой политических отношений (28), а также сохраняются представления о государстве как своего рода «идее», «идеологии», опредметившейся в различных политических процессах (29), причем политические отношения определяются как «общение духа», «общение сознания», «контакт духовных сущностей» (30).

Поэтому в советском государствоведении в данный момент существуют различные взгляды на проблему специфики государства, его соотношения с обществом, что само по себе вполне естественно для науки. Однако исследования данной проблемы чаще всего замыкаются на анализе технической организации государственного аппарата, а взаимоотношения последнего с гражданами (с точки зрения качественной определенности этих отношений) практически не рассматриваются. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в нашем государствоведении развитие представлений о специфике государства нельзя признать удовлетворительным, оно не столь уж далеко ушло от взглядов, высказывавшихся в советской теории государства и права в 20—30-е годы. И на заседании «круглого стола», проведенного редколлегией журнала «Советское государство и право» в 1983 году с участием ведущих советских ученых-юристов, неоднократно подчеркивалось тревожное положение, сложившееся в исследовании государства и, прежде всего, его соотношения с обществом (31).

Положение дел в этой области юридической науки становится тем более нетерпимым в то время, когда в деле преобразования жизни в стране на первый план выдвигается кардинальная реформа политической системы советского общест-

ва (32), что требует разработанной теоретической концепции данной реформы, концепции, учитывающей пределы бытия государства в социалистическом обществе. Причем развитие представлений о государстве объективно предполагает отказ от воззрений на него только как на специальный аппарат управления. Иначе вопрос о соотношении социалистического государства и социалистического самоуправления народа (о развитии первого как процесса развертывания данного самоуправления, что было названо одной из важнейших закономерностей функционирования социалистической политической системы на XXVII съезде КПСС и закреплено в «Программе КПСС») (33) из сущностного превращается в формальный, организационно-технический вопрос сравнения между собой существующих в обществе органов управления.

Совершенствование социалистического государства, конечно же, предполагает совершенствование его аппарата, но главное здесь заключается в развитии взаимодействия последнего с гражданами в форме, диктуемой социалистическим способом производства, т. е. чтобы указанное взаимодействие обеспечивало добровольность и эквивалентность обмена деятельностью людей в присущих социалистическому обществу отношениях (34). В связи с этим известный интерес представляют взгляды Е. Б. Пашуканиса на государственный аппарат как, в первую очередь, на гаранта равенства сторон в договорах, опосредующих обмен деятельностью людей — формально равноправных субъектов (35). Таким образом, само государство выступает в качестве определенной системы политических отношений, опосредующих функционирование и развитие всех иных общественных отношений, поддержание их особого порядка. Причем, поскольку последний сторонниками «широкого» понимания права обычно определяется как правовой, постольку создается база для разработки концепции социалистического правового государства в качестве необходимой обществу первой фазы коммунизма, организации его, тем более, что потребность в разработке данной концепции нашла отражение и в специальной литературе, и в материалах XIX Всесоюзной конференции КПСС (36).

1. См.: Стучка П. И. Избранные произведения о марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 45.

2. См.: Спекторский Е. В. Государство: общий очерк. Пг., 1918; Энгель Е. А. Государство и формы его строя. Пг., 1919; и др.

3. См.: Адоратский В. О государстве (к вопросу о методе исследования). М., 1923. С. 44—45.

4. См.: Там же. С. 8—10, 18—20 и сл.

5. См.: Там же. С. 32—33.

6. Там же. С. 51—52.

7. Там же. С. 9—10.

8. См.: Стучка П. И. Указ. соч. С. 93—107; Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980. С. 83—86, 128—144.

9. См.: Стальевич А. Основные вопросы марксистской теории права // Сов. государство и революция права. 1930. № 10. С. 113.

10. См.: Луппол И. Ленин как теоретик пролетарского государства // Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 175; Челягов Н. И. Учение Карла Маркса о государстве и праве. М., 1933. С. 56—57, 64; и др.

11. Разумовский И. К воззрениям Ленина на государство // Под знаменем марксизма. 1926. № 1—2. С. 33.

12. См.: Ангаров А. О понятии государства // Сов. государство и революция права. 1930. № 1.

13. Крыленко Н. В. Беседы о праве и государстве. М., 1924. С. 79.

14. См.: Рейснер М. А. Государство буржуазии и РСФСР. М.; Пг., 1923. С. 108, 127.

15. См.: Стучка П. Учение о советском государстве и конституции СССР и РСФСР. М.—Л., 1929. С. 35—36, 306.

16. См.: Вышинский А. Я. Сталинское учение о социалистическом государстве // Сов. государство и право. 1939. № 2. С. 100—104, 109.

17. Хотя термин «государство» использовался также для обозначения страны, т. е., как отмечалось тогда, в «несущественном» для теории государства значении (см.: Теория государства и права / Под ред. М. П. Карсвой. М., 1949. С. 86—87).

18. См.: Денисов А. И. Сущность и формы государства. М., 1960. С. 3—4.

19. См.: Королев А. И., Мушкин А. Е. Государство и власть // Правоведение. 1963. № 2.

20. См.: Аржанов М. А. Государство и право в их соотношении. М., 1960. С. 16.

21. См.: Ельмеев В. Я. Коммунизм и развитие человека как производительной силы общества. М., 1964; Каск Л. И. О при-

знаках государства // Правоведение. 1963. № 1; Мамут Л. С. Маркс о государстве как политической организации общества // Вопр. философии. 1968. № 7.

22. Мамут Л. С. Социально-философские аспекты учения К. Маркса о государстве // Вопр. философии. 1983. № 2. С. 18—23.

23. См.: Мамут Л. С. Карл Маркс как теоретик государства. М., 1979. С. 171.

24. См.: Мамут Л. С. Социально-философские аспекты учения К. Маркса о государстве. С. 24—26. См.: Каск Л. И. Функции и структура государства. Л., 1969. С. 5; Дробышевский С. А. Функциональная и генетическая связь государства и права. Красноярск, 1982. С. 8.

25. См.: Мамут Л. С. Карл Маркс как теоретик государства. С. 172, 181—182; Копейчиков В. В. Совершенствование государственности и развитие демократии // XXV съезд КПСС о развитии социалистической демократии, законодательства и управления. Киев, 1977. С. 24—25; Тененбаум В. О. Методологический аспект теории государства // Актуальные проблемы теории социалистического государства и права. М., 1974. С. 50—51; и др.

26. См.: Каск Л. И. Функции и структура государства. С. 47.

27. См.: Алексюк Р. П. Аппарат управления и власти как общесоциологическая категория. Воронеж, 1974. С. 18—22; Курашвили Б. П. Очерки теории государственного управления. М., 1987. С. 100; и др.

28. См.: Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие К. Маркса. М., 1976. С. 187—188; Каленский Г. В. Государство как объект социологического исследования. М., 1977. С. 132; и др.

29. См.: Диалектический материализм / Под ред. А. П. Шенгулина. М., 1985. С. 27; Караваев Г. Г., Караваев Г. А., Шляхтенко Г. П. Понятие общественного бытия. Л., 1984. С. 7; и др.

30. См.: Рубов В. Ф. Наш духовный мир. Л., 1987. С. 101, 102, 104.

31. См.: Разработка проблем теории социалистического государства // Сов. государство и право. 1983. № 7. С. 66; № 8. С. 42, 46—47; № 9. С. 48, 51.

32. См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. С. 122. См. также: Конституция СССР. Политико-правовой комментарий. М.,

1982. С. 32; Кудрявцев В., Лукашева Е. Социалистическое правовое государство // Коммунист. 1988. № 11; Перестройка в юридической системе, юридической науке, практике // Сов. государство и право. 1987. № 9. С. 34—35; Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. 1987. № 11. С. 45; Явич Л. С. Сущность права. Л., 1985. С. 164—165; и др.

В. И. Костенко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГРАЖДАН — ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ НАЧАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

В юридической литературе взаимосвязь политической культуры и социалистической законности традиционно рассматривается в рамках проблематики правовой культуры (1). Такой подход оправдан в той мере, в какой социалистическую законность можно рассматривать лишь как нормативно руководящее начало. Между тем ст. 4, 52, 59 Конституции СССР фиксируют, что законность есть необходимое свойство общественно-политической жизни. Появление терминов «правовая основа общественной и государственной жизни», «правовое государство» свидетельствует: правовая теория и практика все больше ориентируются на социалистическую законность не столько в собственно правовом, сколько в общественно-политическом плане.

Таким образом, значительную актуальность приобретает изучение связей политической культуры и социалистической законности. Выявление и рассмотрение этих связей — задача весьма сложная, поскольку законность и политическая культура выступают самостоятельными, многогранными элементами социалистической демократии. Самый существенный признак социалистической законности, «квинтэссенция» содержания — требование соблюдения и исполнения законов и основанных на них подзаконных актов (2).

Применительно к пониманию социалистической законности как необходимого элемента социалистической демократии следует рассматривать и демократическое содержание законности. Оно обусловлено широтой и реальностью демократических прав и свобод, определяющих общественно-политический режим социалистической законности. Политический

аспект участия граждан в укреплении законности нельзя сводить лишь к надлежащему исполнению ими своих прав и обязанностей. Узконормативистский подход к социалистической законности сложился при деформации права и правового сознания в условиях отрицания общечеловеческих культурных ценностей и опоры на догматически понятые, насильственно внедряемые «ценности» правосознания пролетариата. Последовательно внедряемый узконормативный подход выхолащивал социалистическую законность до своей противоположности — беззакония. Массовые репрессии в своей сущности не что иное, как юридический террор государства по отношению к своим гражданам. В последние десятилетия он был заменен на юридический произвол бюрократически функционирующего аппарата управления, выступающего от имени общенародного государства.

Результатом существующей юридической практики было то, что граждане рассматривались лишь как исполнители, проводники юридических норм. Между тем право (справедливое) предполагает взаимную ответственность субъектов правовых норм даже на уровне государство — гражданин. Перестройка в области права означает отказ от того, что деформировало социализм, и переход на качественно иные параметры. Они были указаны в отчетном докладе М. С. Горбачева на XIX Всесоюзной партийной конференции: «Социализм мы видим как строй подлинного, реального гуманизма, при котором человек на деле выступает «мерой всех вещей». Все развитие общества, начиная с экономики и кончая духовно-идеологической сферой, направлено на удовлетворение потребностей человека, на его всестороннее развитие. Причем все делается трудом, творчеством, энергией самих людей» (3).

В этой связи важное значение для укрепления социалистической законности имеет тщательное исследование того, в какой мере деятельность граждан влияет на надлежащее использование и исполнение государственными органами, общественными организациями, должностными и выборными лицами законов. Такой угол зрения на укрепление законности в условиях концепции правового государства становится исходным.

В Конституции СССР закреплено право граждан на участие в управлении государством (ст. 4.48—49), в том числе и на участие в укреплении социалистической законности. В

законах данное положение конституционного права было конкретизировано в плоскости судебной защиты имущественных, трудовых, жилищных и иных личных прав. Не отрицая того, что таким образом косвенно граждане способствуют укреплению законности, нужно иметь в виду и то, что гражданин право на судебную защиту использует лишь для устранения препятствий при осуществлении личных прав. Контроль за использованием и исполнением законов должностными лицами, государственными и общественными органами остался на уровне политически провозглашенного, но юридически не подкрепленного права.

Несмотря на это, десятки миллионов граждан обращаются в различные органы, стремясь предотвратить нарушение закона. Сознательное, заинтересованное участие граждан, стремление даже при неблагоприятных условиях способствовать укреплению законности выступает объективным показателем того, что советские граждане могут культурно бороться за законность. Следовательно, политическая культура граждан уже является фактором упрочения общественно-политического режима социалистической законности. Влияние политической культуры граждан на укрепление законности было бы намного весомей и эффективней, если бы их политическая самостоятельность в достаточной мере обеспечивалась и гарантировалась общественно-политическими и государственно-правовыми механизмами. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в периодической печати (4). Ведь даже в условиях перестройки должностные и выборные лица за злостные и сознательные нарушения закона отделываются общественно-политическими санкциями (предупреждения, выговоры, перемещения на другую работу и т. д.).

После принятия Конституции СССР только через десять лет был принят закон об обжаловании в суд неправомерных действий должностных лиц. Закон непоследователен, противоречив и пока еще не дает возможности гражданам реально влиять на неправомерные действия должностных лиц. Практика дает многочисленные примеры, когда должностные лица нарушают любые правовые нормы, вплоть до конституционных, препятствуя реализации политической культуры советских граждан (5).

Следует признать, что потенциал политической культуры граждан в сфере обеспечения законности используется не полностью, односторонне. Пока еще политическая культура

граждан реализуется главным образом в форме критических выступлений, обращений, заявлений о неправомерных действиях должностных лиц. Но политически культурный человек не только обладает способностью оценить интересы общества, быть убежденным в правильности своей позиции — это прежде всего человек, действующий умело, активно, творчески, и именно такой гражданин испытывает значительное противодействие со стороны аппарата управления при реализации своей позиции (6).

Если это противодействие решительно не устранять, то гражданин из активного борца за законность превращается в активного информатора. Между тем в обществе, где нет активного заинтересованного действия, политическая культура субъекта недостаточно развита.

Существующие недостатки политической культуры граждан (информативность) не умаляют ее роли в укреплении законности. Развитие политической культуры советских граждан длительное время сдерживалось недостаточностью материальных факторов. Культурный феномен существует в неразрывном единстве политического творчества и фиксации его результатов в нормах, традициях, обычаях политической и правовой деятельности (7). Политическая культура граждан требует постоянного обновления политических и правовых институтов, которые фиксируют, охраняют и гарантируют достигнутый уровень политической культуры.

В настоящее время особенно важны правовые гарантии политической культуры граждан для реализации уже имеющегося потенциала с целью укрепления общественно-политического и правового режима социалистической законности. Недостаточность и непоследовательность правовых гарантий сдерживают реализацию гражданской политической культуры. Причем правовые гарантии и правовые механизмы реализации политической культуры граждан не должны подменяться общественно-политическими. К сожалению, в юридической литературе широко распространено мнение, что для нового качества политической системы еще недостаточен уровень политической культуры (7). Если говорить об аппарате управления, это так, а если говорить о политической культуре граждан, то нет. Должностные лица аппарата управления имеют даже излишние возможности для реализации своей бюрократической политической культуры, у граждан же, осо-

бенно в сфере борьбы за законность, такие возможности очень ограничены.

В условиях перестройки, когда выдвинута концепция правового государства, очень важно обеспечить правовыми средствами процесс реализации гражданской политической культуры, поскольку социалистическая законность выступает прежде всего как правовой режим. Наличие самых обширных общественно-политических гарантий участия граждан в укреплении социалистической законности не может заменить правовых. Наоборот, наличие обширных общественно-политических гарантий, их реальность предполагают и требуют правового обеспечения. Только тогда мы сможем оперативно устранять правонарушения и аномалии в сфере управления обществом и государством. В этой связи достойно пристального внимания то обстоятельство, что В. И. Ленин требовал обеспечить «представление каждому гражданину права преследовать всякого чиновника перед судом без жалобы по начальству» (8). Только в таких условиях можно научить «воевать за свое право по всем правилам законной в РСФСР войны за право» (9).

Это особенно актуально в настоящее время. В условиях создания правового государства именно политическая культура граждан способна обеспечить высокий уровень социалистической законности. Государство будет правовым в той мере, в какой граждане смогут реально осуществлять контроль за использованием и применением закона государственными и общественными органами, должностными и выборными лицами.

1. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М.: Юрид. лит., 1973. С. 27; Аграновская Е. В. Личность и правовая культура // Сов. государство и право. 1981. № 12. С. 137.

2. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право / Ред. совет: В. Е. Гулиев и др. М.: Юрид. лит., 1973. С. 108.

3. Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. М.: Политиздат, 1988. С. 90.

4. Зинченко В. П. Затянувшаяся перемена // Огонек. 1988. № 35. С. 2—3; Костин А. А. Отчуждение мнимое и реальное // Соц. исследования. 1988. № 2. С. 11; Перестройка в

правовой системе, юридической науке, практике // Сов. государство и право. 1987. № 10. С. 51—54.

5. Нуйкин А. Идеалы или интересы // Новый мир. 1988. № 1. С. 197—199; Апенченко Ю. Жить при демократии // Дружба народов. № 11. С. 173—175; Грушин Б. А. Возможность и перспективы свободы // Вопр. философии. 1988. № 5. С. 14—15.

6. Демидов А. И. Политическая культура как средство борьбы против бюрократизма // Сов. государство и право. 1988. № 7. С. 32.

7. Гулиев В. К. К новому качеству политической системы // Сов. государство и право. 1987. № 9. С. 6.

8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 206.

9. Там же. Т. 53. С. 149.

В. И. Леушин

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРАВА

XXVII съезд КПСС обратил особое внимание на ответственность кадров государственных органов, связанных с практическим применением законов, на необходимость их строжайшего соблюдения (1). В свете требований перестройки всех сфер общественной жизни возрастает значение проблем, связанных с реализацией юридических норм в деятельности граждан и организаций. В литературе отмечается, что «перестройка в сфере права меняет не столько предмет правового регулирования, сколько его методы, средства» (2), подчеркивается необходимость повышения роли судебной и всей правоприменительной практики (3).

Реализация права есть претворение предписаний правовых норм в конкретные действия людей, осуществление предписаний путем правомерного поведения (4). Правореализация представляет собой, во-первых, процесс претворения предписания юридических норм в жизнь и, во-вторых, результат, заключающийся в осуществлении этих предписаний в правомерном поведении. Через призму реализации права может быть рассмотрен весь механизм правового регулирования, поскольку составляющие его юридические средства в конечном счете нацелены на то, чтобы поведение людей соответствовало тем образцам и меркам, которые закреплены

действующим законодательством. В этом плане система правовых средств выступает в качестве механизма реализации права. Отдельные элементы данной системы характеризуются специфическим режимом действия, подключаются при определенных условиях к процессу реализации права. Обычно граждане, организации, должностные лица в своем поведении непосредственно руководствуются нормами права, используя предоставленные правом возможности, исполняя возложенные на них законом обязанности, соблюдая установленные нормами права запреты.

Однако по целому ряду причин указанный способ реализации права становится невозможным или не «срабатывает» в результате возникновения конфликтных ситуаций. В подобных случаях необходимым фактором реализации выступает решение правоприменительного органа. Права и обязанности участников правоотношения властно подтверждаются компетентным государственным органом или уполномоченной на то общественной организацией, в результате чего появляется возможность **принудительной реализации** требований норм права. В таких ситуациях отчетливо выступает значение применения права и опыта правоприменительной деятельности (юридической практики).

«Юридическая практика — пишет С. С. Алексеев, — представляет собой объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов (судов, других органов применения права), складывающийся в результате применения права при решении юридических дел» (5). Практический опыт имеет огромное значение во всех сферах жизнедеятельности человека. Передовой опыт обобщается и распространяется. Неудачный опыт принимают во внимание, из него также извлекают уроки. Положительный и негативный опыт правоприменения учитывается в первую очередь государственными органами, должностными лицами в процессе разрешения юридических дел. Вместе с тем такой опыт должен оказывать влияние и на правомерное поведение участников правоотношений. Поэтому важно установить и эффективно использовать опосредованные каналы воздействия юридической практики на реализацию права.

Юридическая практика обеспечивает более тесную связь права с жизнью (6). Данное положение имеет непосредственное отношение к реализации права. Ведь жизнь права как раз

и состоит в его осуществлении. Юридическая практика оказывает основное влияние на реализацию юридических норм через совершенствование правоприменительной деятельности, в ходе которой выносятся властные решения о содержании прав и обязанностей участников правоотношения. С формальной стороны решение о правах и обязанностях вытекает из требований правовых норм. Реальная ситуация кажется носящей вспомогательный характер, играющий роль лишь юридического факта, фактора выбора юридической нормы, действующей в соответствующем случае. По сути же это не так. Именно фактическая ситуация есть подлинное основание решения. Она не должна рассматриваться только как отдельный акт поведения или событие, или как их совокупность (фактический состав). Акты поведения, события находятся в многообразных связях с другими социальными явлениями, должны рассматриваться в контексте с социальными целями, интересами, потребностями и т. д. Социальная значимость того или иного факта должна быть выявлена абсолютно полно. Только тогда можно определить его социальные последствия.

Определение социальных последствий конкретной жизненной ситуации — сложнейшая проблема. Одно из важных средств ее решения — законодательство, право. В нормах права фактическая ситуация, указание на которую содержится в гипотезе юридической нормы, увязывается с социальными последствиями, предписанными диспозицией или санкцией той же нормы.

Насколько точно и полно могут быть выражены социальные последствия в нормах права? Это зависит от степени сложности и характера регулируемых общественных отношений, а также от глубины их познания. Социально-правовые последствия могут быть определены в нормах права с абсолютной точностью (например, назначение пенсий, исчисление налогов). Нередко законодатель полностью передает решение этого вопроса на усмотрение участников правоотношения или правоприменительного органа. Между этими крайними полюсами существует большой спектр законодательных решений, предусматривающих ту или иную меру сочетания нормативного и индивидуального регулирования, усмотрения сторон.

В большинстве случаев фактическое и правовое основания не определяют с полной конкретностью содержание правоотношений — взаимные права и обязанности. Каким же

образом происходит конкретизация содержания? Представляется, что это осуществляют, во-первых, управомоченная сторона или обе стороны по соглашению между собой и, во-вторых, орган, обладающий властными полномочиями на применение норм права. Управомоченная сторона, участники правоотношений осуществляют выбор, реализуя свои интересы. Орган, применяющий право, определяет конкретные субъективные права и юридические обязанности и тем самым совершает индивидуальное регулирование фактического отношения.

Акт индивидуального регулирования не является произвольным. Во-первых, как правило, индивидуальное регулирование органически сочетается с применением конкретной правовой нормы и в результате носит поднормативный характер. Во-вторых, одновременно действуют и учитываются другие факторы: принципы права, его отрасли или институты, требования законности, правила социалистического общежития, политические и нравственные нормы, социалистическое правосознание. Важнейшее место в этом ряду занимает юридическая практика. Более того, есть основание считать, что все иные перечисленные факторы должны трансформироваться в четкие и определенные требования, повторяющиеся в сходных ситуациях и составляющие суть, главное содержание юридической практики, творческой деятельности правоприменителя.

Целесообразное точное регулирование социальных ситуаций, найденное практикой верное решение выражается в формировании правил общего характера. Правила, выработанные на практике, выступают дополнительным нормативным основанием правоприменительных решений. Они снимают значительную долю усмотрения, субъективного подхода к решению.

Должностное лицо, хорошо знающее практику применения закона, как правило, не испытывает сомнений и затруднений при поиске решения по конкретному делу. Стабильность правоприменительной деятельности служит одной из эффективных гарантий реализации права и оказывает воспитательное воздействие на участников правоотношений и других лиц, способствуя укреплению законности, утверждению в жизни образцов поведения, нашедших опору не только в нормах права, но и в юридической практике.

Таким образом, юридическая практика содействует упро-

чению правопорядка, стабилизации общественных отношений, укрепляет правовую основу правомерного поведения. Особенно велика роль правовой практики в начальный период действия нового закона. Ее значение заметно возрастает в условиях осуществляющейся в нашей стране перестройки в связи с активизацией законодательной деятельности. На XIX Всесоюзной конференции КПСС отмечалось: «...необходимость реформы советского законодательства, которая должна охватить большой массив правовых норм, в первую очередь относящихся к социалистической собственности, планированию, к хозяйственным, трудовым, налоговым, пенсионным и другим отношениям. При обновлении законодательства нужно строго придерживаться принципа — разрешено все, что не запрещено законом» (7). Принципиально новый закон не в состоянии какое-то время с достаточной определенностью и точностью регулировать общественные отношения. Он должен как-бы «обрасти» практикой, вырабатывающей необходимые дополнительные конкретизирующие правила. В этот период практика имеет неустойчивый, противоречивый характер, предлагает разные варианты решения сходных ситуаций. Разумеется, такой стихийный поиск оптимальных решений не должен затягиваться. Практику нельзя представлять как чисто стихийный отбор лучших решений. В любой отрасли государственной деятельности существуют органы, ответственные за состояние дела в подведомственной им сфере. Например, работа народных судов направляется Верховным судом СССР, Верховными судами союзных республик. Важной частью деятельности Верховных судов является обобщение практики по применению того или иного закона, по выработке на основе обобщения руководящих указаний, которые стабилизируют работу нижестоящих судов.

Деятельность органов государства и уполномоченных на то общественных организаций по разрешению конфликтных ситуаций — эффективный способ воспитания граждан в духе уважения к закону. Здесь многое зависит от культуры правоприменительной деятельности, убедительности принимаемых решений с фактической и юридической сторон. Обоснованные и справедливые решения укрепляют веру в торжество законности и справедливости, стимулируют социально-правовую активность советских граждан, создают благоприятный социально-психологический климат для реализации предос-

тавленных законом возможностей и закрепленных в нем требований.

Можно проследить и более опосредованное воздействие правовой практики на реализацию действующих юридических норм. Юридическая практика — эффективный способ правового освоения социальной деятельности, с помощью которого социальные интересы, потребности, цели переводятся на язык прав, обязанностей, ответственности. Юридические конструкции, найденные практикой и проверенные ею, пополняют массив общенародного законодательства (8), делают его более совершенным, оптимально сочетающим общенародные и индивидуальные интересы личности. Юридическая практика, воздействуя на процесс правообразования, в конечном счете оказывает благотворное влияние и на процесс реализации права, находящийся в прямой зависимости от степени совершенства юридических норм.

Изложенное позволяет сделать вывод, что юридическая практика эффективно способствует упрочению законности и правопорядка, обеспечению единства в понимании, применении реализации норм общенародного права.

1. См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 109.

2. Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. 1987. № 14. С. 44.

3. См.: Там же. С. 47.

4. См.: Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М.: Юрид. лит., 1973. С. 435—466; Проблемы теории государства и права / Под ред. С. С. Алексеева. М.: Юрид. лит., 1979. С. 330—340; Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 220—258.

5. Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1981. Т. I. С. 340—341.

6. См.: Там же. С. 343.

7. Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задач по углублению перестройки. Доклад XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Политиздат, 1988. С. 65.

8. См.: Реутов В. П. Юридическая практика и развитие законодательства: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 11—17.

САМОУПРАВЛЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В программе КПСС отмечается: «Особое значение приобретают расширение прав и развитие активности трудовых коллективов во всех вопросах управления производственным и социально-культурным строительством в политической жизни общества» (1). Известно, что правовое положение трудового коллектива определяется в основном Законом о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. Этот закон принят Верховным Советом СССР 17 июня и действует с 1 августа 1983 г. (2), он конкретизирует и развивает положения ст. 8 Конституции СССР. После вступления Закона о трудовых коллективах в действие проведена значительная нормотворческая работа по реализации его положений. Так, 30 июня 1987 г. принят Закон СССР о государственном предприятии (объединении), вступивший в силу с 1 января 1988 г. (3).

Переход на новую систему хозяйствования и демократизация предопределили необходимость совершенствования и обновления трудового законодательства. Поэтому в законодательство Указами Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1988 г. «О внесении в законодательство Союза ССР о труде изменений и дополнений, связанных с перестройкой управления экономикой» и Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1988 г. внесены изменения и дополнения (4). Впервые в Основы законодательства о труде введена глава ХП-А и соответствующая ей глава ХУ-А в КЗоТ РСФСР «Трудовой коллектив», которые содержат статьи о самоуправлении трудового коллектива в сфере труда. Изменения в трудовом законодательстве связаны не только с Законом о предприятии, но и с осуществлением в нашей стране экономической реформы, трудовое законодательство призвано «еще активнее помогать внедрению экономических методов управления, действенному контролю за мерой труда и потребления, проведению в жизнь принципов социальной справедливости» (5).

В результате совершенствования регулятивного механизма трудовые отношения освобождены от мелочей регламентации. Администрации предприятий и трудовым коллективам

предоставлено право самостоятельно принимать решения, не противоречащие действующему законодательству.

Участие рабочих и служащих в управлении предприятием является реальной действительностью. Продолжая линию на демократизацию, законодатель закрепил один из основных принципов — социалистическое самоуправление. Трудовой коллектив, будучи полноправным хозяином на предприятии, самостоятельно решает все вопросы производственного и социального развития (ст. 99¹ Основ, ст. 235¹ КЗоТ). Социалистическое самоуправление реализуется в условиях широкой гласности путем участия всего коллектива и его общественных организаций в выработке важнейших решений и контроля за их исполнением, выборности руководителей и единоначалия в управлении предприятием. Следует отметить, что самоуправление осуществляют трудовые коллективы предприятий, структурных единиц объединений, коллективы подразделений и бригад.

В этой связи актуален такой вопрос: законодательство предусмотрело широкий круг разного рода форм и способов участия трудящихся в управлении, а на практике кардинальных изменений здесь не произошло, правомочия коллектива реализуются недостаточно эффективно. Среди причин можно отметить пассивность самих трудящихся, на многих предприятиях рабочие и служащие еще не почувствовали себя полноправными хозяевами. Другая причина была названа на XXVII съезде КПСС. Администрация ряда предприятий формально относится к решениям трудовых коллективов, не обеспечивает их реализацию, и в результате снижается инициатива и творчество трудящихся. Учеными названы и иные причины, тормозящие применение Закона о трудовых коллективах.

Наиболее эффективно действуют те правомочия коллектива, которые сформулированы в Законе как право окончательного решения того или иного вопроса. «И наоборот, такие формулировки прав трудовых коллективов, как «участвуют», «рассматривают», «обсуждают», «принимают меры», снижают их воздействие на регулирование трудовых отношений» (6). В то же время бюрократический аппарат «подминает» новые органы рабочего самоуправления, превращая их в очередную ширму своего всевластия. Происходит это потому, что коллектив не проявляет желания и умения стать хозяином предприятия.

Каковы же полномочия общего собрания (конференции) трудового коллектива в сфере труда? Статья 99² Основ (ст. 235² КЗоТ) выделяет наиболее существенные вопросы, которые входят в компетенцию общего собрания (конференции) трудового коллектива. Общее собрание (конференция) вправе обсуждать и решать любые вопросы производственного и социального характера: оно избирает руководителя предприятия, совет трудового коллектива, заслушивает отчеты об их деятельности, рассматривает и утверждает планы экономического и социального развития предприятия, принимает социалистические обязательства, одобряет коллективный договор, утверждает правила внутреннего трудового распорядка и другие наиболее важные вопросы. Решения, принятые в соответствии с полномочиями трудового коллектива и действующим законодательством, обязательны для членов коллектива, администрации, а также для вышестоящих государственных и хозяйственных органов (ст. 21 Закона о трудовых коллективах, ч. 2 ст. 235² КЗоТ).

Следовательно, обязательность исполнения решения зависит от двух условий: если оно 1) вынесено по вопросу, входящему в компетенцию собрания (конференции); 2) не противоречит действующему законодательству.

Собрания (конференции) трудового коллектива проводятся по мере необходимости, но не реже двух раз в год (ст. 20 Закона о трудовых коллективах). Таким образом, общее собрание может быть проведено по инициативе самого трудового коллектива, профкома предприятия, совета трудового коллектива в случае необходимости (например если нарушены права рабочих предприятия).

В период между общими собраниями (конференциями) трудового коллектива его полномочия выполняет совет трудового коллектива. В ст. 99³ Основ (ст. 235³ КЗоТ) закреплены полномочия совета трудового коллектива. Действующим законодательством предоставлены широкие права трудовым коллективам, они становятся самоуправляющимися. Работники каждого коллектива избирают свои органы самоуправления — советы трудовых коллективов (СТК). Пока трудно и медленно идет этот процесс, но направленность ясна — советы трудовых коллективов, являясь представителями коллективов, решают социальные и экономические вопросы жизни предприятий, развивают инициативу трудящихся. Круг полномочий совета чрезвычайно велик, поэтому ст. 235³ КЗоТ

не дает их исчерпывающего перечня. О правах и возможностях СТК спорят и дискутируют. В практике своей работы СТК столкнулись с многими сложностями. О них шел разговор за «круглым столом», организованным газетой «Труд» и Госкомтрудом СССР.

Так, при обсуждении вопроса о правах и обязанностях СТК возникла проблема: надо ли уточнять права и функции и может ли это сделать общее собрание (конференция) трудового коллектива? По мнению председателей СТК, советы должны вырабатывать решения по важным вопросам деятельности коллектива, в частности по формированию производственного плана. Однако практически отсутствует возможность реализации этого права, поскольку сверху навязывается госзаказ и, следовательно, вопрос решает министерство. Проблемным остается взаимодействие СТК предприятий со своими министерствами, потому что не разработана юридическая основа их взаимоотношений.

СТК должны работать в тесном контакте с администрацией, с общественными организациями, в первую очередь, с профсоюзами. Участники «круглого стола» отметили, что СТК на предприятиях не пользуются своими полномочиями вследствие некомпетентности, отсутствия инициативы, что способствует превращению СТК в придаток административных структур. Например, на ряде предприятий Москвы около 80% членов коллективов считают, что советы не выражают их мнения, эти 80% не знают, что обсуждают, какие решения принимают СТК (7).

В соответствии со ст. 99³ Основ (ст. 235³ КЗоТ) решения совета, принятые в пределах его полномочий и в соответствии с законодательством, обязательны для администрации и членов коллектива. А при несогласии администрации с советом вопрос решается на общем собрании (конференции) трудового коллектива.

Госкомтруд СССР и Секретариат ВЦСПС постановлением от 8 февраля 1988 г. утвердили Рекомендации о порядке избрания советов трудовых коллективов, проведения выборов руководителей и конкурсов на замещение должностей специалистов государственных предприятий (объединений) (8).

Согласно п. 2 Рекомендаций совет трудового коллектива избирается общим собранием (конференцией) коллектива предприятия (структурной единицы объединения) тайным или открытым голосованием на срок 2—3 года. Собрание

(конференция) трудового коллектива для избрания совета созывается профсоюзным комитетом с администрацией предприятия (объединения). Собрание правомочно, если в нем участвует более половины общего числа членов коллектива, в конференции — не менее 2/3 делегатов (п. 4). Численность совета определяется общим собранием (конференцией) трудового коллектива при условии, что количество избирающих не должно быть менее 30 человек. В совет избираются рабочие, бригадиры, мастера, специалисты, представители администрации, партийной, профсоюзной и других общественных организаций. При очередных выборах совета он, как правило, обновляется не менее чем на треть. Рекомендуются председателем совета трудового коллектива избирать передовых рабочих, бригадиров, специалистов, руководителей участков, отделов и других аналогичных подразделений. Руководителей предприятий (объединений) избирать председателями не рекомендуется (п. 5). На некоторых предприятиях избирают президиумы или бюро советов. В настоящее время особенно актуален вопрос — кому быть председателем совета? На многих предприятиях председателями советов избираются первые хозяйственные руководители. Например, в Оренбурге почти каждый пятый председатель совета — первый хозяйственный руководитель. Это в определенной степени следствие директив ряда центральных ведомств (9). Полагаем, что здесь имеет место отступление от одного из принципов перестройки — демократии.

Вопрос об избрании председателя совета остается проблемным. В соответствии с Рекомендациями председатель совета исполняет свои обязанности на общественных началах. Из чего следует, что исполнять эти обязанности ему придется, и довольно часто, в рабочее время, т. е. он будет отвлекаться от своих непосредственных трудовых обязанностей. А использование рабочего времени для исполнения общественных обязанностей противоречит нормам трудового законодательства.

Впервые в ст. 99⁴ Основ (ст. 235⁴ КЗоТ) закреплён принцип выборности в отношении руководителей предприятий, структурных единиц объединений, производств, цехов, отделений, участков, ферм и звеньев, а также мастеров и бригадиров. Все остальные руководящие работники назначаются на должности в установленном порядке. Руководители предприятий, структурных единиц объединений, подразделений,

а также мастера и бригадиры избираются на общем собрании (конференции) соответствующего коллектива и утверждаются в установленном порядке. Если кандидатура, избранная коллективом, не утверждена вышестоящим органом, проводят новые выборы. При этом вышестоящий орган обязан объяснить коллективу причины отказа в утверждении результатов выборов. Выборы руководящих работников предприятия являются одновременно как правом, так и обязанностью трудового коллектива. С одной стороны, трудовой коллектив вправе требовать проведения выборов руководителей. С другой — он не может отказаться от проведения выборов и заменить их назначением по приказу. Более детально выборы руководителей на предприятиях (в объединениях) рассматриваются в Рекомендациях.

В ст. 99⁶ Основ (ст. 235⁶ КЗоТ) закреплён порядок формирования коллектива бригады. Зачисление в нее новых работников производится с согласия бригады. Однако не допускается отказ от зачисления в бригады молодых специалистов, выпускников учебных заведений и др.

Резолюция XIX Всесоюзной партийной конференции «О правовой реформе» направлена на повышение роли советских законов, регулирующих важнейшие области общественных отношений. Между тем до сих пор многие из них регулируются не законами, а правительственными постановлениями и ведомственными актами, которые содержат пожелания, не подкреплённые юридическим механизмом (10). Поэтому сдерживается инициатива трудящихся, ущемляются права и интересы трудовых коллективов. Прямое отношение к сказанному имеют Рекомендации. По нашему мнению, вопросы о порядке избрания советов трудовых коллективов, проведения выборов руководителей и конкурсов на замещение должностей специалистов государственных предприятий (объединений) следует урегулировать актом общественного значения, актом в ранге закона.

1. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 150.
2. Ведомости Верхов. Совета СССР, 1983. № 25. Ст. 382.
3. Там же. 1987. № 26. Ст. 385.
4. Там же. 1988. № 6. Ст. 95; Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1988. № 6. Ст. 168.
5. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат. 1986. С. 61.

6. См.: Орловский Ю. П. О повышении эффективности правового регулирования труда // Сов. государство и право. 1987. № 2. С. 30.

7. См.: От имени коллектива // Труд. 1988. 13 сент.

8. См.: Бюллетень Госкомтруда СССР. 1988. № 6. С. 8—11.

9. Бремя власти // Труд. 1988. 7 сент.

10. Резолюция XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС // Коммунист. 1988. № 10. С. 86.

О. О. Миронов

ЗАКОННОСТЬ — КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Один из незыблемых принципов Советской власти — законность — в современных условиях революционной перестройки основных сфер социальной деятельности приобретает особое значение, что обусловлено обстоятельствами экономического, политического и социального характера. Радикальная экономическая реформа, проводимая в стране, может быть осуществлена лишь при безусловном выполнении договорных обязательств, при строгом соблюдении хозяйственного законодательства, ключевым звеном которого является Закон СССР о государственном предприятии (объединении).

Сеодцевина перестройки — это демократизация всех сторон общественной жизни. «Демократизация была и остается важнейшим рычагом укрепления социалистической законности, а прочная законность — неотъемлемой частью нашей демократии», — отмечается в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии (1).

Законность, основанная на демократических и гуманных законах, есть уважение личности, ее чести и достоинства, один из способов утверждения в советском обществе принципа социальной справедливости. Законность необходима и для активизации человеческого фактора, чтобы каждый был уверен: полезные начинания, добрые дела найдут поддержку со стороны общества и государства, а времена беззакония никогда не повторяются. «Именно отсутствие должного уровня демократизации советского общества сделало возможным и культ личности, и нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов», — подчеркнул Генеральный секретарь ЦК

КПСС М. С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции (2).

Воплощение в жизнь ленинских идей о справедливости и ответственности, единстве прав и обязанностей, аккумулируемых в принципе законности, выступает насущной необходимостью сегодняшнего дня. Еще в 1921 г., рассматривая законность как явление, объективно присущее социализму на всех этапах его развития, В. И. Ленин говорил: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности» (3).

Конституционная законность — это разновидность и высший уровень социалистической законности. Одним из проявлений принципа конституционной законности в Советском государстве выступает создание государственных органов, предусмотренных Основным Законом, и выполнение ими тех функций, которые очерчены конституцией. Этому принципу Советское государство следовало с первых дней своего существования. Только так можно было сохранить и укрепить социалистическое государство, пресекая любые посягательства на основы Советской власти. В подготовленном В. И. Лениным Постановлении ВЦИК «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти», принятом 3 января 1918 г., говорилось: «...вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям. Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться, как контрреволюционное действие. Всякая такая попытка будет подавляться всеми имеющимися в распоряжении Советской власти средствами, вплоть до применения вооруженной силы» (4).

Полновластие трудового народа, осуществление государственной власти органами, созданными им, было закреплено Конституцией РСФСР 1918 г., в ст. 7 которой говорилось, что власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам, их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Организация государственного аппарата в строгом соответствии с Основным Законом имела классовый характер и обусловли-

валась необходимостью исключить возможность влияния враждебных элементов на жизнь страны.

С образованием Союза ССР создается государственный аппарат федеративного государства. Определяющими в этой работе явились выводы и рекомендации, изложенные в записках В. И. Ленина «К вопросу о национальностях или об «автономизации» (5). Они легли в основу Резолюции XII съезда партии по национальному вопросу, в которой изложены практические меры по формированию механизма федеративного государства. Они были направлены на то, чтобы:

а) «при построении центральных органов Союза было обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик как во взаимных между ними отношениях, так и в отношении центральной власти Союза;

б) в системе высших органов Союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик;

в) исполнительные органы Союза были сконструированы на началах, обеспечивающих реальное участие в них представителей республик и удовлетворение нужд и потребностей народов Союза» (6).

Настоящие положения получили правовое закрепление в Конституции СССР 1924 г. Работа над созданием государственного аппарата федерации и приведением его в соответствие с Основным Законом продолжалась. Порой союзные республики расширительно толковали свои права, что вызвало необходимость общесоюзных органов корректировать деятельность республиканского аппарата. Такие ошибки допускали и партийные органы республики. Например, в июне 1926 г. Пленум ЦК Компартии Украины обратил внимание на необходимость создания украинских внешнеторговых органов. В феврале 1928 г. президиум Закавказского краевого комитета ВКП (б), слушая вопрос о функциях уполномоченного Наркомата СССР по торговле с Персией, принял решение признать совершенно необходимой срочную передачу функций особоуполномоченного Союзнаркомторга по внешней торговле с Персией аппарату Закнаркомторга (7). Конституция же СССР 1924 г. внешнюю торговлю относил к компетенции органов Союза ССР. Партийным и государственными

органами велась последовательная работа по преодолению подобных противоречий.

Конституция СССР 1936 г. внесла существенные изменения в структуру, порядок образования и деятельности государственных органов, что способствовало укреплению Советского многонационального государства. Но в годы, связанные с культом личности, допускались нарушения законности, прав граждан, создавались органы, не предусмотренные конституцией. В состав союзного Наркомата внутренних дел было включено особое совещание внесудебного разбирательства (8). Создание данного органа не было вызвано чрезвычайными обстоятельствами, а его деятельность была неконституционной. Советское государство не исключает возможности создания чрезвычайных органов, когда к этому вынуждают особые обстоятельства. Но они, хотя и наделенные, в силу чрезвычайных обстоятельств, специальными полномочиями, должны действовать законно и в рамках закона. Такими в первые годы советской власти являлись органы ВЧК. Они, как отмечал Ю. В. Андропов, «были созданы для защиты революции от врагов и выполнения функции подавления эксплуататоров, выступавших против народа. Деятельность ВЧК соответствовала всему демократическому духу Советской власти. Она была целиком подчинена интересам трудящихся, задачам борьбы за социализм» (9).

3 апреля 1925 г. ЦИК и СНК СССР утвердили Положение о чрезвычайных мерах охраны революционного порядка и приняли Постановление о введении его в действие (10). В этих актах предусматривалась возможность объявления исключительного и военного положения с подробной правовой регламентацией компетенции, порядка и сроков деятельности, а также вида органов, осуществляющих властные полномочия.

Конституция СССР 1936 г. предусмотрела право Президиума Верховного Совета СССР объявлять в отдельных местностях или по всему Союзу ССР военное положение в интересах обороны СССР или для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности (п. Т. ст. 49 Конституции СССР 1936 г.). Подобное право Президиума Верховного Совета СССР закреплено действующей Конституцией СССР, в п. 15 ст. 121, в которой сказано, что он объявляет в интересах защиты СССР военное положение в отдельных местностях или по всей стране.

Чрезвычайные органы прямо не предусмотрены конституцией, но возможность их образования закрепляется в Основном Законе. Они создаются по решению высших органов государственной власти, когда к этому вынуждают особые обстоятельства. В таких условиях на всей территории страны либо в отдельных ее районах может вводиться военное положение.

22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР в соответствии со ст. 49 п. Т Конституции СССР 1936 г. принял Указ о военном положении (11). Постановлением ЦК ВКП(б), Президиума Верховного Совета СССР и Совета Народных Комиссаров СССР от 30 июня 1941 г. «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину», был создан Государственный Комитет Обороны, сосредоточивший в своих руках руководство страной и борьбой с гитлеровскими захватчиками (12).

В годы войны продолжали осуществлять свои функции Советы. За это время состоялось три сессии Верховного Совета СССР. В июне 1942 г. Верховный Совет СССР ратифицировал англо-советский договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. В феврале 1944 г. высший представительный орган страны принял закон о наделении союзных республик правом непосредственно вступать в отношения с иностранными государствами и с международными организациями и правом иметь свои войсковые формирования. В апреле 1945 г. Верховным Советом СССР были приняты законы о государственном бюджете и о мерах по восстановлению народного хозяйства страны. После окончания войны в связи с прекращением чрезвычайного положения Государственный Комитет Обороны был упразднен (13).

Страна возвращалась к мирной жизни. Государственному аппарату предстояло решать задачи восстановления разрушенного войной хозяйства. В недавно освобожденных от фашистских захватчиков районах налаживалась работа Советов, усиливалось их влияние на широкие трудящиеся массы. Положительную роль в этом сыграли решения XX съезда партии. Однако в 60-х годах проявились негативные тенденции, приведшие к изменениям в государственном аппарате. Были образованы совнархозы, система Советов строилась по

производственному принципу, большинство краевых и областных Советов было разделено на два органа власти, действовавших в пределах одной административно-территориальной единицы: промышленный и сельский. Принцип единства органов государственной власти, установившийся объединением в январе 1918 года Советов рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов, был нарушен. Октябрьский и ноябрьский (1964 года) Пленумы ЦК КПСС исправили это положение, восстановив единство Советов, их организацию и деятельность на основании территориального принципа (14).

Но отклонения от конституционных норм полностью не были преодолены. В 1970 г. не были избраны все пятнадцать заместителей Председателя Президиума Верховного Совета СССР, как это предусматривалось Конституцией СССР (15). В нарушение конституционных норм достаточно продолжительное время после смерти Л. И. Брежнева не избирался Председатель Президиума Верховного Совета СССР. Отклонение от конституционных норм в практике формирования государственного аппарата в настоящее время представляет собой достаточно редкое явление, что характеризует в целом уровень конституционной законности в стране.

Проявлением конституционной законности выступает утверждение принципа верховенства Основного Закона, согласно которому конституция обладает высшей юридической силой, все законы, иные правовые акты издаются в соответствии с ней и не могут ей противоречить. Верховенство конституции означает также обязательное принятие правовых актов, предусмотренных Основным Законом.

К настоящему времени нормативные акты, на необходимость принятия которых указывается в Конституции СССР 1977 г., в основном изданы. Но не принят до сих пор законодательный акт о референдуме. Закон СССР от 30 июня 1987 г. «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни» не компенсирует указанный пробел в законодательстве и не позволяет полностью реализовать ст. 5 Конституции СССР, говорящую и о всенародном обсуждении, и о всенародном голосовании (референдуме), но отнюдь их не отождествляющую.

Возникли сложности с принятием закона о судебном обжаловании действий должностных лиц, предусмотренном Кон-

ституцией СССР. Принятый впервые в советской законодательной практике, но еще не вступивший в действие, закон СССР был подвергнут критике в периодической печати (16) и до вступления в силу пересмотрен на сессии Верховного Совета СССР с внесением в него изменений и дополнений (17). Причины этого в излишней торопливости на стадии принятия закона и в стереотипе, сложившемся в законодательной работе. На сессии высшего представительного органа власти при обсуждении законопроекта депутатами высказывались замечания. Несмотря на это, закон был принят. Вместе с ним было принято постановление Верховного Совета СССР, в котором говорилось о необходимости Президиуму Верховного Совета СССР рассмотреть высказанные депутатами в ходе обсуждения проекта закона предложения и о результатах доложить на очередной сессии Верховного Совета СССР (18). Нелогичность таких действий очевидна. Целесообразно было отложить принятие закона до следующей сессии, внося в его проект коррективы в соответствии с замечаниями и предложениями, сформулированными депутатами.

Серьезную проблему для состояния законности в стране создает практически неконтролируемый поток ведомственных нормативных актов (19). Представляется, что радикальной мерой здесь могло бы служить законодательное утверждение принципа, согласно которому ведомственное нормотворчество не должно выходить за рамки своего ведомства.

В Постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан» говорится о необходимости навести должный порядок в утверждении инструкций и изданий приказов нормативного характера, обеспечивать соответствие ведомственных актов действующему законодательству (20).

Дальнейшая демократизация общественной жизни требует надежных механизмов социальной и правовой защиты от возможных злоупотреблений властью, от бюрократизма и нарушений законности. Такими механизмами могли бы стать, наряду с самоуправлением и гласностью, четко зафиксированные сроки замещения партийных и государственных должностей высокого ранга, указание предельного возраста пребывания на них (21).

Дальнейшее укрепление правовой основы государственной

и общественной жизни, нашедшее отражение в новой редакции Программы КПСС и в действующей Конституции СССР, вызывает необходимость разработки новых направлений политико-правовой теории и практики, способствующих укреплению законности и правопорядка, вносящих позитивный вклад в процессы ускорения и перестройки, идущие в советском обществе. Одним из таких направлений является формирование концепции правовой политики (22).

Политика в условиях социализма реализуется в соответствии с действующими юридическими нормами, в силу чего она носит правовой характер. Это не исключает целесообразности выделения в качестве относительно самостоятельной сферы деятельности юридической (правовой) политики, определяющей перспективы развития в соответствии с объективными законами социализма и его потребностями советской правовой системы, укрепления законности и правопорядка, утверждения принципа социальной справедливости.

Право есть инструмент политики, которая осуществляется различными способами, в том числе и с помощью юридических норм, за счет их реализации. Правовая политика — это часть политики государства, одно из ее проявлений, специфическое направление деятельности в области права, охватывающее процессы правотворчества, правореализации и юридической ответственности, их стратегию и тактику.

Основными направлениями правовой политики в современных условиях выступают юридическое обеспечение ускорения, самоуправления и демократизации социалистического общества. Для этого требуется дальнейшее на базе принятого закона о государственном предприятии (объединении) совершенствование хозяйственного, трудового и пенсионного законодательства. Необходимо, основываясь на общеправовом принципе: «разрешается делать все, что не запрещено законом», отойти от жесткой правовой регламентации, дать широкие возможности выбора вариантов поведения субъектам общественных отношений, через удовлетворение их интересов решать общегосударственные, общенародные задачи (23). В свете этого актуально звучит предостережение В. И. Ленина: «Не допустить ни в коем случае того, что было бы наиболее опасно и вредно в настоящее время и на что легко могут сбросить власти на местах, именно: излишней и неудачной, скороспелой, не проверенной опытом регламентации» (24).

Стратегией правовой политики является демократизация советского права, укрепление законности и правопорядка за счет совершенствования законодательной, правоприменительной юрисдикционной деятельности, методов правового регулирования.

Утверждение режима социалистической законности и ее разновидности — конституционной законности — объективно обусловлено сущностью Советской власти. Но законность не устанавливается автоматически. Она утверждается руководящей ролью КПСС, деятельностью государственных и общественных организаций, трудовых коллективов и активной жизненной позицией советских граждан.

1. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 61.
2. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. С. 21.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 329.
4. Там же. Т. 35. С. 226; СУ РСФСР. 1918. № 14. Ст. 202.
5. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45.
6. Двенадцатый съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 695—696.
7. Якубовская С. И. Развитие СССР как союзного государства, 1922—1936 гг. М., 1972. С. 60—61; Белый П. Ф. Источники о разработке первой Конституции Союза ССР // Сов. архивы. 1977. № 5. С. 101—102.
8. См.: Строгович М. С. Основные вопросы советской социалистической законности. М., 1966. С. 138.
9. Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1979. С. 110.
10. См.: Сборник законов и распоряжений СССР. М., 1925. № 25. Ст. 166, 167.
11. См.: Сборник законов СССР, 1938—1967 гг. М., 1968. Т. 1. С. 707—710.
12. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 31.
13. См.: Там же. 1945. № 61.; Петров В. С. Советское государство и Великая Отечественная война // Правоведение. 1975. № 3. С. 13.
14. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1978. Т. 8. С. 495—496.
15. См.: Заседание Верховного Совета СССР восьмого созыва (первая сессия). Стенографический отчет. М., 1970. С. 96, 161—164, 204; Заседание Верховного Совета СССР

восьмого созыва (вторая сессия). Стенографический отчет. М., 1971. С. II, 343.

16. См.: Лившиц Р. О судебной защите // Известия. 1987. 29 сент.

17. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 42. Ст. 692.

18. См.: Там же. № 26. Ст. 389.

19. См.: Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. 1987. № 14. С. 44.

20. См.: Справочник партийного работника. Вып. 27. М., 1987. С. 648.

21. См.: Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки: Доклад на XIX Всесоюзной партийной конференции КПСС 28 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. С. 48—49.

22. См.: Правовая система социализма. М., 1986. Кн. 1. С. 140—149.

23. Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. С. 65.

24. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 132.

Р. К. Русинов

САМОУПРАВЛЕНИЕ И ПРАВОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Идеи самоуправления народа все более активно внедряются в практику социалистической деятельности. Перестройку можно осуществить лишь в условиях непосредственного участия народа во всех общественных процессах. На XXVII съезде КПСС подчеркнуто, что социализм «успешно развивается лишь тогда, когда сам народ реально управляет своими делами, когда миллионы людей участвуют в политической жизни. Это и есть самоуправление трудящихся в ленинском его понимании» (1).

Представляется, что дальнейшее развитие самоуправления народа будет осуществляться по двум путям. Первое и основное направление развития самоуправления реализуется через составные звенья политической системы социализма, через институты представительной и непосредственной демократии (2). Другое направление самоуправления — это участие граждан в управлении общественными процессами за рамками политической системы социализма. Данное направление

развития самоуправления еще только зарождается. Оно связано с развитием хозяйственной деятельности, с удовлетворением различных потребностей граждан в рамках неформальных объединений и т. д.

И по какому бы пути ни развивалась деятельность советских граждан по реализации начал самоуправления, она будет в той или иной степени охвачена правовым регулированием, будет правовой деятельностью, ибо в условиях государственно организованного общества самоуправление есть государственно-правовой институт (3).

Развитие самоуправления во всех его формах требует совершенствования и правовых форм его реализации. Роль права в отношении самоуправления должна проявляться не только и не столько в установлении рамок, пределов, а прежде всего в его обеспечении, гарантировании. В современных условиях особо значимой представляется необходимость правового обеспечения активного участия каждого члена общества в процессах развития самоуправления: право должно не только предоставить каждому человеку возможность непосредственно участвовать в управлении общественными делами, но и юридическими средствами гарантировать эту возможность. Только в условиях строгого и неукоснительного соблюдения принципов и требований социалистической законности деятельность граждан в управлении социальными процессами на разных уровнях будет стабильной, активной, гарантированной, т. е. приобретет все черты правовой деятельности.

В целях дальнейшего развития самоуправления народа прежде всего требуется совершенствование деятельности Советов, выступающих главным образом звеном социалистического самоуправления народа (4). Представляется необходимым упорядочить правотворческую деятельность всех звеньев Советов. В последние годы сложилась практика, противоречащая принципам демократизма и самоуправления народа, когда основные правотворческие функции (как по количеству принимаемых актов, так и по их социальной значимости) перешли к исполнительному аппарату Советов. Эта негативная тенденция особенно ярко проявилась в деятельности местных Советов. В ряде случаев исполнительный аппарат органов государственной власти пытался встать над самими Советами, определять содержание всей их работы, в том числе и правотворческой (5). В целях надлежащей реализации принципов демократизма и самоуправления необходимо практичес-

ки все правотворческие функции сосредоточить в руках представительного органа народа — Совета. А деятельность исполнительного аппарата ограничить обеспечением надлежащего исполнения нормативных актов, принятых на сессиях Советов. Такое разделение компетенции юридической деятельности органов государственной власти и управления будет полнее соответствовать принципам развивающегося самоуправления народа.

В целях придания Советам качественных характеристик органов непосредственного самоуправления народа следует правовыми способами усовершенствовать представительство народа в органах власти нашего государства.

На XIX Всесоюзной конференции КПСС получили закрепление предложения о лучшем разграничении полномочий между представительными и исполнительными органами на основе общего правила, согласно которому работники исполнительного аппарата (представители Советов и их заместители, руководители отделов и управлений), судьи, прокуроры, арбитры, а в Союзе ССР, союзных и автономных республиках — члены правительства и руководители ведомств — не могут входить в состав депутатов соответствующего Совета (6).

Требует более четкой правовой регламентации и юридического обеспечения депутатская деятельность. От личного участия каждого депутата в деятельности Совета в решающей степени зависит качество работы органов народной власти. Личностный подход необходим при анализе всей системы самоуправления народа в разных ее проявлениях и характеристиках (7). Нужно серьезно проанализировать, почему, несмотря на широкие полномочия депутатов, предоставленные им Конституцией СССР и Законом о статусе народных депутатов в СССР, их личная активность в значительной степени не велика. Представляется, что народный депутат должен обладать не только широкой компетенцией (кругом прав и обязанностей), предусмотренных законом, но и достаточной компетентностью в решении государственных вопросов, т. е. обладать правовыми, управленческими знаниями, определенным опытом участия в самоуправлении. И эти требования к кандидатам в народные депутаты целесообразно законодательно закрепить, иначе Советы не будут гарантированы от безынициативных, пассивных представителей народа, выпол-

няющих роль «массовки» в органах государственной власти.

Требуется совершенствование правовой деятельности не только депутатов в Советах, но и других субъектов социалистического самоуправления. С вступлением в юридическую силу Закона о государственном предприятии (объединении) значительно возросла роль трудовых коллективов в решении экономических и политических вопросов общественного развития. Но недостаточное совершенство регулирования правовой деятельности трудовых коллективов и их демократических органов, например советов трудовых коллективов, сдерживает самоуправление в сфере социалистического производства. Хотя и намечаются тенденции расширения компетенции трудового коллектива, изменения в соотношении совещательных и решающих его полномочий в пользу последних, но несовершенство правовых актов, регламентирующих управленческую деятельность трудовых коллективов, заметно снижает эффективность их участия в самоуправлении. Так, знакомство с положениями о совете трудового коллектива на ряде предприятий г. Свердловска и Свердловской области показало, что в этих актах, как правило, не закрепляются вопросы, решение которых есть исключительная компетенция трудового коллектива либо его совета. Вопросы, находящиеся в их ведении, в абсолютном большинстве случаев правомочны решать и органы администрации предприятия, и органы общественных организаций (парткомы, профкомы). Ясно, что эта двойная, а то и тройная компетенция значительно снижает активность участия трудовых коллективов и их советов в самоуправленческой деятельности.

Требуется совершенствования правовая деятельность по самоуправлению и за рамками государственной организации общественной жизни. Бурное развитие кооперативной деятельности, активное участие граждан в неформальных общественных объединениях, инициативное использование советскими людьми своих прав и законных интересов требует надежного правового обеспечения. Эта мысль не означает призыва ограничить названные формы самоуправления жесткими юридическими рамками. Наоборот, члены социалистического общества, активно участвуя в оказании различных услуг друг другу, реализуя свои политические свободы путем участия в демонстрациях, митингах и т. п. мероприятиях, должны быть уверены, что такая их деятельность предусмотрена законом и надежно им обеспечена. Развитие разнообразных форм

экономической, социально-культурной, просветительской деятельности предполагает создание четкого правового механизма, обеспечивающего поддержку этих форм и надежный контроль со стороны общества и государства за их социально полезным, эффективным и законным претворением в жизнь (8). Члены социалистического общества должны быть уверены: закон не допустит, чтобы администраторы, которых не устраивает та или иная форма самодеятельности народа, приняли решение, сводящее самоуправление народа к пустому звуку, к бесполезному времяпрсвождению, к модной и ласкающей слух фразе. Например, вряд ли можно признать способствующим развитию демократии и самоуправления решение горисполкома, по которому место для самодеятельного митинга или собрания отводится на задворках города, куда и добраться-то очень нелегко.

Поэтому правовые акты, направленные на развитие и совершенствование самоуправления народа, должны приниматься на подлинно демократических началах, с привлечением широких кругов общественности и использованием самых передовых достижений советской правовой науки. Только тогда деятельность в рамках социалистического самоуправления народа получит надежное правовое обеспечение.

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 55; Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Политиздат, 1988.

2. См.: Барабашев Г. Непосредственная демократия в системе социалистического самоуправления народа // Полит. самообразование. 1985. № 9. С. 28; Гулиев В. Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Сов. государство и право. 1986. № 2. С. 8; Марченко М. Н., Рожко И. Н. Демократия в СССР: факты и домыслы. М., 1988. С. 66; Тихомиров Ю. А. Социалистическое самоуправление народа. М., 1986. С. 18.

3. См.: Эбзеев Б. С. Социалистическое самоуправление народа в СССР: содержание и пути углубления // Правоведение. 1987. № 5. С. 6.

4. Барабашев Г. Главное звено самоуправления // Советы народных депутатов. 1986. № 1; Топорнин Б. Н. Развитие социалистической демократии и самоуправления народа. М., 1985. С. 14.

5. Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съез-

да КПСС и задачах по углублению перестройки. М.: Политиздат, 1988. С. 46—48; См. также: Топорнин Б. Н. Советское государство и самоуправление народа // Коммунист. 1987. № 6. С. 82.

6. Горбачев М. С. Указ соч. С. 88; см. также: Советы: возвращение к себе // Известия. 1988. 16 февр.

7. Бондарь Н. С. Личность в системе социалистического самоуправления: конституционный аспект // Правоведение. 1987. № 6. С. 4.

8. Кудрявцев В. Советское государство: преемственность и обновление // Коммунист. 1987. № 16. С. 47.

Т. В. Сахнова

УСИЛЕНИЕ ГАРАНТИЙ ПРАВ ЛИЧНОСТИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СОВЕТСКОМ ПРАВОСУДИИ

Всестороннее развитие прав личности и углубление их гарантий имманентно присуще социалистической демократии. Социализм — «это общество, в котором идеи свободы, прав человека, достоинства личности наполнены реальным содержанием» (1). Современная демократизация советского общества актуализирует проблему свободы личности, что неразрывно связано с действительным обеспечением прав личности и вытекает из признания социализмом личности как высшей ценности. В решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС подчеркивалось, что «первостепенное внимание необходимо уделить правовой защите личности...» (2).

Социалистическая концепция прав человека (3) органически сочетает в себе раскрытие сущности прав и свобод человека в системе общественных отношений, их детерминированность и динамику. В основу определения прав личности может быть положено понятие социального блага. А поскольку любое право лишь тогда обретает ценность, когда его можно осуществить, то в этом и видится суть проблемы гарантий прав личности.

Неотъемлемую часть прав человека составляют личные права, в том числе — право на жизнь, здоровье, честь, достоинство, личную неприкосновенность, личную жизнь (4). Юридические гарантии этих прав образует вся правовая система с ее стержневой основой — Конституцией СССР. В советской государственно-правовой литературе, на наш

взгляд, справедливо отмечалось своеобразие конституционного права неприкосновенности личности: оно фактически выступает в качестве одного из межотраслевых принципов и одновременно — институтов советского права (5). Также может быть охарактеризовано и право на личную жизнь — как комплексный институт, конкретизируемый в отраслевом законодательстве. Содержание права неприкосновенности как конституционного личного права включает в себя ряд правомочий, в том числе право на честь и достоинство, нравственную и психическую неприкосновенность. Право на личную жизнь подразумевает право на тайну интимной и других частных сфер жизни гражданина (6). Сущность права неприкосновенности состоит в том, что в принципе какое-либо принуждение, применяемое к гражданину, запрещается, но оно может быть применено государственными органами в исключительных, строго регламентированных законом случаях.

Таким образом, обеспечение права неприкосновенности личности и личной жизни связано с вопросами правомерного ограничения свободы личности, что ярко проявляется и становится актуальным при вовлечении личности в орбиту судебного процесса (7).

При осуществлении правосудия может возникнуть потребность в определении психического состояния лица — участника процесса. Процессуальной формой этого выступает экспертиза, которая — в зависимости от обстоятельств — может конкретизироваться в трех видах: судебно-психиатрической, комплексной психолого-психиатрической и судебно-психологической.

Любая психодиагностика всегда предполагает те или иные способы, средства психологического воздействия на личность, что объективно обуславливается особенностями той информации, которую необходимо получить для решения экспертной задачи. Поскольку при осуществлении правосудия закон допускает, а практика нередко диктует необходимость применения специальных психологических знаний в форме экспертизы, поскольку возникает вопрос: как соотносятся реализация конституционных прав на неприкосновенность личности и личную жизнь — и основные цели, задачи правосудия, в которых отражается охранительная функция гражданского и уголовного процесса (8). В контексте психологической экспертизы данный аспект в советской юриспруденции не исследовался.

Осуществление правосудия базируется, в числе прочих, на принципах объективной истины и законности. Однако законодатель заботится не только о том, чтобы при рассмотрении судом каждого дела (будь то уголовное или гражданское) была установлена объективная истина, но и о том, чтобы она достигалась с минимальными и действительно необходимыми социальными издержками (9), к которым можно отнести определенные ограничения тех или иных прав личности, вовлекаемой в орбиту судопроизводства. Именно с вопросом оптимальности этих ограничений связана рассматриваемая проблема гарантии прав личности. А вопрос об усилении последних при производстве психологической экспертизы неизбежно связан с вопросом о гарантиях законности: и проведения самой экспертизы, и каких-либо ограничений прав личности. Такая взаимосвязь объективно обусловлена природой судебного процесса, предопределяющей способ реализации субъективных прав личности в рамках процессуальных отношений, которые, в свою очередь, невозможны без соответствующей процессуальной нормы.

В литературе справедливо подчеркивается, что цели (точнее, промежуточные цели) советского правосудия, а именно: правильное разрешение дела, соблюдение требований законности, воспитательное воздействие, возмещение ущерба, превентивные меры, как правило, непротиворечивы, достижение одной цели способствует достижению другой. Однако законодатель учитывает также ситуации, когда при возникновении коллизии предпочтение отдается достижению одной цели за счет другой. Например, в ряде случаев при экспертном определении психического состояния лица такое предпочтение отдается охране прав личности (10). Можно сказать: критерий выбора заключен в социальной значимости блага, предпочитаемого законодателем. Сложность проблемы состоит также в том, что в нашем случае речь идет о степени гарантированности конституционных прав личности, не являющихся непосредственным объектом защиты в конкретном процессе. Но данное обстоятельство отнюдь не свидетельствует о незащищенности таких прав, об отсутствии гарантий их охраны и реализации.

Каковы же эти гарантии и каков их характер? Здесь нужно исходить из понятия юридических гарантий, т. е. установленных законом средств и способов, обеспечивающих права и законные интересы граждан. Применительно к сфере отпав-

ления правосудия подобные средства и способы нужно искать, прежде всего, в нормах процессуального права, выражающих процессуальные гарантии. С позиции процессуальной науки по критерию значимости принято выделять две группы гарантий: 1) присущие социалистическому правосудию в целом; 2) непосредственно направленные на обеспечение субъективных процессуальных прав личности (11). Общие гарантии содержатся в конституционных и некоторых отраслевых принципах осуществления правосудия. Непосредственные гарантии имеют в своей основе нормы процессуального права, закрепляющие лицо предписания, обращенные к обязанным субъектам и корреспондирующие правам лица, либо юридические средства конкретизации (правомочия) прав субъектов процесса. Первые можно рассматривать как гарантии охраны (защиты) процессуальных прав, вторые — как гарантии их реализации.

При исследовании гарантий прав личности в случаях производства судебно-психологической экспертизы имеют значение обе названные группы процессуальных гарантий, но они не равнозначны в своем конкретном проявлении. Общие гарантии правосудия выступают одновременно и общими гарантиями прав личности. Их действие опосредовано механизмом правового регулирования. Гарантии, направленные на обеспечение субъективных процессуальных прав, гарантиями собственно прав личности не являются. Однако они способствуют правильной реализации последних: ибо здесь сами гарантированные процессуальные права и обязанности выступают в качестве средств обеспечения прав личности. В этом находит выражение специфика механизма гарантирования. Назначение и проведение экспертизы связано с осуществлением соответствующими субъектами судебного процесса их процессуальных прав и обязанностей. Насколько полно и всесторонне закон регламентирует права и обязанности участников процесса и закрепляет гарантии их реализации, настолько можно говорить о полноте (либо неполноте) данной группы гарантий прав личности применительно к производству психологической экспертизы.

Следовательно, когда мы говорим о гарантиях прав личности при экспертном определении психического состояния лица, следует различать 1) общие гарантии, являющиеся одновременно общими гарантиями процессуальных прав личности испытуемого; 2) гарантии прав личности испытуемого,

которыми в условиях процесса выступают сами процессуальные права и корреспондирующие им обязанности. Объединяет обе названные группы то, что исследуемый механизм гарантирования немалым без нормативной основы. Он «срабатывает» и при реализации отдельного правового института, в частности — института судебной экспертизы. С другой стороны, механизм гарантирования включает также определенную систему правоотношения в качестве способа реализации законодательных предписаний в конкретных условиях юридической действительности как форму жизни норм права.

Представляется, что гарантии прав личности при проведении судебно-психологической экспертизы могут выполнить свое функциональное назначение тогда, когда они составляют определенную, законодательно оформленную систему. На наш взгляд, одним из основных элементов такой системы должно быть законодательное регламентирование назначения и проведения психологической экспертизы (в рамках правового регулирования экспертиз по определению психического состояния гражданина). Потребность в этом обусловливается уникальностью объекта (человека, участника процесса) и предмета названных экспертиз (психики). Иначе говоря, испытуемый — одновременно и объект экспертизы, и участник процессуальных отношений (в том числе складывающихся по поводу назначения и производства специального исследования). Не случайно в уголовном судопроизводстве законодатель из множества видов экспертиз выделяет именно связанные с установлением психического состояния (ср.: пп. 2, 3 ст. 79 УПК РСФСР). Законодательное урегулирование определения психического состояния лица — участника процесса — будет также способствовать более эффективному выполнению судами главной общей задачи: осуществлению правосудия. Актуальность расширения и конкретизации системы процессуальных гарантий личной свободы (в том числе права неприкосновенности личности и права на личную жизнь) вытекает из Конституции СССР (54, 56, 57). В данной связи заслуживает поддержки мнение, что процедурная урегулированность юридических действий обеспечивает уверенность личности в реализации ее прав и свобод (12).

Сформулированная законодательная проблема особенно актуальна в гражданском процессе, ибо здесь, в отличие от уголовного судопроизводства, отсутствуют какие-либо формы решения вопроса об урегулировании экспертного определения психического состояния лица — участника процесса. Безуслов-

но, оба процесса имеют свою специфику, но следует учитывать и общее, в частности — единство сущности и содержания института судебной экспертизы. Урегулирование экспертного определения психического состояния участника гражданского процесса было бы важным моментом для обеспечения прав личности при ее психологическом обследовании.

Для реализации данного предложения есть легальные предпосылки. Прежде всего это общие правила, относящиеся к институту судебной экспертизы (ст. 17, 20, 74, 77, 78, 163, 180, 181 ГПК РСФСР). Помимо них, можно выделить и специальную предпосылку: ст. 260 ГПК РСФСР. Однако последняя предполагает производство только психиатрической экспертизы и применительно к ограниченному кругу гражданских дел (о признании гражданина недееспособным). Опираясь на современные достижения наук о психике человека, представляется оправданным сформулировать новую статью об определении психического состояния гражданина, стнеся ее в главу ГПК о доказательствах. В рамках предлагаемой статьи следует определить общие основания назначения психиатрической и психологической экспертиз с учетом различий между ними, а также указать круг лиц, в отношении которых возможно производство данных экспертиз. Таким образом, законодательное урегулирование не должно ограничиваться рамками какой-либо определенной категории гражданских дел, оно реализуется по общему правилу.

Сказанное позволяет выявить специфику содержания процессуальных гарантий прав личности (испытуемого), которые в общей форме предусмотрены действующим гражданским процессуальным законодательством, к ним относятся гарантии:

- обязанность суда (судьи) разъяснить лицу, для обследования которого назначается психологическая экспертиза, его права, а также значение экспертизы для установления обстоятельств, важных для правильного разрешения дела;

- право испытуемого просить суд назначить эксперта-психолога из числа названных им лиц;

- право участвующих в деле лиц просить суд огласить заключение эксперта-психолога в закрытом судебном заседании, если в этом заключении затрагиваются интимные стороны жизни заинтересованных лиц.

В сравнительном аспекте названные положения можно соотнести с формулируемыми в западноевропейской литературе условиями, которые называют достаточными гарантия-

ми прав личности при судебной психодиагностике. К таким условиям относятся: 1) проведение психодиагностики лишь в действительно необходимых случаях, когда иначе нельзя выявить значимые для дела обстоятельства; 2) установление границ специального исследования в соответствии с каждой специальной целью; 3) право испытуемого требовать наиболее осторожного освещения интимных сторон его жизни; 4) соответствие методов исследования современному научному уровню; 5) соблюдение экспертом профессиональной тайны и его обязанность не узнавать об испытуемом больше, чем будет поручено судом (13). Думается, приведенные условия — гарантии представляют определенный интерес, тем более что в советской юриспруденции подобный аспект не обсуждался. Правда, психологами предпринималась попытка сформулировать общие принципы допустимости психологического воздействия на испытуемого при специальном исследовании, например, назывались следующие критерии: 1) юридический, означающий соответствие избранной методики духу и букве советского закона, обеспечивающий соблюдение прав граждан и выполнение ими обязанностей; 2) этический, характеризующий нравственную приемлемость приема с точки зрения социалистической морали и норм профессиональной этики; 3) гносеологический, подразумевающий познавательную надежность и научную обоснованность используемых средств воздействия; 4) психологический, предполагающий учет психологических особенностей ситуации общения и индивидуальных особенностей ее участников (14). В определенной мере названные принципы перекликаются с условиями-гарантиями Экснера, а именно: юридический — с 1-м и 2-м условиями, этический — 3-м и 5-м, гносеологический — с 4-м. Если условия могут быть названы гарантиями, то принципы могут составить основу оценки, даваемой судом заключению эксперта-психолога (с точки зрения допустимости использованных методик и в плане обеспечения гарантий прав личности). При этом законодательное урегулирование производства психологической экспертизы обеспечивает непосредственное действие первого и второго условий-гарантий. Одновременно определенный судом предмет специального исследования является для эксперта правовым ориентиром в объеме получения информации об испытуемом. Четвертое условие может быть в общем виде обеспечено закреплением в процессуальном законе за судом (судьями) обязанности выяснить еще до на-

значения эксперта необходимые данные о его специальности и компетентности. Более детальное формулирование требований четвертого и пятого условий может быть предусмотрено в специальном акте (законе), регламентирующем правовой статус эксперта.

Кроме того, представляется необходимым дополнить уже названные процессуальные гарантии правом субъекта отказаться от проведения в отношении него психологической экспертизы. Такое право следует закрепить законодательно.

В советской литературе были высказаны две противоположные точки зрения по вопросу о том, требуется ли согласие испытуемого на проведение психологической экспертизы. Одни авторы считают такое согласие необходимым (15), другие — нет (16). Правильный ответ зависит от решения вопроса о допустимости процессуального принуждения при производстве судебно-психологической экспертизы. На наш взгляд, оно не может иметь места. Это вытекает из общих начал процессуального законодательства, и было бы неправомерно *de legte ferende* допускать иное.

В процессуальной литературе справедливо подчеркивалось, что нельзя смешивать процессуальные действия, в ходе которых возможно принуждение, с самим принуждением (17). Те или иные действия суда в процессе не являются априорно принудительными — их характер зависит от психического отношения субъекта процесса к предъявляемым ему требованиям. Принуждение возможно не только в рамках процессуальной обязанности субъекта, но и в качестве превентивной меры либо меры обеспечения доказательств. С наибольшей очевидностью это прослеживается в уголовном процессе. Однако и в гражданском судопроизводстве принуждение может играть роль меры обеспечения при собирании судом доказательств. Именно с таким случаем мы имеем дело, когда применяем ст. 260 ГПК РСФСР, если реализуется предусмотренная статьей возможность принудительного направления на судебно-психиатрическую экспертизу лица, в отношении которого возбуждено дело о признании его недееспособным. Но здесь законодатель устанавливает ряд процессуальных гарантий законности осуществления принуждения и соблюдения прав личности: принуждение возможно лишь в исключительных случаях — по определению суда и при обязательном участии в судебном заседании прокурора и психиатра. Следует обратить внимание, что законом не отождест-

вляется обязательность назначения экспертизы и принудительность ее проведения. В рассматриваемой ситуации такая мера обеспечения обусловлена объективно: в момент направления гражданина на психиатрическую экспертизу должно существовать обоснованное сомнение в его психической полноценности (18), в том числе — в способности понимать смысл предъявляемых к нему требований. Именно в силу болезненного состояния лицо может не осознавать потребности в психиатрической экспертизе, которая необходима в первую очередь для надлежащей защиты его собственных интересов.

Иная ситуация складывается при назначении психологической экспертизы. Идти по пути аналогии с психиатрической экспертизой здесь было бы неверно. Общее основание назначения психологического исследования не связано с предположением о психической неполноценности субъекта. В таких условиях принудительное производство экспертизы означало бы психическое насилие, что противоречит конституционному праву неприкосновенности личности, демократическим принципам осуществления правосудия, а потому является недопустимым.

Следовательно, для обеспечения личных конституционных прав гражданина при его психологическом обследовании в условиях судебного процесса необходимо усиление процессуальных гарантий таких прав — через упрочение законодательной основы гарантий. Рациональным в этом направлении представляется:

— урегулирование в процессуальном законе определения психического состояния лица с указанием: а) круга субъектов-потенциально испытуемых; б) основания назначения судебно-психиатрической экспертизы — наличие достаточных данных о психической неполноценности лица; в) основания назначения психологической экспертизы — наличие сомнений в способности лица правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства, правильно запоминать и воспроизводить информацию о них; г) недопустимости принудительного направления на психологическую экспертизу;

— совершенствование общего института судебной экспертизы (в том числе урегулирование производства комиссионной и комплексной экспертиз);

— разработка специального нормативного акта о правовом статусе эксперта.

1. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция // Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986. С. 127.

2. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. М.: Политиздат, 1988. С. 146.

3. См.: Применительно к правовой сфере термин «права человека» мы употребляем как синонимичный термину «права личности». Следует отметить, что трактовка понятия и проблемы прав человека далека от единообразия. Нормативная разработка каталога прав человека и их реализация (согласно ст. 2 § 7 Устава ООН) находится в сфере компетенции государств. Поэтому конкретное содержание и специфика проблемы определяются в рамках той или иной системы общественных отношений и системы права. В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе права человека и основные свободы рассматриваются как производные от достоинства, присущего человеческой личности (см.: Во имя мира, безопасности и сотрудничества: К итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 г. М.: Политиздат, 1975. С. 20, 21). Преемственность такого подхода констатируется и в Итоговом документе Венской встречи представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом в январе 1989 г. (см.: Известия Советов народных депутатов СССР. 1989. 27 янв.).

4. См.: В соответствии с международно-правовой каталогизацией прав человека перечисленные права относят к индивидуальным гражданским правам, очерчивающим свободу индивидуума по отношению к государству (см.:

*Ermaclora F. Menschenrechte
in der sich wandelnden
Welt. Bd. 2. Wien, 1983. S. 47f.*

В советском государствоведении данные права обычно классифицируют как личные, как индивидуализирующие личность гражданина и реализуемые в сфере личной свободы.

Категория «свобода личности» в правовом контексте выходит за рамки предмета данной статьи и может составить предмет самостоятельного изучения (см., напр., из последних работ: Логанов И. И. Свобода личности. М.: Мысль, 1980; Чхиквадзе В. М. Гуманизм. Мир. Личность. М.: Наука, 1981; Малеев Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1981; Права личности в социалистическом обществе / Под ред. В. Н. Кудрявцева, М. С. Строговича. М.: Наука, 1981; Воеводин Л. Д., Краснов М. А. О формах конституционного закрепления свободы личности в СССР // Сов. государство и право. 1982. № 4; Гулиев В. Е., Рудинский Ф. М. Социалистическая демократия и личные права. М.: Юрид. лит., 1984; Социалистическая концепция прав человека / Отв. ред. В. М. Чхиквадзе, Е. А. Лукашевич. М.: Наука, 1986).

5. См.: Гулиев В. Е., Рудинский Ф. М. Социалистическая демократия и личные права. С. 113.

6. Подробнее об этом см.: Петрухин И. Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. Общая концепция. Неприкосновенность личности. М.: Наука, 1985. С. 36—40; ср. также: Гулиев В. Е., Рудинский Ф. М. Указ. соч. С. 93—94. Эти авторы рассматривают право на тайну в контексте неприкосновенности личной информации — как продолжение идеи неприкосновенности личности.

7. См.: Если применительно к уголовному процессу уже предпринимались попытки постановки и решения данной проблемы (см., напр., Петрухин И. Л. Указ. соч.), то в гражданском судопроизводстве соответствующих разработок пока нет. Поэтому в дальнейшем большее внимание будет уделено именно последнему аспекту.

8. Ср.: ст. 2 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 2 ГПК РСФСР; ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, ст. 2 УПК РСФСР.

9. См.: Конституционные основы правосудия в СССР / Под ред. В. М. Савицкого. М.: Наука, 1981. С. 331.

10. См.: Петрухин И. Л. Критерии эффективности правосудия (по уголовным делам) // СССР — Англия: Юстиция и сравнительное правосудие: Материалы сов.-англ. симпозиума. М., 1986. С. 56—57 и след.

11. См.: Демократические основы советского социалистического правосудия / Под ред. М. С. Строговича. М.: Наука, 1965. С. 291—292; Мельников А. А. Правовое положение лич-

ности в советском гражданском процессе. М.: Наука, 1969. С. 221.

12. См.: Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / Отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Наука, 1983. С. 111.

13. См.: *Exner W. Menschenrechte - Privatsphäre - Psychodiagnose // Österreichische Zeitschrift für öffentliches Recht und Völkerrecht. Wien, 1979. Vol. 30, n 1-2. S 135-137.*

14. См.: Ратинов А. Р. Методические вопросы юридической психологии / Психол. журн. 1983. Т. 4. № 4. С. 114—115.

15. См.: Яковлев Я. Проблемы судебно-психологической экспертизы // Соц. законность. 1973. № 3. С. 58—59.

16. См.: Котов Д. Судебно-психологическая экспертиза // Соц. законность. 1975. № 8. С. 56.

17. См.: Петрухин И. Л. Указ соч. С. 44, 48—49, 51.

18. Это обязательное требование — основание назначения данной экспертизы. Оно четко сформулировано в Положении об условиях и порядке оказания психиатрической помощи, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5.01.88 // Ведомости Верхов. Совета СССР. 1988 № 2. Ст. 19. С. 24.

Ю. И. Скуратов

ТРУДОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ И РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Многоплановая роль трудовых коллективов в системе социалистического самоуправления народа проявляется в следующем:

а) в том, что трудовые коллективы выступают в качестве **объекта** государственного и общественного управления. Потребность в управлении трудовыми коллективами обусловлена его качествами первичной ячейки хозяйственного, политического, социального организма советского общества, разделением общественного труда;

б) трудовые коллективы — это участники управления государственными и общественными делами за пределами своего предприятия, учреждения, организации. Общая концепция политического участия в управлении государственными и общественными делами закреплена в ст. 8, 100, 101, 107, 149, 162 Конституции СССР и в обобщенном виде — в ст. 5 Закона о трудовых коллективах;

в) коллективы трудящихся выступают как **субъекты** управления предприятиями, учреждениями, организациями. В этой сфере трудовые коллективы обладают наиболее широким кругом полномочий (ст. 6—17 Закона о трудовых коллективах, глава II Закона СССР о государственном предприятии (объединении), анализ которых дает возможность сделать вывод о **самоуправлении**, присущем коллективам трудящихся). Последнее обстоятельство особо подчеркнуто в Программе КПСС: «Партия всемерно содействует тому, чтобы каждый трудовой коллектив становился действенной социальной ячейкой социалистического самоуправления народа, повседневного и реального участия трудящихся в решении вопросов работы предприятий, учреждений и организаций, развития и приложения творческих сил личности» (1. С. 43).

Если сами трудовые коллективы являются социальной ячейкой общества и непосредственно не входят в качестве звена в политическую систему, то создаваемые на основе коллективов трудящихся общественные и политические институты (общие собрания и конференции и комсомольские организации) — важнейшие «блоки» механизма социалистического самоуправления народа. «Самоуправленческие институты в трудовых коллективах, — подчеркивает В. Е. Гулиев, — создают «низовое звено» и вместе с тем основание всей государственно-политической системы общества. Именно отсюда начинается действие механизма детерминации государственных, политических форм отношения собственности, экономическим базисом общества... Вот почему партия стремится всемерно содействовать тому, чтобы трудовой коллектив, соединяя хозяйственную деятельность и управленческие функции, становился действенной социальной ячейкой социалистического самоуправления народа» (2. С. 6).

Однако многие положения Закона о трудовых коллективах не были реализованы в надлежащем объеме. Издержки в реализации закона не позволили превратить в жизнь задачу активизации участия трудящихся в управлении предприятия-

ми, учреждениями, организациями. Как показывают результаты социологических исследований, все еще велика доля так называемых «пассивных» участников управления производством и лиц, которые практически не принимают в этом участия. По различным формам управления их доля колеблется от 83,3 до 95,9%. В чем причина?

Первые годы после изменения Закона о трудовых коллективах совпали с действием ряда негативных, застойных тенденций в системе социалистической демократии. Парадность и формализм, заорганизованность и бюрократизация демократических форм сдерживали социально-политическую активность трудящихся, что, в свою очередь, отрицательно сказалося и на функционировании институтов самоуправления в системе трудовых коллективов. Поскольку негативные тенденции неравномерно охватывали регионы страны, постольку общие для всего государства положения Закона неодинаково реализовывались в различных районах, городах, населенных пунктах. Опыт показывает, что там, где партийные органы и Советы народных депутатов уделяли достаточно внимания вопросам контроля за реализацией Закона, значительно усилился потенциал социалистического народного самоуправления. К сожалению, далеко не везде осуществлялась введенная Законом демократическая процедура подбора кадров руководителей на предприятиях с учетом мнения трудового коллектива.

На реализации Закона о трудовых коллективах отрицательно сказалось то обстоятельство, что его принятие не было подкреплено комплексом социально-экономических, организационно-правовых гарантий. Хотя Закон и расширил права трудовых коллективов, но довольно ограниченным оставался правовой статус предприятия как основного субъекта хозяйственной системы, что не позволяло коллективу самому решать вопросы экономического и социального развития. Доминирование административно-командных методов управления экономикой значительно уменьшало действие объективных социально-экономических предпосылок самоуправления трудовых коллективов (хозрасчет, наличие экономических фондов стимулирования труда и т. д.).

Наконец, трудности в реализации Закона о трудовых коллективах были связаны с недостатками его содержания и изъянами в юридической технике. Так, половинчатыми оказались предусмотренные Законом меры по введению демо-

кратического порядка отбора руководителей коллективов (лишь для назначения бригадира необходимо было согласие бригады и она получила право требовать его освобождения в случае, если бригадир не оправдал ее доверия). Несовершенным было и законодательное регулирование деятельности органов трудовых коллективов. Закон закрепляет за трудовыми коллективами в общей сложности свыше 70 полномочий в различных сферах общественной жизни. Статья 19 определяет формы осуществления полномочий и гласит: основная, ведущая форма — это общие собрания (конференции) трудовых коллективов. Но очевидно, что с помощью собрания коллектива невозможно претворять столь обширные полномочия. Поскольку в Законе не всегда указано точно, в каких случаях должно собираться собрание (конференция) трудового коллектива, на практике стали частыми нарушения периодичности созыва собраний, регулярности их проведения для реализации полномочий коллектива. Формула о том, что общие собрания (конференции) трудовых коллективов рассматривают наиболее важные вопросы их жизни и деятельности (ст. 20 Закона), мало что меняет в силу своей неконкретности. В процессе обсуждения проекта не были учтены предложения о дополнении этой нормы деятельным перечнем вопросов, которые могут быть рассмотрены и решены только на данном собрании (конференции), аналогично нормам законов, закрепляющих исключительную компетенцию Советов, а также предложения о создании совета трудового коллектива.

Реализация курса КПСС на ускорение экономического и социального развития общества, перестройку хозяйственного механизма поставила на повестку дня вопрос о необходимости разработки и принятия такого фундаментального правового акта, как Закон о государственном предприятии (объединении), призванный «коренным образом изменить условия и методы хозяйствования в основном звене экономики, закрепить в деятельности предприятий сочетание планового начала и полного хозрасчета, самостоятельности и ответственности, узаконить новые формы самоуправления, порожденные творчеством масс» (З. С. 20). Следовательно, из всей действующей системы правовых актов, данный Закон **наиболее полно и глубоко** воплощает концепцию социалистического самоуправления в современной ее интерпретации применительно к трудовым коллективам предприятий, объединений.

Сказанное подтверждается, во-первых, тем, что впервые развитие самоуправления трудового коллектива законодательно рассматривается как одна из функций предприятий, обеспечивающая глубокую личную заинтересованность каждого работника в хозяйском использовании общенародной собственности, его органическую сопричастность делам коллектива и государства (ч. 1 ст. 3 Закона).

Во-вторых, самоуправление трудового коллектива выступает в соответствии с Законом как **принцип** деятельности предприятия. В отличие от Закона о трудовых коллективах, закрепляющего принцип **участия** коллектива в управлении предприятиями, учреждениями, организациями (ст. 4), Закон о предприятии устанавливает, что «трудовой коллектив, являясь полноправным хозяином на предприятии, самостоятельно решает все вопросы производственного и социального развития» (ч. 3 ст. 1). В данном случае речь идет не о простой смене терминов, а о различных концепциях, положенных в основу законодательных актов. Половинчатый характер демократических установлений Закона о трудовых коллективах во многом объясняется тем, что в его основу была положена именно концепция «**участия**» коллективов в управлении делами предприятий, учреждений, организаций, а не их **самоуправление**.

В-третьих, в Законе о предприятии (объединении) дается характеристика содержания самоуправления трудовых коллективов, регламентирующая **систему** социалистического самоуправления на уровне предприятия (объединения). Особенно важным представляется то, что Закон включает деятельность руководителя предприятия в названную систему. «Социалистическое самоуправление, — говорится в ч. 1 ст. 6 Закона, — реализуется путем участия всего коллектива и его общественных организаций в выработке важнейших решений и контроле за их исполнением, выборности руководителей и единоначалии в управлении предприятием». Таким образом, самоуправление предприятия не сводится лишь к непосредственному решению коллективом вопросов экономического и социального развития, а охватывает все виды управленческой деятельности в его рамках, определяет их назначение и демократическую форму осуществления.

В-четвертых, последовательно реализуя концепцию самоуправления трудовых коллективов предприятий, Закон закрепляет их наиболее полный правовой статус и развитую

систему демократических институтов осуществления управленческих функций за всю историю Советского государства. Последнее проявилось во введении принципа выборности руководителей предприятий (объединений) всех уровней, закреплении целого комплекса полномочий решающего характера за общим собранием (конференцией) трудового коллектива предприятия, учреждении нового демократического органа — совета трудового коллектива предприятия, регламентации аттестации руководящих работников, специалистов и служащих и т. д. Для расширения правового статуса предприятий важное значение имеют созданные Законом правовые гарантии невмешательства вышестоящих органов управления в их оперативную деятельность.

Наконец, в-пятых, последовательное развитие в Законе о государственном предприятии (объединении) концепции самоуправления выразилось в комплексном подходе к углублению демократических принципов функционирования основных звеньев народнохозяйственного комплекса. Речь идет о том, что углубление самоуправленческих начал в деятельности предприятий сопряжено с введением подлинного хозрасчета и самофинансирования. Таким образом, с одной стороны, резко возрастает социальная заинтересованность трудящихся в решении управленческих вопросов (поскольку характер их решения может существенно затронуть материальные и иные интересы работников), а с другой, — самоуправление обеспечивает повышение общей социальной активности тружеников, самым непосредственным образом влияет на выполнение ими производственных функций и плановых заданий, рост производительности труда.

Первые месяцы реализации Закона о государственном предприятии (объединении) выявили значительное число организационно-правовых проблем. И если процесс демократизации деятельности трудовых коллективов, развития их самоуправленческих институтов проходит достаточно интенсивно, то этого нельзя сказать об овладении предприятиями подлинной экономической самостоятельностью.

В процессе всенародного обсуждения Закона о предприятии были высказаны суждения о нецелесообразности сохранения Закона о трудовых коллективах. Действительно, Закон о предприятии по-новому решает ряд вопросов, нашедших ранее свое отражение в Законе о трудовых коллективах, существенно развивая при этом институты производственной де-

мократии. Вместе с тем вывод о необходимости отмены Закона о трудовых коллективах не является, на наш взгляд, достаточно обоснованным, так как не учитывается совпадение общего объекта регулирования названных Законов. Если Закон о трудовых коллективах преследует основную цель — закрепить статус последних как **субъекта политической системы общества**, то Закон о предприятии устанавливает экономические и правовые основы хозяйственной деятельности предприятия (объединения) как основного звена единого **народнохозяйственного комплекса**. Отсюда вытекает и целый ряд конкретных различий в названных правовых актах. Так, в Законе о предприятии не получили (и не должны были получить) отражения политические принципы участия трудовых коллективов в осуществлении государственной власти и их основные полномочия в обсуждении и решении государственных и общественных дел (ст. 5 Закона о трудовых коллективах), а также целый комплекс полномочий коллективов в обеспечении трудовой дисциплины, организации работы по коммунистическому воспитанию и др.

Несовпадение объектов регулирования названных законов определяется и еще одним обстоятельством, отмеченным в процессе всенародного обсуждения проекта Закона о предприятии. Речь идет о том, что если Закон о трудовых коллективах распространяет свое действие на все виды коллективов трудящихся, осуществляющих совместную трудовую деятельность на государственном, общественном предприятии, в учреждении, организации, в колхозе и иной кооперативной организации (ст. 1), то Закон о государственном предприятии (объединении) распространяется только на те трудовые коллективы, которые создаются в рамках основного звена народнохозяйственного комплекса.

Все сказанное обуславливает нецелесообразность отмены Закона о трудовых коллективах. Речь должна идти о его существенной переработке, основными направлениями которой, на наш взгляд, являются:

— переход от концепции участия трудовых коллективов в управлении предприятиями, учреждениями и организациями к концепции их самоуправления;

— отражение и развитие предусмотренных Законом о предприятии демократических институтов самоуправления трудовых коллективов (выборность руководителей всех рангов, совет трудового коллектива, исключительная компетенция

общего собрания и т. д.). При этом в новой редакции Закона о трудовых коллективах целесообразно более подробно отразить процедурные стороны функционирования институтов самоуправления трудовых коллективов, предложения по более детальной регламентации которых были высказаны в ходе всенародного обсуждения проекта Закона о государственном предприятии (конкретизация принципа выборности руководителей), регулирование порядка и периодичности отчетов руководителей коллективов на общих собраниях (конференциях), правовых последствий в случае отказа им в доверии, решение процедурных вопросов аттестации и т. д.);

— детальное правовое регулирование организации и деятельности советов трудовых коллективов как одного из ведущих органов осуществляемого ими самоуправления. По нашему мнению, целесообразно посвятить совету трудового коллектива специальную главу в Законе с тем, чтобы решить вопрос о его государственно-общественной природе, порядке организации и деятельности, а также процедуре принятия решений, их юридической силе, порядке отмены и обжалования принятых советом решений;

— закрепление в Законе комплекса правовых норм, устанавливающих меры ответственности за нарушение правового статуса трудового коллектива. Накопленный опыт реализации Закона о трудовых коллективах показал, что одной из причин его неполного осуществления явилось отсутствие конкретных мер государственно-правовой и иной ответственности за неисполнение предписаний Закона. С учетом этого представляется целесообразным ввести в Закон специальную главу об ответственности за неисполнение Закона, в которой детально изложить принципы и особенности ответственности различных субъектов, включая трудовой коллектив в целом (4. С. 78), а также некоторые ее конкретные формы и виды (отказ в доверии руководителю предприятия, выведение из состава совета трудового коллектива и др.).

В предлагаемом варианте Закон о трудовых коллективах и Закон о государственном предприятии (объединении) будут органично дополнять друг друга. Тем самым уменьшится потребность в принятии целого ряда подзаконных нормативных актов, ведомственного нормативного материала, а отсюда — и уменьшение искажений демократических институтов самоуправления трудовых коллективов. Кроме того, принятие Закона о трудовых коллективах в новой редакции будет спо-

способствовать распространению на все виды коллективов трудящихся передового опыта развития самоуправленческих начал, рожденных в системе государственных предприятий (объединений).

Роль трудовых коллективов в системе социалистического самоуправления народа в значительной степени зависит от уровня их взаимодействия с Советами народных депутатов. Именно представительные органы власти и их аппарат управления осуществляют государственное руководство деятельностью трудовых коллективов (ст. 3 Закона о трудовых коллективах), занимающее центральное место в государственном воздействии на коллективы трудящихся. В полномочиях трудового коллектива по участию в обсуждении и решении государственных и общественных дел основное — это его взаимодействие с Советами, и особенно местными. В соответствии со ст. 5 Закона трудовые коллективы правомочны:

- рассматривать проекты решений местных Советов народных депутатов, затрагивающих интересы трудового коллектива, и другие вопросы государственной и общественной жизни, выносимые на их обсуждение, и представлять по ним свои предложения;

- выдвигать кандидатов в депутаты Советов, представителей в состав избирательных комиссий;

- заслушивать отчеты исполнительных комитетов, их отделов и управлений, а также депутатов, выдвинутых трудовым коллективом;

- возбуждать вопрос об отзыве депутатов;

- избирать комитеты, посты и группы народного контроля и заслушивать их отчеты.

Наконец, велика роль местных представительных органов и их аппарата и в осуществлении самоуправленческих полномочий трудовых коллективов. В наиболее общей форме это отражено в ч. 3 ст. 3 Закона о трудовых коллективах, где сказано, что «Советы народных депутатов, их исполнительные и распорядительные органы... обеспечивают условия для бесперебойной и ритмичной работы предприятий, учреждений, организаций, всемерно содействуют развитию демократических начал в деятельности трудовых коллективов».

В решениях XIX Всесоюзной конференции КПСС отмечается, что особое значение приобретает правильная постановка отношений местных Советов с советами трудовых коллективов. При этом следует исходить из того, что Совет народных депутатов выступает координатором разработки и вы-

полнения планов социального развития предприятий, колхозов, совхозов, углубления демократических начал управления производством, защитником интересов населения от того, что В. И. Ленин называл «чрезмерным ведомственным усердием». Первостепенно важно взаимодействие Советов трудовых коллективов в развитии политико-управленческой активности граждан, их участия в осуществлении социалистического самоуправления. В настоящее время на практике возник своеобразный разрыв между законодательно закрепленными задачами Советов и трудовых коллективов по развитию социалистического народного самоуправления и содержанием некоторых форм их организационной деятельности. Как мы уже отмечали, в содержание комплексных планов экономического и социального развития, принимаемых местными Советами, а также планов организаторской работы зачастую не включаются показатели, отражающие степень политико-управленческой активности граждан. Аналогичная ситуация сложилась и в планировании экономического и социального развития предприятий, учреждений и организаций. Даже передовые предприятия, имеющие большой опыт по разработке показателей социального развития, всесторонне использующие демократический порядок разработки и принятия планов, далеко не во всех случаях намечают перспективные цели и задачи развития управленческой активности трудового коллектива. Такими же недостатками характеризуется и организация социалистического соревнования, условия проведения которого слабо стимулируют осуществление мер, направленных на повышение управленческой активности. Восполнение соответствующих пробелов позволит создать стройную систему организационных средств обеспечения роста политико-управленческой активности работников и трудовых коллективов, в целом начиная с планирования соответствующих показателей, через использование различных стимулов ее повышения, в том числе и механизма социалистического соревнования и заканчивая соответствующими показателями отчетности за эту деятельность.

Взаимодействие Советов и трудовых коллективов должно быть комплексным с точки зрения охвата всех звеньев трудового коллектива как сложного субъекта управления. Анализ практики показывает: основная тяжесть взаимодействия Советов с предприятиями учреждениями и организациями в настоящее время ложится на плечи их администрации. По-

добная «однобокость» во взаимоотношениях связана с недооценкой Советами, их исполнительно-распорядительными аппаратами, администрацией предприятия положения закона о том, что полномочия трудовых коллективов осуществляются целой системой органов и, прежде всего, непосредственно общим собранием и советами трудовых коллективов.

Взаимодействие трудовых коллективов и местных Советов должно быть комплексным и с точки зрения охвата всех подразделений представительного органа и его аппарата как единой управляющей системы. Речь идет о том, чтобы все звенья Совета как представительного органа (Совет в целом, постоянные комиссии, депутатские группы и посты, отдельные депутаты) и подразделения его аппарата (исполнительный комитет, комиссии исполкома, отделы и управления) так или иначе сотрудничали с трудовыми коллективами при осуществлении возложенных на них функций. Только в этом случае взаимодействие трудовых коллективов с Советами будет устойчивым, а не эпизодическим. Поэтому заслуживают внимания предложения об увеличении представительства трудовых коллективов в составе депутатского корпуса Советов (5. С. 25), их исполнительных комитетах (6. С. 198), специализированных органов соблюдения социалистической законности при исполнительных комитетах (комиссиях по делам несовершеннолетних, наблюдательных, по борьбе с пьянством и др.).

Наконец, комплексность взаимодействия трудовых коллективов с Советами связана с обеспечением охвата этим сотрудничеством всех институтов социалистического самоуправления, входящих в представительную систему СССР. Иначе говоря, институты социалистического самоуправления народа (выборы, наказания избирателей, отчеты депутатов, исполнительно-распорядительных органов и др.) являются теми центрами, вокруг которых в значительной мере строится взаимодействие трудовых коллективов с представительными органами. Следовательно, важно использовать все возможности, предоставляемые названными институтами для углубления сотрудничества. В частности, необходимо совершенствовать работу трудовых коллективов и Советов с наказами избирателей: организовывать предварительное обсуждение наказов и планов мероприятий по их реализации на собраниях трудовых коллективов, включать их в планы экономического и социального развития предприятий, информировать трудящих-

ся о выполнении поручения избирателей, сообщать о невыполненных наказах с указанием причин и виновных лиц.

Взаимодействие трудовых коллективов с Советами на научной основе предполагает **планирование** их совместных мероприятий. Не затрагивая всего комплекса проблем, связанных с содержанием планов экономического и социального развития трудовых коллективов и механизмом их согласования с планами развития соответствующих территорий, утверждаемых Советами, остановимся лишь на вопросе о планировании сотрудничества трудовых коллективов и Советов в проведении мероприятий по повышению общественно-политической активности советских граждан. Нередко закрепленную конституционным законодательством функцию Советов по координации деятельности находящихся на территории предприятий, учреждений, организаций связывают лишь с решением сугубо экономических и социальных проблем. Таким образом, комплексный характер осуществляемого Советами государственного руководства предполагает реализацию ими и функции **политической координации**.

Сказанное означает, что, во-первых, в процессе осуществления планирования своей деятельности трудовыми коллективами нужно согласовывать с Советами комплекс показателей социального развития, включая политико-управленческую активность граждан; во-вторых, планы организаторской работы Советов должны более полно отражать их функцию политической координации в отношении всех предприятий, учреждений и организаций, расположенных на их территории.

1. Программа КПСС. М.: Изд-во полит. лит., 1986.
2. Гулиев В. Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Сов. государство и право. 1986. № 2.
3. Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии: Докл. на Пленуме ЦК 27 янв. 1987 г. // Коммунист. 1987. № 3.
4. Масленников В. А. Трудовой коллектив и его конституционный статус. М., 1984.
5. Прохоров В. Т. Правовые основы взаимодействия местных Советов и трудовых коллективов. Свердловск, 1985. Гл. III—IV.
6. Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС. М.: Политиздат, 1988.

В. М. Шафиров

ПРИНЦИПЫ И НОРМЫ ПРАВА КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ АКТИВНОГО ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Определяя пути коренной реформы политической системы, создания правового государства, XIX партийная конференция в своих решениях поставила на первое место максимальное обеспечение прав и свобод граждан, развитие у них чувства хозяина в обществе, государстве, высокой социальной активности. «Конечной целью реформы политической системы и главным критерием того, насколько нам удастся провести ее в жизнь, являются всестороннее обогащение прав человека, повышение социальной активности советских людей» (1). Для достижения намеченной партией цели необходимо ускорить поиск, анализ, разнообразных средств активизации человеческого фактора, выработать научные рекомендации по их эффективному использованию. Именно это сейчас происходит в советском правоведении. Проблема правовых средств привлекает к себе все большее внимание как представителей теоретической (2), так и отраслевой науки (3). Как подчеркивалось на XXVII съезде КПСС, «нужно кардинально улучшить механизм, который позволил бы превратить демократические принципы и нормы, заложенные в законе, в практику повседневной работы» (4).

Авторитет права есть прежде всего авторитет заложенных в нем основных идей (5) в концентрированном, сжатом

виде раскрывающих его содержание (6). В процессе последовательной демократизации советского общества в число наиболее значимых идей, несомненно, входит идея возрастания роли человеческого фактора, развития всех видов социальной активности граждан. Свое официальное закрепление как принцип права она нашла в преамбулах, вводных частях и отдельных статьях нормативных актов. Наиболее развернутое законодательное выражение интересующая нас идея получила в Конституции СССР. В преамбуле Основного закона при характеристике социалистического общества отмечается, что «это общество подлинной демократии, политическая система которого обеспечивает... все более полное активное участие всех трудящихся в государственной жизни». Подобные положения можно встретить и в Конституциях других социалистических стран (см., например, ч. 2, ст. 19 Конституции Чехословацкой социалистической республики).

Духом развития самостоятельности, инициативы, творчества граждан пронизаны конституционные принципы: полновластие народа, демократический централизм, социалистическая законность, равенство всех перед законом, полнота и гарантированность прав и свобод, социалистического гуманизма, социалистической справедливости. Конституционные принципы, будучи общеправовыми (7), развиваются и конкретизируются в межотраслевых, отраслевых и в принципах институтов. Ведь принципы не разнообразные правовые явления, не их конгломерат, а целостное образование. Только взятые в единстве и взаимодействии они способны оказывать оптимальное позитивно-ориентирующее воздействие на личность. При этом в рамках общей системы основных начал права, принципы, объединенные целью — формирования и развития активного правомерного поведения, — образуют самостоятельную, автономную подсистему (блок).

Воздействие принципов на сознание и деятельность граждан протекает в двух основных направлениях — информационно-ценностном и нормативном. Информационно-ценностное (8) влияние направлено на субъективную сторону поведения. Его задача — обеспечить осознание, усвоение социального и личностного смысла общих начал права, и выраженных в них важнейших политических, моральных и иных ценностей, вжившихся в материю права и приобретших юридический облик (9), а также собственно правовых ценностей. Следовательно, на данном этапе важно, чтобы исходные начала пра-

ва были усвоены личностью, стали основой ее мировоззрения. Именно с отношения к принципам начинается формироваться уважение человека к праву в целом, понимание необходимости и полезности правового регулирования для общества и для себя лично. Образно говоря, здесь возрождаются идейные истоки будущего правомерного поведения.

Информационно-ценностное воздействие принципы права осуществляют совместно с закрепленными в законодательстве целями, задачами и программными положениями. Не случайно одна из главных задач, сформулированных в вводной части Конституции СССР названа «воспитание человека коммунистического общества», а статья 9 этого же юридического документа, имеющая программный характер в качестве направления дальнейшего развития социалистической демократии провозглашает: «Все более широкое участие граждан в управлении делами государства и общества». Подчеркнем, что такое взаимодействие принципов программно-целевых положений все чаще получает «прописку» в различных нормативных актах, и особенно в законах. Наглядным подтверждением тому служит принятый во второй половине восьмидесятых годов Закон СССР «О социалистическом предприятии (объединении)», «О всенародном обсуждении вопросов государственной жизни», «О кооперации» и др.

Принципы права имеют для личности не только мировоззренческое, ценностно-ориентирующее, но и регулирующее значение, выступая в виде нормативно-руководящих начал (10). Однако не все авторы признают непосредственное регулятивное действие принципов, считая, что они реализуются «обычно не непосредственно, а через ряд конкретизирующих норм» (11).

Действительно, принципы права неразрывно связаны с юридическими нормами, в единстве с ними существуют и функционируют. И все же, представляется, что видеть регулятивные возможности общих начал только через призму правовых предписаний не совсем правильно. В деле упорядочения общественных отношений изучаемый нами феномен не придаток юридическим нормам, не дополнение к ним, а самостоятельный высокозначимый регулятивный элемент в структуре права (12). Обладая нормативным содержанием, принципы права, несомненно, способны и оказывают прямое регулирующее воздействие на поведение граждан без всякой дополнительной, уточняющей нормы (совокупности норм). Их непосред-

ственное регулирующее действие обнаруживает себя: а) в процессе осуществления прав и обязанностей, возникающих из действий граждан, хотя и не предусмотренных законодательством, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства, порождающих гражданские права и обязанности (ст. 4 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик); б) при удовлетворении гражданами своих законных интересов, не получивших отражение в норме в форме субъективных прав. «...Человек...», — замечает Н. С. Малеин, — вправе требовать удовлетворения тех законных интересов, которые не обеспечены непосредственно правовыми формами реализации и защиты, но вытекают из духа и принципов закона...» (13); в) в случаях, когда требуется в определенной мере нейтрализовать негативное слияние дефектных юридических предписаний (противоречивых, устаревших и т. п.). Благодаря действию принципов, поведение субъектов получает нужную направленность, а «дефектность» отдельных правовых норм не наносит особого ущерба полноте и качеству правового регулирования (14). Так, руководствуясь принципом подзаконности ведомственных актов, гражданин, игнорируя противоречащие ст. 246 ГК РСФСР «Типовые правила обмена промышленных товаров...», может обратиться с иском в суд о расторжении договора купли-продажи с возмещением покупной цены и понесенных убытков; г) при конкуренции с нормами права. Имеются в виду ситуации, в которых индивид, наделенный субъективным правом, например, на премию, отказывается от нее в силу возникших сомнений в законности, целесообразности и справедливости начисления денежного вознаграждения. Подобные поступки — свидетельство высокого уровня нравственно-правовой жизненной позиции человека, базирующейся на прочном фундаменте основных (исходных) начал — принципах.

Как регулятор общественных отношений принципы права обладают рядом специфических особенностей. Для них характерно: высшая степень императивности и универсальности, стабильность и долговременность правового регулирования, обеспечение его единства и внутренней непротиворечивости (15). Все это превращает принципы в особый высокозначимый нормативно-правовой эталон. Абстрагируя в себе идеальный образ правовой действительности, складывающийся из суммы наиболее социально-полезных черт, свойств норм права, других юридических средств, общие начала требуют

и соответствующего ему поведения. Тем самым они закрепляют не просто правомерное поведение, а тот идеал, который по прогнозам науки и практики необходим в развивающемся социалистическом обществе. Следуя этой линии рассуждения, можно утверждать, что принципы права совместно с программно-целевыми положениями обладают способностью «осуществлять как бы опережающее регулирование» (16), а значит, уже сегодня во всех случаях побуждают личность к активному правомерному поведению.

Принципы права прямо закрепляют существенные признаки содержания социально-правовой активности граждан: самостоятельность (ст. 10 Закона СССР «О кооперации»), сочетание единства общественных и личных интересов (ст. 39 Конституции СССР, ст. 4 Закона СССР «О трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями»), инициативность и творчество (ст. 3 Конституции СССР, ст. 5, 6, 24 Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик) и др.

Основные начала определяют важнейшие коллективные и индивидуальные формы активного правомерного поведения субъектов, что видно из таких проявлений принципа активного участия в делах государства, как участие граждан в **правотворчестве** (ст. 5 Конституции СССР, от 6, 7 Закона СССР «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни»); **правоисполнительной деятельности** (ст. 48 Конституции СССР, ст. 3 Закона «О Совете Министров СССР»); **охране общественного порядка** (ст. 162 Конституции СССР, ст. 10 Закона СССР «О народном контроле в СССР») и т. д.

Принципы права могут выступать в роли условия успешного развития самостоятельности и инициативы, выдвигая определенные требования к государственным органам, например, уважение к личности, охрана ее прав и свобод (ст. 57 Конституции СССР).

Итак, принципы права оказывают самостоятельное воздействие на поведение граждан. Их влияние имеет сущностный, определяющий характер. Как правило, в тексте нормативных актов они излагаются в общей, до предела лаконичной форме. Дальнейшее раскрытие и конкретизация основных начал, идей права осуществляется юридическими нормами. «Нет норм, в которых не проявлялись бы правовые принципы» (17). Аккумулируя все ценное, заложенное в принципах нор-

мы права, в то же время развивают содержащиеся в них положения, наполняют необходимыми подробностями, деталями, отражающими своеобразие предмета, метода, режима правового регулирования применительно к той или иной отрасли права (18). В результате правовое воздействие на сознание и деятельность становится полнее, всестороннее и разнообразнее, что открывает новые возможности для формирования активной личности.

Вместе с тем не все ученые склонны видеть в юридических предписаниях средство формирования социально-активного поведения. Так, по мнению Б. О. Николаичева, детальные указания на то, как надо себя вести в достаточно конкретных ситуациях, свойственные праву, «...не предполагают свободы и самостоятельности индивида... Поэтому и нужны детальные указания, по возможности не допускающие разночтений» (19).

Односторонность данного взгляда очевидна. Во-первых, в его основе лежит бездоказательное суждение о правовой норме как обязательно о запрете, ограничении и источнике ответственности. Во-вторых, жесткая, детальная регламентация, которая все чаще, и в первую очередь, используется для закрепления обязанностей, гарантий, средств защиты и охраны прав, свобод граждан. В-третьих, в социалистическом праве сложился (хотя до конца еще не раскрыл своих возможностей, резервов) своеобразный комплекс (общность) управомочивающих норм, реализация которых немислима без инициативы, свободы выбора и действий личности. Иными словами, суть любой управомочивающей нормы — в дозволении, в наличии известного простора для выбора поведения (20), его саморегуляции. А если учесть, что налицо общая тенденция сокращения числа норм, обязывающих и запрещающих, и расширение правовых правил, содержащих дозволение (21), то неудивительно, что с последними связывают перспективу развития и упрочения правомерного поведения (22). Это полностью согласуется с марксистской методологией, в соответствии с которой ценность права для личности определяется, в конечном счете, мерой (содержанием и объемом) тех реальных возможностей (свобод), которые право дает человеку в определенных исторических условиях (23).

В зависимости от уровня индивидуального регулирования (саморегуляции), представляемого субъектам, все управомочивающие нормы можно разделить на следующие группы.

Определенные управомочивающие нормы. Они предпола-

гают самый минимальный уровень индивидуального регулирования. Свобода усмотрения дозволена в основном в проведении внешних, подготовительных действий по организации осуществления нормы. Конкретно это выражается в возможности самостоятельно решать вопросы об использовании или не использовании своих прав, о месте, времени (время года, конец, начало месяца) их реализации, о другой стороне правоотношения и т. п. Не допускаются какие-либо уточнения, изменения содержания правил поведения, выбор вариантов. В то же время, данное проявление саморегуляции является обязательным этапом каждого последующего, более высокого.

Управомочивающие нормы, позволяющие выбор вариантов поведения. В законодательстве определены такие три случая вариантности выбора поведения:

— одного или одновременно двух и более, отличающихся друг от друга. Так, в ч. 2 ст. 30 ЖК РСФСР записано, что «учет нуждающихся в улучшении жилищных условий граждан, работающих на предприятиях, имеющих жилой фонд и ведущих жилищное строительство или принимающих долевое участие в жилищном строительстве, осуществляется по месту работы, а по их желанию также и по месту жительства»;

— одного из двух или нескольких, исключаящих друг друга (альтернативные нормы). Например, норма ч. 1 ст. 4 Закона «О порядке обжалования в суд неправомерных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан» гласит: «Жалоба может быть подана в суд гражданином, права которого нарушены, его представителем, а также по просьбе гражданина — надлежаще уполномоченным представителем общественной организации, трудового коллектива»;

— из одного или нескольких вариантов, в порядке замены при определенных обстоятельствах основного, используемого как правило (факультативные нормы).

Особо следует выделить дозволение самостоятельного поиска, подбора норм, содержащих аналогичный вариант (варианты) поведения. Специфика названного индивидуального регулирования состоит в том, что требующаяся модель поведения не получила конкретного изложения в виде отдельной нормы, и этот пробел разрешается восполнить для данного индивида при помощи подбора нормы, регулирующей сходные отношения. Правда, в правовой литературе подобного рода деятельность принято отождествлять лишь с правоприменением. При этом обычно производится отсылка к ст. 12 Основ

гражданского судопроизводства Союза СССР и союзных республик. Однако, думается, есть все основания считать и граждан субъектами осуществления норм права по аналогии, опираясь на общеправовой принцип: «Разрешается делать все, что не запрещено законом», а также на ч. 1 и 2 ст. 4 ГК РСФСР.

Например, в жизни довольно распространены случаи совместного приобретения несколькими гражданами билетов денежно-вещевой лотереи или карточек «спортлото» с условием, что возможный выигрыш будет разделен между участниками сделки. Так как в законодательстве описанные ситуации конкретно не урегулированы, то во избежание конфликта, в целях создания здорового нравственно-правового климата между людьми вполне допустимо (ввиду сходства) заключение индивидами договора в соответствии с нормами о совместной деятельности (ст. 434—437 ГК РСФСР) (24).

Управомочивающие нормы, позволяющие свою конкретизацию в зависимости от сложившейся ситуации. Такие нормы именуется ситуационными (25). Саморегуляция, происходящая под воздействием ситуационных норм, заключается в том, что законодатель не связывает усмотрение субъектов какими-либо вариантами, а управомочивает их конкретизировать элементы ее структуры на основе заложенных в ней общих положений с учетом особенностей конкретной ситуации. Так, согласно смысла п. 4, 5 «Правил дорожного движения», если дорожно-транспортное происшествие явилось следствием нарушения данных правил, но не причинило вреда здоровью людей или существенного материального ущерба, то водители, причастные к нему, вправе, исходя из сложившихся обстоятельств, сами определить, кто из них виноват и должен возместить ущерб.

Управомочивающие нормы, позволяющие создание правила поведения, отличного от имеющегося в них (диспозитивные нормы). Диспозитивная норма — сложная норма. В ней органически сочетаются самостоятельные правила. Одно правило — это предоставление правомочия сторонам действовать в конкретных условиях по своему усмотрению. Другое — предписание на случай, если стороны правоотношения сами не определили права и обязанности (26).

Более широкая свобода усмотрения заложена в первом правиле. Законодатель прямо регламентирует право на действие и форму его выражения — соглашение сторон (см., на-

пример, ст. 54 ЖК РСФСР), установление же условий возникновения прав и обязанностей, их содержание, объем и т. п. доверяем определить самим субъектам. Другими словами, перед нами тот случай, когда первоначальная энергия, побуждающая к творческому поведенческому акту, исходит от нормы права, а создание конкретной модели правового поведения — частное дело ее адресатов (27). В этом принципиальное отличие исследуемых норм от альтернативных. В процессе регулирования, осуществляемого альтернативными правилами, хотя и обеспечивается выбор наилучшего, с точки зрения субъекта, варианта, сам их набор строго определен законодателем. Всякое отступление от него расценивается не иначе как злоупотребление правом.

Особенностью функционирования диспозитивных норм является и то, что заключенное между субъектами соглашение (если оно не противоречит закону) полностью исключает вступление в действие официального предписания, включая и спорные ситуации.

Наконец, своеобразной разновидностью управомочивающих норм выступают рекомендательные нормы (29). Их отличительная черта в том, что, предоставляя субъектам возможность самостоятельно урегулировать то или иное общественное отношение, они в то же время целенаправленно воздействуют на них, но не путем прямой предписывающей регламентации (как это делают другие управомочивающие нормы), а в форме совета, предложения образца (образцов) наиболее желательной и целесообразной в данных условиях деятельности. Рекомендательные нормы обеспечивают наиболее широкий простор саморегуляции участниками правоотношений — от выбора варианта поведения, конкретизации его содержания, путей и средств реализации, до создания лицами собственных моделей поведения. Другими словами, в форме рекомендаций могут существовать различные управомочивающие нормы: определенные, альтернативные, диспозитивные и т. п.

Существенно расширился круг адресатов рекомендательных норм. Если прежде их нормативная «энергия» была направлена в основном на колхозы, то ныне ее активное влияние ощущают на себе кооперативы, другие общественные организации, трудовые коллективы и отдельные граждане (30).

Рекомендательные правила могут содержать новые права, уже закрепленные в иных нормативных актах, но с

уточнениями, а также порядок осуществления прав. Так, в п. 5, ст. 6 Закона СССР «О государственном предприятии (объединении)» установлено, что общее собрание (конференция) трудового коллектива избирает руководителя предприятия, совет трудового коллектива. Более детально это право, порядок его реализации определены в «Рекомендациях о порядке избрания советов трудовых коллективов, проведения выборов руководителей и конкурсов на замещение вакантных должностей специалистов государственных предприятий (объединений)» (30).

Как справедливо отмечается в научной литературе, о правовом значении рекомендаций следует говорить не только тогда, когда они управомочивают к поведению, но и обязывают к нему. В частности, обязывают к ознакомлению с ее текстом, обсуждению и решению вопроса о возможности использования рекомендаций в своей практической деятельности. Вместе с тем, на наш взгляд, имеет место и определенное преувеличение роли обязательности рекомендательных норм. «Своеобразие рекомендательных норм, — утверждает В. Л. Кулапов, — заключается... в том, что они не только предоставляют возможность действовать определенным образом, но и указывают на желательность предлагаемого поведения. Об этом свидетельствует употребление в рассматриваемых нормах термина «рекомендовать», который толкуется как приказывать, поручать исполнить совет, указание. В этом **приказе** (подчеркнуто мной. — В. Ш.) особенно выпукло выражено ее отличие от управомочивающей нормы» (31). Однако императивность — неотъемлемое свойство всякой нормы, в том числе и управомочивающей. Для последней оно заключается в закреплении именно таких, а не иных прав, «что именно этими, а не иными правами разрешается пользоваться. Кроме того, указываются возможности и характер пользования правами. Ими нельзя злоупотреблять, нельзя так свободно распоряжаться» (32). Следовательно, любая определенная управомочивающая норма, значительно категоричнее и требовательнее к своим адресатам, чем рекомендательная, которая жестко не связывает их выбор тем или иным вариантом поведения.

Представляется, что не усиливает данную позицию и ссылка на исключительную обязательность рассмотрения обсуждения правовой рекомендации (действительно, уклонение от этого недопустимо), поскольку государственный императив вклю-

чен в само содержание рекомендации (33), а в обязанность совершить вспомогательные, организующие действия по ее реализации. Непосредственное же претворение рекомендательных норм в жизнь зависит только от волеизъявления субъектов. Им и только им дозволено определять: как, когда, в каком порядке распорядиться своим правом. Какое-либо принуждение здесь недопустимо.

Вызывает возражение попытка проводить отличие рекомендательной нормы от управомочивающей в зависимости от особенностей «способа воздействия (степени властности) правовой нормы, обуславливающего различный объем и уровень свободы усмотрения субъектов регулируемого отношения относительно выбора предлагаемого поведения, а также пределов и возможностей этого выбора» (34). Аргументы автора были бы приемлемы, если бы мы видели в управомочивающей норме лишь возможность самостоятельно решать проблему типа: использовать или не использовать субъектам свое право. Но, как было показано выше, управомочивающая норма — это не отдельное, изолированное правило, а объединенная под одной «крышей» общность (ассоциация) норм дозволений, отличающихся друг от друга по объему и уровню предоставляемой субъектам саморегуляции поведения. Элементом данной ассоциации является рекомендательная норма, обеспечивающая наиболее высокий уровень индивидуального регулирования.

Таким образом, принципы и нормы социалистического права презюмируют социально-правовую активность граждан. Их побудительная энергия в развитии активного поведения все более возрастает.

1. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат. С. 39.

2. См.: Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификации // Сов. государство и право. 1987. № 6; Салун В. А. Механизм реализации советского права // Правоведение. 1988. № 1; и др.

3. Минц Б. И. Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях // Правоведение. 1983. № 2; Пучинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М.: Юрид. лит., 1984; и др.

4. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат. 1986. С. 59.

5. См.: Явич Л. С. Право развитого социалистического об-

щества. Сущность и принципы. М.: Юрид. лит. 1978. С. 145.

6. См.: Алексеев С. С. Общая теория права. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. С. 98.

7. Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М.: Юрид. лит., 1982. С. 29.

Называет такое воздействие информационно-идейным Явич Л. С. (см.: Право развитого социалистического общества. Сущность и принципы. С. 160). Об информационном, ценностном воздействии права см.: Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М.: Юрид. лит., 1978. С. 72.

9. См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. С. 263.

10. О принципах как регуляторах поведения см.: Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 222—223; Правовая система социализма. Понятие, структура, социальные связи. М.: Юрид. лит., 1986. С. 73; Смирнов О. В. Основные принципы Советского трудового права. М.: Юрид. лит., 1977. С. 26—28; Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С. 15; и др.

11. Мицкевич А. Ф. Акты высших органов Советского государства. М.: Юрид. лит., 1967. С. 145.

12. Алексеев С. С. Указ. соч. С. 251.

13. Малёин Н. С. Охраняемый законом интерес // Сов. государство и право. 1980. № 1. С. 30.

14. См.: Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. С. 50.

15. См.: Явич Л. С. Конституция СССР и некоторые вопросы общей теории советского права «Конституция СССР и дальнейшее развитие государственного управления и теории права. М. 1979. С. 68; Семенов В. М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. С. 16—17. Цикл М. В. Демократические тенденции развития советского права // XXVII съезд КПСС и проблемы теории государства и права. М., 1982. С. 54; и др.

16. Лучин В. О. Функциональные аспекты действия Конституции // Сов. государство и право. 1983. № 11. С. 16.

• 17. Лившиц Р. З., Никитинский В. И. Принципы советского трудового права // Сов. государство и право. 1974. № 8. С. 33; см., также: Лукашева Е. А. Право, мораль, личность. М.: Наука, 1986. С. 180.

18. См.: Юридические гарантии конституционных прав и

свобод личности в социалистическом обществе. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 47.

19. Николанчев Б. О. Осознаваемое и неосознаваемое в нравственном поведении личности. М.: Из-во МГУ, 1976. С. 12.
20. См.: Марксистско-ленинская теория государства и права. Социалистическое право. М.: Юрид. лит., 1973. С. 255.
21. См.: Явич Л. С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 124; Гулиев В. Е. Теоретические вопросы социалистического самоуправления // Сов. государство и право. 1986. № 2. С. 8; Юридическая наука и практика в условиях перестройки // Коммунист. 1987. № 14. С. 44.
22. См.: Лазарев В. В. Выявление закономерностей правомерного поведения // Сов. государство и право. 1983. № 11. С. 23.
23. См.: Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. Львов: Вища школа, 1983. С. 105.
24. См.: Боннер А. Т. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М.: Юрид. лит. С. 90. Автор рассматривает возможность аналогии в подобных случаях применительно к деятельности суда, что, конечно, оправдано. Однако, как было показано выше, право использовать нормы, содержащиеся в ст. 434—437 ГК РСФСР, по аналогии появляется у граждан независимо от того, возникает или не возникает спор между участниками правоотношения.
25. См.: Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 28—28. О ситуационных нормах см. также: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 1. С. 74; Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юрид. лит., 1984. С. 70—71.
26. См.: Общая теория советского права. М.: Юрид. лит., 1966. С. 215—216.
27. См.: Кудрявцев В. Н. Правовое воздействие: норма и патология. М.: Наука, 1982. С. 39.
28. См.: Марксистско-ленинская теория государства и права. Социалистическое право. С. 258.
29. См.: Рекомендации о применении некоторых положений Закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности»: Сб. нормативных актов. М.: Юрид. лит., 1987. С. 17.
30. Труд. 1988. 14 февр.
31. Нормы советского права. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та., 1987. С. 193.
32. Небайло П. Е. Вопросы структуры советских правовых

норм в связи с постепенным перерастанием их в правила коммунистического общежития // Право и коммунизм. М.: Юрид. лит., 1965. С. 129.

33. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. С. 258.
34. Нормы советского права. С. 193.

Заключение

Главные закономерности развития права в социалистическом обществе, исследованию которых посвящен этот сборник, состоят в том, что происходит упрочение правовых начал, законности и правопорядка во всех сферах общественной жизни. Это проявляется в расширении правовой урегулированности общественных отношений на основе принципа «разрешено все, что не запрещено законом» и в усилении правовой защищенности личности, в углублении гуманистического, нравственного содержания права и практики его реализации, в сокращении и упорядочении применения карательных мер и мер административного воздействия, в возрастании уважения к праву и в повышении правовой культуры всех членов нашего общества. Важная роль в возрастании значения права и законности принадлежит дальнейшему совершенствованию законодательства. «Перестройка особенно отчетливо выявила консерватизм существующей у нас правовой системы, которая в значительной своей части сориентирована пока не на демократические, не на экономические, а на командно-административные методы руководства с их многочисленными запретами и мелочной регламентацией. Многие действующие правовые акты превратились поэтому в тормоз общественного развития. Отсюда — необходимость реформы советского законодательства, которая должна охватить большой массив правовых норм, в первую очередь, относящихся к социалистической собственности, планированию, к хозяйственным, трудовым, налоговым, пенсионным и другим отношениям» (1). Только такой подход в решении правовых проблем может обеспечить успех перестройки.

Было бы, конечно, утопией считать, что демократизацию советского общества, переход к социалистическому самоуправлению, подъем социалистической промышленности и

сельского хозяйства, решение задач по укреплению законности и правопорядка, словом, все, что связано с перестройкой, можно осуществить в чрезвычайно короткие сроки и без больших усилий.

Перестройка носит долговременный характер, она затрагивает глубинные пласты всей хозяйственной, государственно-правовой и социально-политической жизни страны. Для достижения ее конечных целей необходимо широко использовать экономические, политические, идеологические, правовые и нравственные рычаги, последовательно проводить политику, отвечающую интересам всех членов социалистического общества, трудящихся всех наций и народностей нашей страны.

Одно из важнейших условий успеха перестройки — глубокое осознание каждым советским человеком его места в этом процессе и активное творческое участие в нем. Только осознанное, действенное участие во всенародном движении за перестройку, борьба со всем, что стоит тормозом на ее пути, демократизация всех сторон нашей жизни, гласность и информированность всех членов общества о работе партийных, государственных, хозяйственных органов, общественных организаций и формирований трудящихся, словом, установление подлинно демократического государственно-правового режима — гарантия успеха перестройки.

Авторский коллектив надеется, что представленные в сборнике статьи помогут полнее и глубже понять сложные процессы, которые происходят в советском обществе и связаны с возрастанием роли права и законности, с укреплением дисциплины и организованности, с развитием демократии и самоуправлением.

1. Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. М.: Политиздат, 1988. С. 64—65.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ардашкин В. Д. — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Красноярского госуниверситета
- Булатов А. С. — канд. юрид. наук. Ивановский госуниверситет
- Иванов Ю. В. — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Красноярского госуниверситета
- Ким А. И. — д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой государственного права Томского госуниверситета
- Княгинин К. Н. — канд. юрид. наук, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения АН СССР
- Княгинин В. Н. — асс. кафедры теории и истории государства и права Красноярского госуниверситета
- Костенко В. И. — доц. кафедры теории и истории государства и права Омского госуниверситета
- Леушин В. И. — канд. юрид. наук, доц. кафедры теории государства и права Свердловского юридического института
- Маргацкая Н. А. — канд. юрид. наук, ст. преп. кафедры административного права Красноярского госуниверситета
- Миронов О. О. — д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой советского государственного строительства и права Саратовской высшей партийной школы
- Русинов Р. К. — канд. юрид. наук, заведующий кафедрой теории государства и права Свердловского юридического института
- Сахнова Т. В. — канд. юрид. наук, преп. кафедры теории и истории государства и права Красноярского госуниверситета
- Скуратов Ю. И. — д-р юрид. наук, доц. кафедры советского государственного права Свердловского юридического института
- Шафиров В. М. — канд. юрид. наук, доц. кафедры теории и истории государства и права Красноярского госуниверситета

сельского хозяйства, решение задач по укреплению законности и правопорядка, словом, все, что связано с перестройкой, можно осуществить в чрезвычайно короткие сроки и без больших усилий.

Перестройка носит долговременный характер, она затрагивает глубинные пласты всей хозяйственной, государственно-правовой и социально-политической жизни страны. Для достижения ее конечных целей необходимо широко использовать экономические, политические, идеологические, правовые и нравственные рычаги, последовательно проводить политику, отвечающую интересам всех членов социалистического общества, трудящихся всех наций и народностей нашей страны.

Одно из важнейших условий успеха перестройки — глубокое осознание каждым советским человеком его места в этом процессе и активное творческое участие в нем. Только осознанное, действенное участие во всенародном движении за перестройку, борьба со всем, что стоит тормозом на ее пути, демократизация всех сторон нашей жизни, гласность и информированность всех членов общества о работе партийных, государственных, хозяйственных органов, общественных организаций и формирований трудящихся, словом, установление подлинно демократического государственно-правового режима — гарантия успеха перестройки.

Авторский коллектив надеется, что представленные в сборнике статьи помогут полнее и глубже понять сложные процессы, которые происходят в советском обществе и связаны с возрастанием роли права и законности, с укреплением дисциплины и организованности, с развитием демократии и самоуправлением.

1. Горбачев М. С. О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки. М.: Политиздат, 1988. С. 64—65.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Ардашкин В. Д. — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Красноярского госуниверситета
- Булатов А. С. — канд. юрид. наук. Ивановский госуниверситет
- Иванов Ю. В. — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедрой гражданского права и процесса Красноярского госуниверситета
- Ким А. И. — д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой государственного права Томского госуниверситета
- Княгинин К. Н. — канд. юрид. наук, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения АН СССР
- Княгинин В. Н. — асс. кафедры теории и истории государства и права Красноярского госуниверситета
- Костенко В. И. — доц. кафедры теории и истории государства и права Омского госуниверситета
- Леушин В. И. — канд. юрид. наук, доц. кафедры теории государства и права Свердловского юридического института
- Маргацкая Н. А. — канд. юрид. наук, ст. преп. кафедры административного права Красноярского госуниверситета
- Миронов О. О. — д-р юрид. наук, проф., заведующий кафедрой советского государственного строительства и права Саратовской высшей партийной школы
- Русинов Р. К. — канд. юрид. наук, заведующий кафедрой теории государства и права Свердловского юридического института
- Сахнова Т. В. — канд. юрид. наук, преп. кафедры теории и истории государства и права Красноярского госуниверситета
- Скуратов Ю. И. — д-р юрид. наук, доц. кафедры советского государственного права Свердловского юридического института
- Шафиров В. М. — канд. юрид. наук, доц. кафедры теории и истории государства и права Красноярского госуниверситета